

Юрий Николаевич Безелянский

Знаменитые писатели Запада. 55 портретов

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2447875

Безелянский Ю.Н. Знаменитые писатели Запада : 55 портретов: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-29184-7

Аннотация

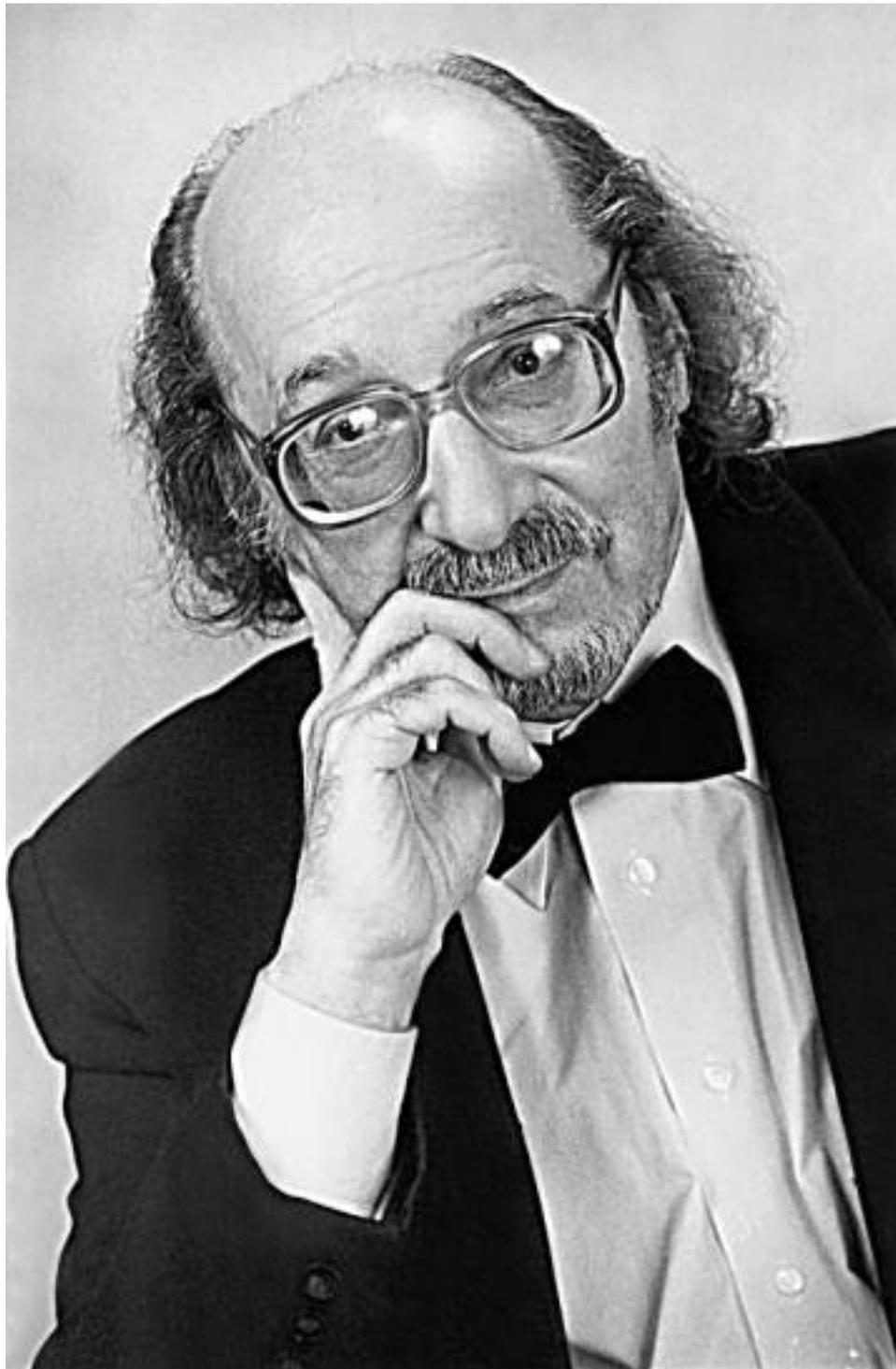
Новая книга Юрия Безелянского посвящена знаменитым западноевропейским и американским писателям. По существу – это своеобразная литературная мини-энциклопедия, написанная живым разговорным языком, с цитатами из произведений писателей и подробностями их личной жизни. Книга предельно информативна, познавательна и рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Безелянский Юрий	4
Пристрастие в любви	6
Писатели и не только...	8
Парадигма Вольтера	9
Профессионал и кудесник любви	14
Великий олимпиец	20
Гёте и Россия	24
Женщины господина тайного советника	25
«Дитя природы» – Христиана	29
Любовь с «улыбкою прощальной»	32
Финальный и несколько скандальный аккорд	34
Писатель и политик	37
Денди в арестантской робе	42
Апостол сексуальной революции	55
«Заповедь» нобелевского лауреата	63
Поэты	71
Поэт-гладиатор	71
Свет и тень лорда Байрона	79
«Цветы зла» вчера и сегодня	88
I	89
II	90
III	93
IV	97
V	98
VI	100
VII	103
VIII	104
IX	105
X	107
Спившийся бог	109
Изысканный и тоскующий	110
А теперь копнем поглубже	111
Верлен и Рембо	113
Тюрьма и свобода	115
Алхимик слова	119
Прозаики	125
Вечный Дон Кихот	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Юрий Безелянский Знаменитые писатели Запада. 55 портретов

Безелянский Юрий

Московский журналист, писатель, культуролог. Лауреат премии Союза журналистов РФ 2002 года в номинации «Профессиональное мастерство». Автор 27 книг – «От Рюрика до Ельцина», «Вера, Надежда, Любовь», «Улыбка Джоконды», «5-й пункт, или Коктейль “Россия”», «Ангел над бездной», «Огненный век» (панорама российской истории XX века), «Московский календарь», «Культовые имена», «Прекрасные безумцы», «Все о женщинах» и т. д. Автор более 1600 публикаций в газетах и журналах России и США.

Пристрастие в любви

Вполне естественный вопрос: почему одни писатели, а не другие? Ответ прост: все дело в личном вкусе автора данной книги. Цензуры нет и поэтому выбор свободный.

Второе обстоятельство. Как говаривал Козьма Прутков: «Нельзя объять необъятное». Поэтому в книгу отобраны лишь считанные имена, ведь великих, знаменитых и известных авторов тьма-тьмушая, да еще не все они вошли в 9 томов Литературной энциклопедии. Поэтому под этой обложкой собраны лишь некоторые, числом более 50. Но согласитесь: подбор неплох и имена исключительно классные. Какие могут возражения против Генриха Гейне или Марселя Пруста? А разве не интересно еще раз вспомнить двух былых кумиров русской интеллигенции Ремарка и Хемингуэя?..

Но есть и третье обстоятельство. Книга рассказывает только о писателях, уже ушедших, прошедших испытание временем, и лишь один, к счастью, ныне здравствующий – Умберто Эко. Нет современных. Модных, раскупаемых, как горячие пирожки. Лично у меня к ним душа не лежит. Такой уж я консерватор, ретроград. Остаюсь поклонником старой классической литературы и изменять ей не собираюсь. Вечное есть вечное. И как выразился американский поэт Эзра Паунд: «Литература – это новости, которые не устаревают». Герои Бальзака и Диккенса живут среди нас. Никуда не делась мадам Бовари. По-прежнему швейкует бравый солдат Швейк. Дон Кихот и Санчо Панса пребывают во всех временах и во всех странах. Кто-то тоскует по «утраченному времени», а кто-то тайно желает «Венеру в мехах».

Конечно, времена меняются. Меняется и литература. Меняются литературные стили: вместо пухлых и растянутых романов Жорж Санд пришли тоненькие энергетические любовные романы. На слуху новые авторы. К примеру, японский писатель Харука Мураками, которого у нас, в России, полюбили с пылом и жаром. С Мураками – в огонь и в воду! Не читать Мураками все равно, что не уметь пользоваться Интернетом. Как, вы не читали Мураками?! Какой стыд и позор! Мураками – это Пушкин сегодня. А между прочим этот Мураками-муравьями вышел из классической русской литературы – из Чехова, Достоевского и Толстого. Он, конечно, любопытный писатель, о жанре которого спорят до хрипоты. Что это? Джазовый дзен? Дзеновый джем? Оккультный детектив? Психоделический триллер? Антиутопия? Наверное, всего понемножку и, конечно, удивительные японские метафоры: «Как дождь после посадки риса».

И еще важно, что почти в каждом романе Мураками появляется Монстр. Ну а у нас ведь теперь обожают монстров. У нас и в истории было их превеликое число: Иван Грозный, Бирон, Аракчеев, Салтычиха, Распутин, Азеф, Сталин со своими палачами и т. д. Про современных монстров умалчиваю. Силовики, одним словом. Сила есть – ума не надо. Так что Мураками вполне можно считать русско-японским писателем.

Помимо Мураками в моде нынче и два европейца: Фредерик Бегбедер и Мишель Уэльбек. Их охотно издают, приглашают в Россию, убаживают, угощают водкой с икрой, и они за обильным столом рассуждают о русской литературе. Уэльбек пишет в основном о маргиналах, выпавших из гнезда общества, а Бегбедер, напротив, о людях, живущих в обществе и действующих в нем, в отличие от аутсайдеров нагло и лихо.

Одна из последних книг Бегбедера «Идеаль» вышла с эпиграфом: «Посвящается мне!» Мощно и убедительно, в стиле чемпиона! Эпатажная и винегретная книга, где все свалено в одну кучу: Платон, Пушкин, Путин, Никола Саркози, Иисус Христос, глобализация, порнография, наркотики, сталинские репрессии, Солженицын, Чечня, русские морозы и русская загадочная душа, – полная коробушка: «есть и ситец, и парча». Остается только пламенно полюбить заморского купца Фредерика!.. Лично мне не хочется.

Как отмечают критики, написана эта «Идеаль» бойко, вкусно и сочно, без отдыха, как из пулемета («Строчит пулеметчик за синий платочек...»), кто-то в отпаде: ах, француз, ах, Бегбедер! Как здорово сочинил. Намешал. Супер-пупер! Короче, литература как новый вид современной развлекательности. Читаешь в метро – и станции проскакивают незаметно. Вот и Выхино. Надо выходить. «Выхожу один я на дорогу...» – сквозь Уэльбека путь неясен мне.

Появился новый термин – «новая занимательность». Пиво пьешь или кока-колу, или книжку современную читаешь, – главное, ты при деле. Ты чем-то занят. Заполняешь душевную пустоту. Щекотно во рту и в голове что-то ворочается. Закрыв книгу – и все забыл.

Книги сегодня – это товар, и товар этот впаривают, как автомобили и зубные щетки, как колбасу или жвачку. Главное, чтобы был бренд. Продажный опознавательный знак. Есть бренд – это гарантия продаж, Мураками, Уэльбек, Бегбедер или какой-то еще модник-писатель, короче, брендовая литература. Чуть не написал: бредовая.

Я специально коснулся модной литературы с тем, чтобы читатели не забывали старую. Перефразируя классика: ведь были книги – и какие!.. Брендов в прежние времена не было. Но были писатели. Пророки, кумиры. Властители дум, формировавшие целые поколения. Все они были личностями и, как правило, с драматической судьбой. Какие повороты! какие страсти! какие кульбиты! какие цены платили они за читательский успех. Предлагаю вспомнить о них.

И без всякого брендизма...

И последнее. Данная книга компактна и удобна: она заменяет собою 50 книг серии ЖЗЛ, которых и ставить некуда. А тут всего одна. Емкая. Насыщенная. Концентрированная. Без воды и сюсюканий. Только информация и размышления. И все на фоне исторической панорамы Запад – Россия.

Писатели и не только...

Многие писатели предпочитают работать в одном жанре – в прозе, в поэзии, в драматургии... Но есть такие, для которых жанровые рамки узки, и они с успехом создают стихи, романы, пишут пьесы, критические обзоры и т. д. Но есть и третья категория творческих людей, которые пробуют свои силы в различных областях и сферах. Яркий пример – Иоганн Вольфганг Гёте. Он – поэт, прозаик, драматург, мыслитель, политик. За что бы они не брался, все выходило у него превосходно. Талантливый человек талантлив во всем.

Творцов, подобных Гёте, я выделил в отдельную главу. И ее эпиграфом вполне могут стать слова Гёте:

«То, что говорится о вещах без личной заинтересованности, без пристрастия любви, не заслуживает внимания».

Как автор, я пытался проявить личную заинтересованность и личное пристрастие к каждому из своих «героев».

Парадигма Вольтера

*Работа избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока и
нужды.*

Вольтер

Прекрасно быть скромным, но не следует быть равнодушным.

Вольтер

Вольтер – знаковая фигура в мировой истории и культуре. В былые годы о нем говорили, спорили, шумели. А в последнее время как-то забыли. И не то что забыли, но он перестал быть кумиром российских интеллектуалов. А прежде... В 1746 году Вольтер был избран почетным членом Петербургской академии наук. Его переписка с Екатериной II способствовала распространению среди русских дворян «вольтерьянства». Вольтера ценили Новиков и Радищев, Рылеев и Пестель. Вольтер был любимым поэтом молодого Пушкина («Умов и мод вождь пронырливый и смелый», – писал российский гений про гения французского). «Сделай милость, любезный Пушкин, не забывай, что тебе на Руси предназначено играть роль Вольтера», – писал Пушкину в 1827 году его приятель Туманский.

Среди поклонников Вольтера в России были Белинский и Герцен, последний писал: «Смех Вольтера разрушил больше плача Руссо».

В русском вольтерьянстве, как утверждает академик Нечкина, на первом плане стоит признание человеческого Разума как главного критерия общественной жизни человека. А где Разум, там и Свободомыслие. Однако большинство россиян, закоснелых в самодержавном деспотизме, сторонились идей Вольтера как заразы. Графиня-бабушка в «Горе от ума» в ужасе воскликнула по поводу необычных высказываний Чацкого: «Ах, окаянный вольтерьянец!»

Настроение общества ярко выразил другой персонаж Грибоедова – Скалозуб:

Я князь – Григорию и вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам, —
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

Короче, одни проклинали Вольтера, другие возносили. Спокойного, серединного отношения к нему не было. И не только в России, но и на его родине – во Франции. Вольтер, а точнее, Мари Франсуа Аруэ (это его настоящее имя) родился 21 ноября 1694 года в Париже. По настоянию отца-нотариуса готовился стать юристом, но увлекся литературой и вступил на поэтическую стезю. В дальнейшем он писал не только стихи, впрочем, скажем иначе: чего он только не писал! Своим многогранным талантом Вольтер поставил в тупик потомков: кто он? Поэт? Драматург? Прозаик? Философ? Историк? Популяризатор научных знаний? Общественный деятель? Но это не все, менее известна другая грань Вольтера: он был талантливым предпринимателем, ростовщиком и обладателем к концу жизни миллионов золотых монет, что позволило ему приобрести маленькое княжество Фарне.

Пересказывать жизненный путь Вольтера, его парадигму, зигзаги и отклонения бессмысленно: надо писать авантюрный роман. Если коротко охарактеризовать Вольтера как человека, то он был тщеславен, амбициозен и неуживчив. Он без стеснения выставлял напоказ свои достоинства и высмеивал чужие недостатки. Не раз он страдал из-за эпиграмм и жалящих острот, которые отпускал вечером и распространял утром.

Вольтер был удивителен: там, где у него отсутствовали враги, он спешил их нажить. Вот одна из его эпиграмм:

Французы, что умом резнулись,
Поход в Италию свершили,
И там они заплучили
Неаполь, Геную и люэс.
Из Генуи прогнали вон,
Неаполь был потерян тоже,
Но кое-что осталось все же,

Поскольку люэс сохранен.

Люэс – это сифилис. Весьма едкая эпиграмма.

У Вольтера были сложные отношения с французским двором. Конечно, он хотел быть при дворе, в эпицентре всех политических, социальных и культурных событий. Но восхвалять монарха или по крайней мере держать язык за зубами – это противоречило его натуре. Не случайно из пяти правителей, лишь один, Людовик XIV не сажал его в тюрьму и не высылал. Да и то, вероятно, потому, что в момент смерти Людовика XIV Вольтеру был всего лишь 21 год и он не успел надерзить королю. А так большую часть жизни Вольтер провел либо в тюрьме (сидел в Бастилии), либо в ссылке, либо в ожидании ареста. Его язвительный ум сделал Вольтера вечным скитальцем и изгнанником.

Заключительная фраза вольтеровской трагедии «Магомет» гласит: «Мир принадлежит тиранам». А вот тиранию, как и всякую деспотию, Вольтер не переносил органически. По своему духу он был певцом, борцом и защитником свободы. Вольтер – это символ свободы мысли вообще. Отправленный в изгнание из Франции, Вольтер четко сформулировал свои принципы в «Философском письме об Англии». Вольтеру понравилось, что в Англии не одна, а множество религий, что государство далеко не абсолютистское, что английские крестьяне живут лучше французских, и вообще там больше свободы, и главное, как отмечал Вольтер: «В Англии никто ни у кого не спрашивает позволения думать». Сразу мрачно вспоминаются тоталитарные времена нашего великого Советского Союза, вот уже где бы сразу сгноили этого интеллектуального смутьяна и вольнодумца. Вольтеры тоталитарным режимам совсем не нужны, более того, противопоказаны. А вот современник Пушкина – мемуарист Винский с благодарностью писал: «Первый Вольтер заохотил меня рассуждать».

Большие расхождения у Вольтера были с Церковью. Вольтер спорил не столько о Боге, не столько о делах небесных, сколько о земном учреждении, о служителях соборов и монастырей, которые насаждали нетерпимость и фанатически душили свободу. Знаменитый призыв Вольтера: «Раздавите гадину!»

У Тютчева есть строки о том, что «мы плывем, пылающей бездной со всех сторон окружены». Это подходит к фигуре Вольтера. Он действительно плыл над «пылающей бездной». Нет, глагол «плыл» все же не подходит. Он боролся с этой стихией-бездной и в этой борьбе достиг немало побед (к примеру, само появление во Франции правосудия – в немалой степени заслуга Вольтера). Вольтер стал воплощением воли века к политической и духовной свободе. «Никакой государь не управлял общественным мнением с подобной властностью, как Вольтер», – писал о нем один из его современников.

Природа наделила Вольтера блестящим умом, но безобразной внешностью. Достаточно вспомнить известную статую Вольтера работы Гудона, стоящую в Эрмитаже. Рассказывают, что однажды российский император был взбешен ядовитой улыбочкой плешивого и старого философа и велел: «Уберите эту обезьяну!» «Обезьяну» оставили в покое, но все, кто общался с живым Вольтером, мгновенно забывали о его внешности, как только он начал говорить. Фейерверк слов и интеллектуальная игра его ума покоряли сразу, тут, конечно, весьма кстати рассказать об отношениях Вольтера с женщинами. В одном из своих стихотворений Вольтер писал:

Красивых женщин и царей
Боюсь я: им всего милей
Держать нас в рабском подчиненье...

Вольтер не то чтобы боялся, но во всяком случае сторонился красивых женщин, а они, покоренные блеском его ума, льнули к нему сами. Тем не менее Вольтер устоял и свою

долгую жизнь прожил холостяком. Был только один случай в юные годы, когда он чуть не женился. Это было в Гааге, где ему приглянулась Пимпетта Дю Нуайер, дочь журналиста, ведущего колонку светских сплетен. Вольтер сделал официальное предложение, но родители Пимпетты ему отказали на том основании, что у этого юноши нет никаких перспектив. А он не только вошел, но и стал украшением мировой истории. Ну что ж, подобная близорукость встречается в жизни.

Не заполучив голландскую девицу, Вольтер в дальнейшем обратил внимание на других женщин. У него была, в частности, многолетняя любовь-дружба с актрисой Андриенной Лекуврер. Но, очевидно, опыт общения с дамами у Вольтера был печальный, и в свои 25 лет он написал: «Мне кажется, что я совершенно не приспособлен для проявления бурной страсти. В любви мне видится что-то смешное... Я твердо решил раз и навсегда от нее отказаться».

Любовь и страсть – это всегда потеря разума, а именно этого Вольтер как раз и не мог допустить.

В 46-летнем возрасте Вольтер заявил, что слишком стар, чтобы заниматься любовью. В разные периоды жизни Вольтер неоднократно утверждал, что является импотентом по причине преклонного возраста, болезни, скуки или полнейшего нежелания заниматься любовными играми. Хотя вероятно, в устах Вольтера слово «импотент» – всего лишь остроумная уловка отойти в сторону и не терять головы.

Самый значительный и длительный роман был у Вольтера с маркизой Эмилией дю Шатле, которая приютила вечного скитальца у себя в замке Сире на целых 15 лет. Она была моложе Вольтера на 12 лет и очень богата. «Она немножко пастушка, – сказал однажды о ней Вольтер, – правда, пастушка в бриллиантах, с напудренными волосами и в огромном кринолине». Маркиза Креки, кузина дю Шатле, с черной завистью рисовала ее портрет, что-де она чересчур крупного телосложения, а кожа ее груба, как терка, короче, напоминает идеального швейцарского гвардейца, и «совершенно непонятно, как это она заставила Вольтера сказать себе столько любезных слов».

Старая история: со стороны частенько не понятно, что возлюбленные нашли друг в друге. В случае с Вольтером и маркизой дю Шатле – это интеллектуальное единение двух блестящих и идеально подходящих друг другу умов. Маркиза была умна и начитанна, тяготела к естественным и математическим наукам, да так увлекалась ими, что порой ночь проводила за решением какой-нибудь геометрической задачи. Однако, кроме математики, ее волновала и чувственность. И вот тут начиналось несовпадение со вкусами и пристрастиями Вольтера, он ворчал о том, что ему «хочется, чтобы она была менее ученой и менее умной и чтобы ее сексуальный аппетит был все же несколько менее ненасытным. А более всего мне хочется, чтобы она приобрела, наконец, и способность, и желание сдерживать хоть иногда свой язык».

Следует признать, что умной и богатой женщине трудно сдерживать себя, и поэтому бывали случаи, когда в Вольтера через стол летели тарелки, серебряные приборы и прочие предметы, находящиеся под рукой. Пятнадцать лет – срок немалый, и поэтому бывало всякое. Но когда маркиза дю Шатле умерла от неудачной беременности (нет, не от Вольтера, а от более молодого любовника), философ был безутешен: «Я не просто потерял любовницу, я потерял самого себя. Я потерял душу, для которой была создана моя собственная душа».

Однако Вольтер был настоящим бойцом и в частной жизни и не хотел сдаваться. В 79-летнем возрасте он пытался соблазнить одну молодую особу и в любовном процессе трижды терял сознание. Позже он объяснил это тем грандиозным впечатлением, которое произвела на него дама.

Свой последний роман Вольтер «крутил» с собственной племянницей Мари Дени. Она и скрасила последние дни Вольтера. Он умер 30 мая 1778 года, на 84-м году жизни.

Это печальное событие произошло за 11 лет до Великой французской революции, которую он предчувствовал и боялся и для подготовки которой он столько сделал.

Вольтера похоронили тайно в аббатстве Селье, а через 13 лет его тело эксгумировали, положили на колесницу и в сопровождении гвардейцев и девушек в белом (это было красивое зрелище) привезли в Париж. Шел проливной дождь, но сотысячная толпа не уходила до тех пор, пока останки великого человека не нашли свое последнее пристанище в Пантеоне. На саркофаге, в котором был помещен гроб с прахом Вольтера, была надпись: «В память о Вольтере Национальное собрание 30 мая 1791 года постановило, что он заслужил те почести, которые воздаются величайшим людям».

В парижском Пантеоне пребывает его брненное тело, а вечно живая мысль трепещет со страниц его произведений. В книгах Вольтера тысяча наблюдений, умозаключений, парадоксов – от игрового замечания: «Похоже, что все европейцы стали врачами. Все спрашивают друг друга: «Как вы себя чувствуете?»» – до простого и мудрого наставления вольтеровского Кандида: «Надо возделывать свой сад».

Когда сегодня мы возмущаемся тем, как развивается история, следует вспомнить слова Вольтера: «Каждое событие в настоящем рождается из прошлого и является отцом будущего... вечная цепь не может быть ни порвана, ни запутана... – неизбежная судьба является законом всей природы».

И на этом поставим точку.

Профессионал и кудесник любви

*История некоторых встреч. Эквилибристика чувств.
Марина Цветаева. О любви (Из дневника)*

*Игнация все отлично поняла, вероятно, потому, что мои глаза
договаривали то, что не договаривал язык.
Джованни Джакомо Казанова. Мемуары*

Есть люди – легенды. Один из них – Джованни Джакомо Казанова, великий соблазнитель, герой невероятных любовных приключений, символ сексуальной революции на Западе, настоящая love machine («машина любви»). О нем сложены легенды и мифы, напи-

саны книги – биографии и романы о его любовных похождениях (более 500 тысяч) и литературные эссе. Портреты Казановы писали знаменитые живописцы Антуан Ватто, Жан-Оноре Фрагонар, Франческо Гварди, Пьетро Лонги, Джованни Антонио Каналетто и многие другие. Живописный сериал о Казанове собран в музее живописи XVIII века в венецианской галерее Ка'Реццоник. Последняя работа – монумент Казановы в Венеции напротив тюрьмы, откуда он бежал, памятник работы нашего Михаила Шемякина; поставлен он в 1998 году, к 2000-летию со дня смерти Великого Соблазителя.

Воссоздать образ знаменитого сластолюбца пытались режиссеры театра и кино, художники и писатели. Казанова и сам постарался оставить о себе память, написав мемуары (рукопись составила 4543 страницы), которые были изданы в 12 томах. Однако в его творческом наследии не только воспоминания, но и другие литературные произведения, в том числе блестящий перевод «Илиады» Гомера, исполненный на венецианском диалекте с высочайшим совершенством.

И все же Казанова прославился прежде всего в куртуазном мире, прославился мужской сексуальной силой, мастерством обольщения, а отнюдь не умением водить пером по бумаге.

Вот уже более 200 лет нет среди нас любовника номер один, он больше не целует и не соблазняет женщин, но сознание, память о том, что он все-таки был, существовал, целовал и соблазнял, этот настоящий мужчина высокий, атлетически сложенный, рослый, в бархатном камзоле, – туманит многим голову и томит сердце. Неужели его нет уже два столетия?!

Казановы нет, но подражателей Казановы масса. Однако все они лишь жалкие лове-ласы, подмастерья любовного цеха. Повторить Казакову нельзя. Любое повторение всего лишь подделка. А подлинник один, неповторим и божествен. Мастер. Высочайший профессионал любви. Тонкий дегустатор чувственных наслаждений. Истинный певец сладостра-стия.

Стефан Цвейг писал о нем: «Этот жеребец с плечами фарнезского Геркулеса, с мускулами римского борца, смуглой красотой цыганского парня, силой напора и наглостью кон-дотьера и пылкостью растрепанного фавна».

Джованни Джакомо Казанова – авантюрист и писатель, философ и путешественник, коллекционер любовных утех и настоящий Макиавелли сексуальных интриг.

Что правда и что ложь в легенде о нем? Современники свидетельствуют, что Каза-нова был хорошо образован, прекрасно знал литературу и юриспруденцию, писал памфлеты, создал энциклопедию сыров, перевел «Илиаду», интересовался многими науками – химией, математикой, историей. Участвовал в заседаниях французской академии наук, посвященных вопросам воздухоплавания (умел парить и заставлял парить других). А еще он был интерес-ным и остроумным собеседником. Все это позволяло ему сблизиться со многими выдающи-мися личностями своего времени.

Казанова всегда был в поиске, постоянно чем-то увлекался. Единственный, по его сло-вам, потерянный день в его жизни – это когда он в Петербурге проспал 30 часов кряду. Вся его жизнь была непрерывным движением от одного города к другому, от одной любви к другой, от удачи к неудаче, а затем к новому успеху – и так без конца. Перпетуум мобиле дель Казанова!

Откуда появился такой «шустрик»? Джованни Джакомо Казанова родился 2 апреля 1725 года в Венеции. Его матерью была Занетти Фарусси, молоденькая актриса, слы-шавшая ветреной особой. Мужем ее был танцор Казанова. Но сам Джакомо предполагал, что отцом его был Микеле Гримани, происходивший из почтенной театральной семьи. Воспи-тывала мальчика бабушка. Затем семинария, из которой Казакову выгнали за неблаговид-ные поступки, и венецианская армия. Воина из Казановы не получилось, и он начал вести жизнь «свободного художника» за счет своего природного умения добывать деньги и поко-рять женщин. Он перебирается из страны в страну, «путешествуя из удовольствия».

Вся жизнь Казановы – это жажда знаний, чувственных развлечений и путешествий. Он побывал при всех монарших дворах Европы, выполняя дипломатические поручения многих правительств. А какие знакомства он водил! С Папой римским, Вольтером и Жан-Жаком Руссо, с Бахом и Моцартом, Гёте и Шиллером, мадам Помпадур и Екатериной Дашковой, с королями и императорами. Трижды давала ему аудиенцию Екатерина Великая.

В Россию Казанова отправился в декабре 1764 года. В Петербурге он быстро освоился и вскоре был на короткой ноге с всесильными братьями Орловыми и Никитой Паниным. Желая заработать, он предложил правительству свой проект улучшения земледелия в России и реформу русского календаря. «Я просил работы, был представлен императрице, но счастье не способствовало мне, – жаловался Казанова. – В России в цене лишь те люди, которых позвали. Кто приходит сам, тот редко находит счастье».

В Петербурге Казанова жил на Миллионной улице, но миллионов в России, увы, не заработал.

Неудачи подстерегали Казанову не только в России. В 30 лет за увлечение алхимией и чернокнижием (этим он тоже интересовался) Казанова был судим инквизицией и посажен в мрачный венецианский каземат. Через 15 месяцев он совершил дерзкий побег. Но это еще не все. Долговая тюрьма в Париже, многочисленные дуэли – чего только не было в его жизни! И все же главное – женщины.

Мне это имя незнакомо:
Как это вкрадчиво: Джа-комо...
Как тяжкий бархат черный, —
да? Какая в этом нежность: Джа...

Так шепчет одно из юных созданий в цветаевском «Фениксе», который был написан летом 1919 года. В предисловии поэтесса признается: «Это не пьеса, это поэма – просто любовь, тысяча первое объяснение в любви к Казанове...»

Цветаева, конечно, опозитизировала своего кумира. Для нее он был скорее символом любви, чем живым человеком во плоти и крови.

Сексуальное пробуждение Казановы было ранним. Если верить его записям, уже в 16 лет он соблазнил сразу двух юных сестер. Дальше по нарастающей. Казанова показал себя настоящим сексуальным атлетом («...и вот началась моя шестая подряд гонка» – читаем мы в его мемуарах).

Казанова в равной мере стремился взять в любовный плен аристократку и трактирщицу, монахиню из захолустной обители и ученую даму, прислужницу в бернских купальнях, какую-то безобразную актрису и даже ее горбатую подругу. Он соблазнял всех, отдаваясь внезапно вспыхнувшему желанию; при этом следовал правилу – двух женщин легче соблазнить вместе, чем порознь.

Казанова был гурманом. Каждая встреча с женщиной для него – настоящий праздник. Он писал: «Запах женщин, которых я любил, всегда был очень приятен для меня». Не только гурман, но и дегустатор!..

Однажды Казанова умудрился соблазнить молодую монахиню через решетку монастыря. Он так распалил бедную женщину, что она с вожделением выполнила... выразимся по-научному: феллатио. В своих мемуарах об этом эпизоде Казанова поэтически написал: «Она просто высосала квинтэссенцию моей души и моего сердца».

Западные специалисты по эротике скрупулезно подсчитали количество женщин, с которыми Казанова вступил в сексуальные отношения. Ради этого они проштудировали все 12 томов его воспоминаний, изучая страницу за страницей. Итог: 132 женщины, названные

инициалами или описанные еще каким-либо образом, и бессчетное количество неназванных. Собранный статистический «материал» представлен следующим образом.

Национальность любовниц Казановы: итальянки – 47, французенки – 19, швейцарки – 10, немки – 8, англичанки – 5, гречанки – 2, испанки – 2, польки – 2, голландки – 1, русские – 1.

Возраст любовниц: 11–15 лет – 22, 16–20 лет – 29, 21–29–15, 30–39 лет – 5. Возраст остальных женщин не выяснен. Ясно одно: Казанова тяготел к молодым созданиям и игнорировал женщин старше 40 лет.

Кем были его любовницы: служанки – 24, богатые женщины из благородных семейств – 18, женщины королевских кровей – 15, проститутки – 11 известных и неопределенное количество неизвестных. А еще 7 актрис, 6 танцовщиц, 6 крестьянок, 3 певицы, 2 монахини, 1 рабыня.

Семейное положение его женщин: одинокие – 85, замужние – 11, вдовы – 5. Семейное положение остальных неизвестно.

Общие эротические сведения, почерпнутые из его мемуаров: количество женщин, лишенных им девственности, – более 30, групповой секс (как минимум с двумя женщинами) – 12 случаев, оргии – 1. Рекордное количество соитий с одной той же женщиной за сутки – 13, самый кратковременный половой контакт – 15 минут, самый продолжительный – 7 часов. Наибольшее количество оргазмов, испытанных женщиной во время одной его эрекции, – 14. Нормального, ординарного человека такая статистика ошеломляет. Но она отнюдь не рекордная. Те же спецы считают, что Сара Бернар, Гюи де Мопассан, лорд Байрон и Элви Пресли по эротическим приключениям явно превзошли первого любовника в мире. Превзошли-то превзошли, но слава истинного покорителя женщин осталась все же за Казановой.

Стефан Цвейг, тонкий аналитик и психолог, в книге «Три певца своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой» попытался проникнуть в тайну успехов великого соблазнителя. Вот что он пишет о Казанове:

«В этом крепком чувственном теле отсутствуют даже зачаточные формы моральной нервной системы. И в этом кроется разгадка легкости и гениальности Казановы: у него, счастливца, есть чувственность, и нет души. Никем и ничем серьезно не связанный, не стремящийся ни к каким целям, не обремененный никакими сомнениями, он может извлечь из себя жизненный темп совершенно иной, чем у прочих целеустремленных, нагруженных моралью, связанных с социальным достоинством, отягченных нравственными размышлениями людей, отсюда его единственный в своем роде размах, его ни с чем не сравнимая энергия...»

И далее Цвейг пишет, что «...робкие юноши напрасно будут перелистывать мемуары Казановы, чтобы вырвать у мастера тайну его побед: искусству соблазна так же нельзя научиться из книг, как мало изучить поэтику, чтобы писать поэмы. У этого мастера ничему не научишься, ничего не выудишь, ибо не существует особого секрета Казановы, особой техники завоевания и приручения. Вся его тайна – в честности вождений, в стихийном проявлении страстной натуры...»

И оттого – продолжим цитату – «...каждая женщина, отдавшаяся ему, становится более женщиной, более знающей, более сладострастной, более безудержной; она открывает в своем до тех пор равнодушном теле неожиданные источники наслаждения, она впервые видит прелесть своей наготы, скрытой дотоле покрывами стыда, «она познает богатство женственности...»

Вот так-то. Кстати, Казанова никогда не был женат, ибо считал, что семейная жизнь – это «могила для любви». Уже под старость, в Лондоне, он сказал одной даме: «Я распутник по профессии, вы приобрели сегодня дурное знакомство». В предисловии к своим мемуарам

он пишет: «Главнейшим делом моей жизни были чувственные наслаждения, более важного дела я не знал никогда».

Нет женского постоянства,
Есть только миллионы уст
пленительных... —

так утверждает Казанова в пьесе «Феникс» Марины Цветаевой.

Исколесив всю Европу, взбудоражив женскую часть ее населения (одни слухи о нем волновали тысячи женщин!), Казанова обрел тихую пристань в Богемии, в замке Дукса, недалеко от города Теплице. Владелец замка граф Вальдштейн предложил ему за 1000 талеров в год стать его библиотекарем. Разумеется, должность была чисто формальной – сановник книгами не интересовался, но ему льстило, что Казанова служит у него. Здесь, в Северной Чехии, легендарный венецианец провел остаток своей жизни – целых 13 лет. Здесь он написал прославившие его мемуары, которые назвал «Исповедь моей жизни»; благодаря им он и стал, собственно говоря, идолом и кумиром в храме мировой Любви.

«Все это безумство молодости, – признавался автор «Исповеди», – вы увидите, что я смеюсь над ними, и если вы добры, то посмеетесь над ними вместе со мной... Я надеюсь понравиться вам, но если ошибусь при этом, то, признаюсь, буду огорчен не настолько, чтобы раскаяться, ибо ничто не может помешать мне немного развлечься!»

Лишенный любви, Казанова развлекался в воспоминаниях!

Сексуальные силы Казановы стали ослабевать после 40 лет. Это было великим разочарованием для него. Оставалось только одно: книги и еда. Один из современников писал по этому поводу: «Поскольку он уже не мог быть господом в райских садах, он стал волком за обеденным столом».

Казанова много ел и много читал. «Книга – как женщина, – говорил он. – Хороша она или плоха, но удовольствие должна начинать доставлять уже с самой первой страницы».

В последние годы Казанова редко выбирался из замка. Самое яркое впечатление тех лет: присутствие в октябре 1787 года в Праге на премьере «Дон Жуана». В свое время Казанова предлагал Моцарту либретто к этой опере, но композитор его отверг.

Казанова-старик – это, конечно, нонсенс. Нелепица. Тусклым и вялым представлен он режиссером Марио Моничелли в фильме «Казанова-70». Заглавную роль в нем исполнил Марчелло Мاستроянни. Другим выглядит Казанова в фильме Эдуарда Нирманса «Возвращение Казановы». Ален Делон, играющий главного героя, показывает, как все ухищрения бывшего великого соблазнителя – слова, клятвы, жесты, телодвижения – никак не действуют на женщин. И тогда в ход пускается последний аргумент: деньги! Деньги и обман. Любовная партия выиграна, но грош цена такой победе. Это не величие Казаковы, это – его поражение.

Еще одного Казанову представил в одноименном фильме Федерико Феллини. У Феллини этот персонаж трагичен. При любом королевском дворе он никому не нужен как личность, как ученый, как литератор. Двору, толпе нужен лишь Казанова как «машина любви», и в конце фильма показано, как великий любовник вынужден совокупляться с механической куклой. Казанова в отчаянии, он понимает, что все его любовное искусство идет лишь на потеху сытой толпе. Но это в фильме. В жизни все обстояло не так, и Казанова тешил не двор и не плебс, а исключительно самого себя.

Последние годы были безрадостны. Женщины ушли из его жизни, хотя шлейф соблазнителя за ним еще волочился. И когда в замке, где он жил, забеременела дочь привратника юная Франческа Бучиони, то все были уверены, что тут не обошлось без участия библиотекаря. Но потом выяснилось, что не библиотекарь Казанова сжимал в объятиях дочь при-

вратника, а придворный живописец Франц Шоттнер. Джакомо Казанова давно уже не играл роль любовника, скорее он выполнял роль комического старика.

«Я перестал жить и начал медленно умирать... Я потерял желание хоть что-то делать, чтобы вызвать любовь женщин. А сами они больше не желали в меня влюбляться», – с горечью признается он в своих дневниковых записях.

Старость омрачилась еще и болезнью: появились боли в горле, трудно было принимать пищу. Умирал Казанова мучительно и долго. Однако и мучениям пришел конец, и в книге гражданских актов появилась запись, гласившая, что 4 июня 1798 года, в чешском Духцове, в доме № 1 скончался «господин Якуб Кассанеус, венецианец». Его похоронили на погосте церкви Св. Барбары, но позднее прах Казаковы были перезахоронен, и до сих пор неизвестно, где точно. В этом его посмертная судьба схожа с Моцартовой: оба остались без могил.

Отчего умер Казанова? Есть три версии: рак горла, рак простаты и сифилис. Еще раз отметим – Казанова мучился и подумывал о самоубийстве: «Кто не может жить хорошо – пусть не живет плохо». Однако он не стал накладывать на себя руки и дождался естественного финала.

О предстоящем расставании с жизнью и с женщинами Казанова написал в мемуарах: «Смерть – это чудовище, которое отрывает зрителя от великой сцены, прежде чем кончится пьеса, которая бесконечно интересуется его!»

Говоря высоким слогом, Джакомо Казанова отволновался и ушел из театра жизни, обретя вечный покой и последующим поколениям вечное беспокойство оставив. Все мы – его ученики, и в большинстве своем ученики бездарные. Ведь учитель говорил: «Любовь без слов – ничто». А мы с вами или забываем, или вовсе не знаем слов любви, не пользуемся ароматной приправой к блюду любви. Оттого-то у нас все буднично, постно и пресно.

«Что такое любовь? – читаем мы в мемуарах Казановы и тут же получаем ответ: – Это род безумия, над которым разум не имеет никакой власти».

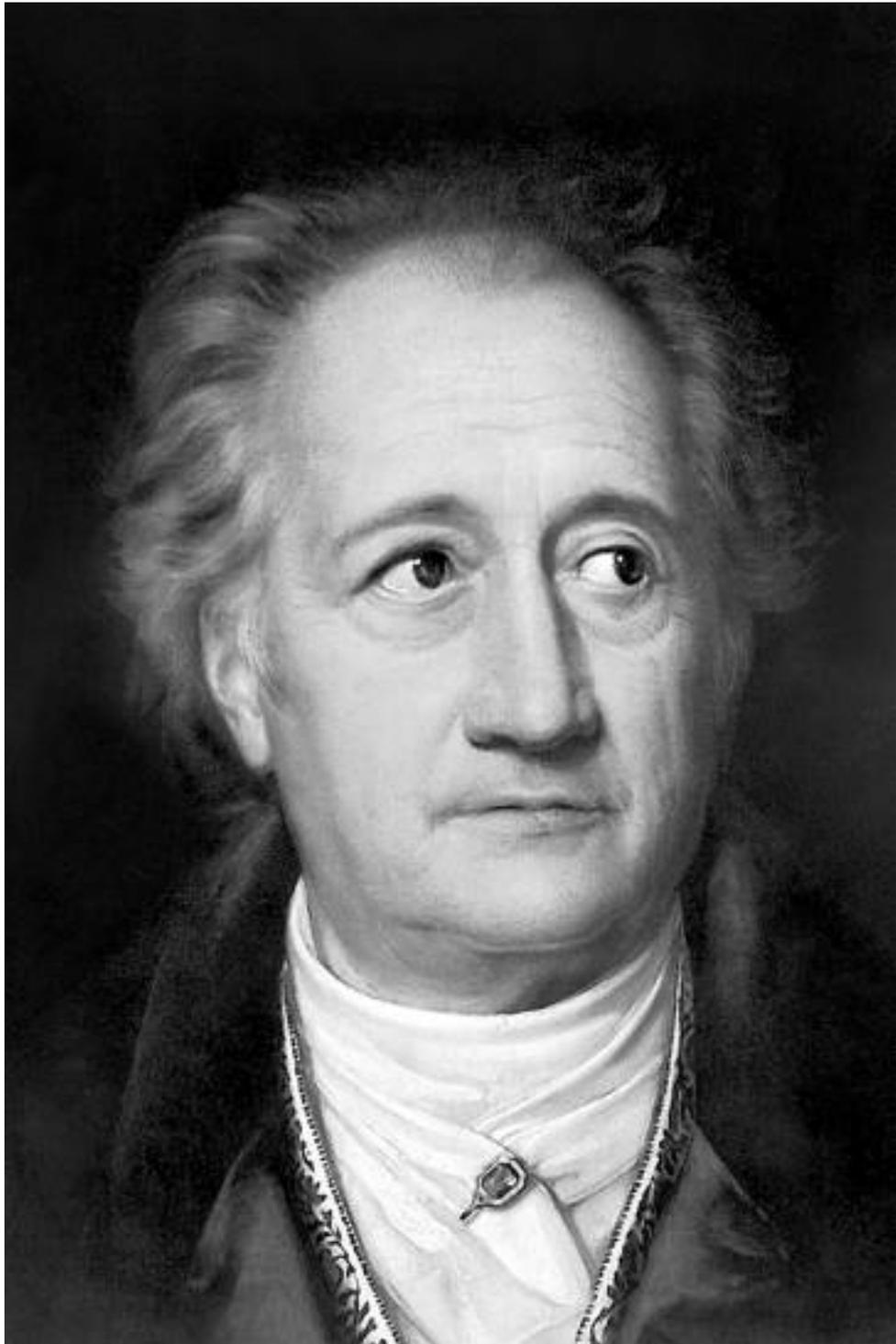
В другом месте Казанова выразился иначе: «Любовь – это только любопытство».

Ах, как хочется быть все время любопытным! Узнавать и изведывать что-то новое!.. Ах, Казанова, наш вечный соблазнитель и искуситель!..

Великий олимпиец

*Жил я в безумное время и сделаться так же безумен
Не преминул, как того требовал век от меня*
Гёте. Эпиграммы. 1790

*Мирозданье постигая,
Все познай, не отбирая:
Что – внутри, во внешнем сыщешь;
Что – вовне, внутри отыщешь.
Так примите без оглядки
Мира внятны загадки.
Нам в правдивой лжи дано
Жить в веселье строгом:
Все живое – не одно,
Все живет – во многом.*
Гёте. Из стихов последних лет

Есть фигуры, возвышающиеся над человечеством. Гиганты духа. Великие олимпийцы. Сегодня, увы, мы редко обращаемся к ним. Нас больше привлекают сиюминутные кумиры, которые отнюдь не блещут интеллектом. Временные болотные огоньки. И это очень прискорбный факт.

У поэта Леонида Мартынова есть строки:

Редко перечитываем классиков.
Некогда. Стремительно бегут
Стрелки строго выверенных часиков.
Часики и классики не лгут.

Так вот, один из гигантов-олимпийцев Иоганн Вольфганг Гёте никогда не лгал. Ну разве что самую малость, ради дипломатических уверток или обольщения женщин, но это всегда простительно. А так, по-крупному, Гёте был безукоризненно честен. К тому же многое знал и многое предвидел.

И вообще удивительный человек. Великий прозаик, великий поэт, а еще – ученый и государственный деятель. Еще при жизни Гёте вокруг его имени роились всевозможные легенды. Одним только своим величественным видом он вызывал трепет. Генрих Гейне, впервые увидев его, искренне удивился, что тот понимает немецкий: сам он чуть было не обратился к нему по-гречески. Гёте выглядел как бог, отмечает Гейне. Действительно, только бог мог стать зачинателем целого направления в культуре XVIII века, получившего название «Буря и натиск».

Первую славу ему принес роман «Страдания молодого Вертера» (1774). Вертер попал в нерв эпохи своим бунтом против филистеров. Этой книгой зачитывались и монаршьи особы, и бродячие ремесленники, дворяне и купцы, юноши и старцы. Робеспьер читал ее в ночь накануне казни, а Наполеон возил с собой в походы. Книга волновала всех. По признанию критиков, «Страдания молодого Вертера» – это вершина мировой литературы «чувствительного индивидуализма».

Читал «Вертера» и Пушкин, он назвал гётевского героя «мятежным мучеником». В книге «“Фауст” Гёте» Лев Копелев добавляет: «И действительно, выстрел Вертера был мятежом, но его мятеж мог быть только мученическим, самоубийственным. Французские ровесники Вертера полтора десятилетия спустя стреляли на улицах Парижа, на полях битв. А в Германии его гневные и слезные излияния стали такой же модой, как «вертеровский костюм» – синий фрак и желтые панталоны, – в котором еще долго щеголяли молодые немцы. Несколько юношей застрелились, подражая книжному герою».

Еще больший успех выпал на долю «Фауста». Над этой драмой Гёте работал почти целую жизнь: начатая примерно в 1770 году, она была завершена в 1831-м. «Фауст» – это не только кладезь мудрости и творческих озарений его создателя, но и превосходнейшая литература. А проще говоря, шедевр. Для немцев «Фауст» – что для русских «Горе от ума»: собрание крылатых выражений и стихотворных хлестких поговорок. Одну из них любил цитировать Ульянов-Ленин: «Теория, друг мой, суха, но зелено вечное дерево жизни». Однако наш вождь иначе, чем Гёте, смотрел на дерево жизни, старательно обрезая его самые плодоносные и творческие побеги.

Да, «Фауста» надо непременно читать и перечитывать. В нем, как говорится, про все написано – и про нашу российскую историю тоже. Не верите?

Все близкое отходит вдаль, а давность,
Приблизившись, приобретает ясность.

И точно: история России является нам все более полной, во всей красе и ужасе раскрытых документов и архивов, а вот «близкое», сегодняшнее выглядит все более сложным и непонятым. Споры и дискуссии, по какому пути идти России, становятся все более ожесточенными. Одни уверенно говорят: надо идти туда! Другие указывают в противоположную сторону. И все без исключения выдают себя за знатоков и держателей истины. Послушаем, однако, что говорят персонажи Гёте:

Вагнер

Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос,
Чтоб знать ответ на все свои загадки.

Фауст

Что значит знать?
Вот, друг мой, в чем вопрос.
На этот счет у нас не все в порядке.
Немногих, проникавших в суть вещей
И раскрывавших всем души скрижали,
Сжигали на кострах и распинали,
Как нам известно, с самых давних дней.

Гётевскому Фаусту неведом оптимизм всезнания. Он убежден в том, что «у природы крепкие затворы» и она не отдает своих тайн.

В «Фаусте» много драматических сюжетных линий, но финал драмы оптимистичен: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!»

Все это, конечно, так. Но еще многое зависит от судьбы и его величества случая (если бы я верил в астрологию, то непременно написал бы: и от расположения звезд на небе). В этом смысле Гёте был удачником из удачников. Крепкое здоровье позволило ему прожить долго. Реализовать практически полностью свой талант. Иметь прижизненную славу, не уступающую, пожалуй, посмертной. Получить признание коллег. Жить в ладу с властью. Не знать, что такое нужда. Да плюс ко всему этому любовь женщин – в юности и в старости. Кому, скажите, такое выпадало в жизни?

Сервантесу пришлось изведать тюрьму. Байрон умер молодым от лихорадки (о нем дальше в этой книге). Шелли утонул молодым. Пушкин, Лермонтов, Лорка – все были убиты в молодом возрасте. Бальзака и Достоевского постоянно терзали долги. Мопассана постигло безумие. Чехова свела в могилу чахотка. Маяковский, Есенин, Марина Цветаева покончили жизнь самоубийством. А душевные муки и терзания Льва Толстого?.. Этот список можно продолжать до бесконечности. А Гёте? Он стоит как бы в стороне от жизненных невзгод, неурядиц и страданий. Пожалуй, единственно ему одному Фортуна решила отвесить удачу полной мерой.

Может быть, Гёте только не хватило размаха деятельности, но, с другой стороны, Веймарское герцогство (карликовое государство со 100 тыс. жителей) сохранило ему силы и время. И тут Гёте повезло: пригласил к себе герцог Карл Август и стал его вполне благожелательным покровителем.

Великий лирик неплохо проявил себя и на поприще экономики и политики. С 1775 по 1782 год Гёте попеременно возглавлял различные ведомства и везде упорно стремился осуществлять прогрессивные реформы. Руководя Военной коллегией, он почти вдвое сократил «армию» – с 600 солдат до 310 (и не надо смеяться при этом, солдат в Веймарском герцогстве «стоил» значительно дороже, чем в нашей бедной России). Так что Гёте добился заметного сокращения военного бюджета. Он организовал восстановление заброшенных каменноломен, заботился о прокладке и сохранности дорог, старался упорядочить финансы и даже сократил расходы на герцогский двор (по тем временам неслыханно дерзкий акт). Но это не все. Гёте запретил применение пыток и устранил некоторые наиболее жестокие средневековые законы и правила уголовного судопроизводства. По его инициативе и под его руководством был учрежден постоянный театр, он усиленно заботился об Иенском университете, оставался его попечителем до конца жизни.

В 1782 году Гёте стал главой правительства – премьер-министром и одновременно управлял финансами, лесоводством и личными земельными владениями герцога. Другое дело, что многие его начинания наталкивались на препятствия со стороны веймарских ари-

стократии и бюрократии, большинство из его нововведений попросту саботировались. «Не понимаю, как это судьба умудрилась припутать меня к управлению государством и к княжескому дому», – писал с горечью Гёте в 1784 году своему другу.

Десять лет государственной деятельности затормозили все его литературные планы, но все же урывками он продолжал творить за письменным столом. Однако от больших дел отвлекало и множество мелких: писание фарсов и оперетт для придворного театра, на подмостках которого в качестве актеров и актрис выступали родственники герцога и придворные.

В конце концов Гёте почувствовал, что больше не в силах тащить всю эту ношу, и тайно, под чужим именем уехал в Италию. Это произошло в 1786 году. Постранствовав по Европе, Гёте возвращается в Веймар и создает роман «Годы учения Вильгельма Мейстера», а потом – «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Но о всех литературных трудах великого олимпийца и не расскажешь, впрочем, это не задача данного этюда.

Стоит лишь упомянуть, что в 1794 году герцог Карл Август «за многолетние заслуги» и «большое расположение» подарил «господину тайному советнику фон Гёте» красивый и добротный дом с садом на улице Фрауэнплац. Он сохранился и по сей день – это одна из достопримечательностей современного Веймара.

Большой дом позволил Гёте широко развернуть свою страсть: коллекционирование. Он собирал камни и растения, книги и рукописи, монеты и медали, картины и скульптуры, керамику и фарфор. Особую слабость питал к гипсовым копиям античных скульптур. Может быть, в этом проявлялась его душа олимпийца?

Как ему хватало на все времени? Вопрос праздный. Он был Гёте. Он был Богом. Ему от природы было дано значительно больше, чем любому из живущих на Земле.

Гёте и Россия

Его в России знали. Ценили. Переводили. И Жуковский, и Тютчев, и Огарев, и Фет. Замечательно представил немецкого классика Михаил Лермонтов в своем стихотворении «Из Гёте»:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы.
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

А потом настали советские времена. В 1932 году по случаю 100-летия со дня смерти Гёте в стране проводились гётевские торжества. Любопытна запись Корнея Чуковского в дневнике от 23 марта:

«Гъте. Гёте (Гьоте) и даже Гёте (как дитё). Одна комсомолка спросила:
– И что это за Гёте такое?»

В самом деле, ни разу никто не говорил им о Гёте, им и без всякого Гёте отлично – и вдруг в газетах целые страницы об этом неизвестном ударнике – как будто он герой какого-нибудь цеха. И психоз: все устремились на чествование этого Гёте. Сидя у Халатова в при-

хожей, я только и слышал: нет ли билета на Гъте, на Гьоте, на Гёте. А дочь Лядовой спросила ее по телефону:

– У тебя есть билет на Гнёта? Говорят, тоска была смертная...»

Что можно сказать по этому поводу? Горько и смешно. А разве не удивительны начертанные на титуле сказки Горького «Девушка и смерть» слова Сталина: «Эта штука посильнее «Фауста» Гёте»? Эта знаменательная надпись появилась 11 октября 1931 года. А еще раньше, в 1915 году, Владимир Маяковский в поэме «Облако в штанах» низвергнул Гёте с высот поэзии на грешную землю:

Что мне до Фауста,
феерией ракет
скользящего с Мефистофелем в небесном
паркете! Я знаю —
гвоздь у меня в сапоге
кошмарней, чем фантазия у Гёте!

Короче, грош цена вашему Фаусту! И плевать было Маяковскому и всему победившему пролетариату в стране, что Фауст – это герой мировой литературы, что рисунки к нему делал Эжен Делакруа, а Шарль Гуно сочинил целую оперу. Однако ниспровергатели-нигилисты недолго правили бал.

Спустя 115 лет после первого перевода Эдуарда Губера к «Фаусту» приступил Борис Пастернак. Это была целая лирическая река в 600 страниц, которую, не считаясь с часами дня и ночи, создавал Борис Леонидович. И, наконец, под новый 1954 год перевод увидел свет, и безмерно счастливый Пастернак написал шуточные строки:

Сколько было пауз-то
С переводом «Фауста».
Но явилась книжица —
Все на свете движется.
Благодетельные сдвиги
В толках средь очередей:
Чаще выпускают книги,
Выпускают и людей.

После смерти тирана из лагерей стали возвращаться оклеветанные «враги народа». Вместе с ними к читающей публике пришел пастернаковский «Фауст». Перевод «Фауста» по праву считается высшим достижением Пастернака в этой области. Он вызвал много откликов и исследований у нас и за границей, главным образом в Германии.

На этом, пожалуй, поставим точку и вернемся к главному герою нашего повествования и поговорим о его частной жизни.

Женщины господина тайного советника

Иоганн Вольфганг родился 28 августа 1749 года во Франкфурте-на-Майне в семье имперского советника Иоганна Каспара, образованного и почтенного бюргера. Но не отец оказал большое влияние на юного Гёте, а мать, Катарина Элизабет Гёте, Frau Аја, как ее называли. Она всячески ограждала любимого сына от черствых отцовских методов закаливания и способствовала тому, чтобы мальчик рос в естественных, нестесненных условиях. Своеобразная была женщина, и при этом с очень спокойным и ровным нравом. Характерный

штрих: слугам она приказала никогда не сообщать ей печальных новостей, однажды ей даже побоялись сказать, что заболел ее сын. К счастью, он поправился без материнского участия. Во всех житейских вопросах она всегда старалась сохранить невозмутимость, но вместе с тем любила смех и веселье.

От матушки – любовь моя
К рассказам и веселью, —

писал, вспоминая свое детство, Гёте. Словом, будущий гений рос маменькиным сыночком, нежным и романтичным мальчиком – как впоследствии выяснилось, с чрезвычайно влюбчивым сердцем.

Самое время приступить к пересказу любовных увлечений Иоганна Вольфганга. Первая – Гретхен. Гёте всего 15 лет, а очаровательной блондинке значительно больше, она вполне созревшая женщина, и Гёте, как она считала, до нее не дорос, так, забавный влюбленный мальчик. Гретхен откровенно смеялась над его чувствами. А он? Он воплотил свою первую влюбленность в образ чарующей фаустовской Гретхен. Гретхен – это немецкая национальная героиня, вроде нашей Василисы Прекрасной или бедной Аленушки.

Следующая любовь – Кетхен, точнее Анна Катарина Шёнкопф, дочь одного из трактирщиков в Лейпциге, куда уехал Гёте, чтобы стать студентом. В своих воспоминаниях он ее называет то Анхен, то Аннет. Ей 19 лет, она весьма чувствительна, а Гёте очень и очень красноречив, и молодая девушка не остается равнодушной к пылким словам и красноречивым вздохам молодого поэта. Происходит сближение двух молодых людей, но вскоре и резкое отторжение. Гёте ревнив и капризен, и Кетхен не в силах снести этого. Разрыв. Юноша испытывает неслыханные душевные муки (романтик, куда же денешься). А узнав, что Кетхен выходит замуж, и вовсе заболел: открылось легочное кровотечение. Ему удалось еле-еле выкарабкаться из любовной пропасти, из бездны отчаяния. Он пишет ей письма: «Вы мое счастье! Вы единственная из женщин, которую я не мог назвать другом, потому что это слово слишком слабо в сравнении с тем, что я чувствую».

Плодом этой любви явилась пьеса «Хандра влюбленного». Такие плоды – не редкость. У любого творца – художника, писателя, поэта – все любовные переживания, пройдя через фильтр души, становятся кристаллами слов, рассказом о любви и ее перипетиях. Гёте – не исключение, а лишнее подтверждение тому, недаром он сам признавался: «Все мои произведения – только отрывки великой исповеди моей жизни».

Лейпциг – город неудачной любви для Гёте, но и Страсбург, куда его отправили для изучения юриспруденции, тоже оказался не совсем приветливым городом в плане чувств. В те годы, когда там появился Гёте, Страсбург был увлечен танцами. Танцевали все. Как заметил один из европейских политиков, танцы очень отвлекают от революции, танцы – это благо для народа.

Гёте молод и охотно вписывается в обстановку общего веселья, для чего берет уроки у местного танцмейстера. На его беду, у этого танцмейстера две дочери – Люцинда и Эмилия. Нетрудно догадаться, чем закончились уроки танцев: кто-то кого-то полюбил. Да, но в запутанной комбинации: Гёте полюбил Эмилию, а Люцинда полюбила Гёте. По этому поводу вспоминаются стихи другого немецкого классика, Генриха Гейне:

Всё это старо бесконечно
И вечно ново для нас,
И тот, с кем оно приключится,
Навеки сердцем угас.

Нет, Гёте сердцем не угас, это было закаленное любовью сердце, но ему пришлось пережить трагикомическую сцену выяснения отношений между сестрами. Когда юноша, выяснив, что нет никаких шансов на взаимность с Эмилией (у нее был жених), пришел прощаться к сестрам в дом, те начали «рвать его на части». Люцинда в иступлении кричала:

– Этот человек никогда не будет моим, но и твоим он никогда не будет. Бойся моего проклятия! Да обрушится горе на ту, которая первая поцелует его после меня! Ну, можешь теперь бросаться ему на шею! Посмей!..

Гёте в страшном изумлении и некотором испуге покинул дом танцмейстера: такие танцы были ему явно не по душе.

Но на этом «страдания молодого Вертера», то есть Иоганна Вольфганга Гёте, не закончились: сердце требовало новых любовных переживаний, ведь ему было всего 20 лет. И новое приключение сердца он нашел в Зозенгейме. Тихая деревня после шумного города, и вместо двух шумных и эксцентричных сестер одна девушка, но какая! Маленькая живая Фридерика со вздернутым носиком и весело блестящими глазами, на этот раз дочь не танцмейстера, а благочинного местного пастора.

Вспыхнувшая любовь длилась ровно два дня, ибо в Зозенгейме молодой человек был всего лишь проездом, направляясь во Франкфурт. Всего два дня, но за это короткое время сердце его успело раскрыться для любви, как раскрывается цветок, тянущийся навстречу солнечным лучам.

Увлеченность Гёте была такова, что он сделал предложение Фридерике, но, поостыв, понял, что их брак невозможен: оба находились на разных ступенях социальной лестницы. Это понимала и Фридерика, поэтому с ее уст не сорвалось ни единого слова укоризны. Расставание было нежным и полным слез. Гёте уехал, но еще долго помнил очаровательную деревенскую девушку, а она осталась верна ему до могилы. Несмотря на многочисленные предложения, Фридерика так и не вышла ни за кого замуж. В ее сердце царил только Гёте, сначала всего лишь влечерчивый студент, а потом – великий поэт Германии.

Одна любовь заглушает другую. Старая истина, правда, оказалась неприменима к Фридерике, но к Гёте подошла вполне. Попереживав и поплакав в душе, он с головой окунулся в работу, приступив к плану создания двух своих произведений – «Прометей» и «Фауст», которые обесмертили его имя. Но литературный труд не избавил его от новых сердечных испытаний.

9 июня 1772 года 23-летний Гёте повстречал Шарлотту Буфф или, как ее называли, Лотту. Девушка была дочерью статского советника и, следовательно, ровней ему по социальному статусу. Лотта была юна, нежна, красива и к тому же обладала веселым характером, что всегда импонировало Гёте. Он мгновенно влюбился во все ее достоинства, но... Но у Лотты был один существенный недостаток: она уже сделала свой выбор и весьма благоволила жениху – тезке поэта Иоганну Кёстнеру. Судьба словно бы испытывала сердце Гёте на прочность.

Отчаянию молодого человека не было предела, он даже подумывал о самоубийстве и каждый вечер ложился спать, держа кинжал под подушкой, с таким расчетом, чтобы поутру решительно покончить счеты с жизнью. Но наступало утро, забывались черные ночные мысли, кинжал оставался нетронутым, а жизнь тем временем брала свое. Хотелось страдать и работать. Гёте решительно покидает дом Лотты и тут же садится за новый роман – роман, пропитанный насквозь его несчастной любовью. Он дал ему название «Страдания молодого Вертера». Вертер – это поэтический его двойник. Вот маленький отрывочек из романа:

«В глубоком отчаянии бросился он к ногам Лотты, схватил ее руки, приложил к своим глазам, ко лбу...»

Бедная Лотта! «Сознание ее помутилось, она сжала его руки, прижала к своей груди, в порыве сострадания склонилась над ним, и их пылающие щеки соприкоснулись. Все вокруг

перестало существовать. Он стиснул ее в объятиях и покрывал неистовыми поцелуями ее трепетные лепечущие губы...»

Но нет! Она не отдалась. Она сопротивлялась. Она взывала к благоразумию потерявшего голову молодого человека. «– Вертер! – крикнула она сдавленным голосом, отворачиваясь от него. – Вертер! – и беспомощным движением попыталась отстранить его. – Вертер! – повторила она тоном благородной решимости...»

Далее героиня объявляет, что Вертер никогда ее больше не увидит. Любовь разбита. Все притязания беспочвенны. Вертер кончает жизнь самоубийством.

Гёте написал своего «Вертера» – и излечился от любовного недуга, хотя, возможно, не до конца. И спустя пять десятилетий «угольки былой страсти еще тлели» – эти его слова записал Эккерман, секретарь и летописец последних гётевских дней.

Любопытно и то, что, расставшись, Гёте и Лотта встретились на склоне лет. Лотта была старушкой с трясущейся головой. Когда она покинула его дом-дворец, Гёте не удержался от восклицания: «В ней еще многое осталось от прежней Лотты, но это трясение головой! И ее я так страстно мог любить когда-то! И из-за нее я в отчаянии бегал в костюме Вертера! Непостижимо, непонятно...»

А что непонятно? На мой взгляд, все понятно: у каждого возраста – свой идеал и своя любовь. В молодые годы нравится одно, в зрелые – другое, в старости – третье. Меняется любовь, меняется тип женщин, которых мы любим. Это ведь в природе вещей.

Конец 1774 года. В жизнь 25-летнего Гёте входит еще одна прелестная девушка – Елизавета Шёнemann, Лили, как называют ее близкие. Лили – дочь банкира, дом полной чашей, приемы, музыкальные вечера, и Гёте приходится соответствовать стилю жизни франкфуртского магната. Об этом он пишет в письме одной из своих знакомых: «Представьте себе, если можете: Гёте в галунах, франт с головы до ног, среди блеска свечей и люстр, в шумном обществе, прикованный к карточному столу парой прекрасных глаз, рассеянно рыскающий по собраниям, концертам, балам, с легкомысленной ветреностью волоочащийся за привлекательной блондинкой, – таков теперешний карнавальный Гёте!»

Усмешка над собой – удел мудрости. Но Гёте не до мудрости, он снова влюблен, снова пылает чувствами, снова во власти лирического вдохновения. Он пишет знаменитую элегию «Парк Лили», посвящает новой возлюбленной ряд стихотворений: «Уныние», «Блаженство уныния», «На море», «Осеннее чувство», «Белинде» и т. д. Короче, вновь перепплав личных чувств в лирические строки.

Дело шло к браку, но он не состоялся, хотя и произошло обручение. Что-то разладилось в механизме взаимной любви, какие-то шестеренки и колесики не состыковались, и отсюда сбой. Часы любви перестали ходить. Лили вышла за страсбургского банкира (может быть, посчитала, что банкир значительно надежнее, чем поэт?), а Гёте записал в свою записную книжку следующие слова: «Лили, прощай! Во второй раз, Лили! Расставаясь в первый раз, я еще надеялся соединить нашу судьбу. Теперь же решено: мы должны порознь разыграть наши роли. Я не боюсь ни за себя, ни за тебя. Так все это кажется перепутанным. Прощай!» То есть Гёте уже не тот, каким был. Повзрослел. Ни о каком кинжале не идет и речи. Встретились – расстались, все по жизни. И вообще, жизнь – это театр, и надо дальше «разыгрывать наши роли». Не следует забывать, что Гёте был не только поэтом, но и драматургом, и умел расписывать роли и раскручивать сюжет. Расставание, разлука – всего лишь один из актов многоактной пьесы.

Вскоре на гётевском небосклоне засияла новая звезда – Шарлотта фон Штейн. В отличие от прежних влюбленностей поэта, молоденьких и неопытных девушек, Шарлотта зрелая дама, ей 33 года, она замужем за обершталмейстером веймарского двора и ко всему прочему многодетная мать: семеро деток, мал мала меньше! Но, естественно, для женщины обеспе-

ченной дети не помеха. Шарлотта живет своей жизнью, принимает гостей, участвует в балах и кружит головы своим молодым и старым поклонникам.

Их встреча породила взаимный восторг. Гёте видит в Шарлотте опытную и весьма искусственную женщину, сулящую ему какие-то необыкновенные радости и любовные удовольствия. А та, в свою очередь, встречает в Гёте поклонника в расцвете лет, да еще наделенного большим талантом. Это ей льстит, другого такого мужчину во всем Веймаре днем с огнем не сыщешь!

Но... Во всех ранних любовных историях Гёте приходится ставить это многозначительное «но», которое всегда ведет к какому-то новому неожиданному повороту сюжета. В данном случае «но» было в следующем. Как пишет Н. Дубинский: «его любовь к Шарлотте была платоническая. Они обменивались страстными признаниями, писали друг другу пламенные письма во время разлуки, но никогда не заходили за черту дозволенного, хотя муж Шарлотты бывал дома всего раз в неделю».

Это одна версия. Есть и другая, что все же «заходили за черту дозволенного». Но кто знает, что было на самом деле? Известно лишь одно: когда Гёте сошелся с Христианой Вульпиус, которая в дальнейшем стала его женой, Шарлотта вспылала гневом и, вытребовав назад свои письма, в ожесточении сожгла их, а с Гёте прекратила всякие отношения.

Более того, ее ожесточенность пошла дальше. Шарлотта фон Штейн, обладая неплохим литературным даром, написала драму, точнее некий пасквиль, направленный против Гёте. В нем она изобразила своего бывшего поклонника глупейшим хвастуном, грубым циником, тщеславным до смешного, вероломным лицемером, безбожным предателем. Надо сказать, ее крайне возмутила не сама измена, а личность соперницы. Она, Шарлотта фон Штейн – образованная и богатая женщина, уважаемая и почитаемая в обществе, а кто такая Христиана Вульпиус? Продавщица цветов! Простолюдинка! Вульгарная особа с лицом круглым, как яблоко! Фи!.. Нет, положительно у Иоганна Вольфганга Гёте нет никакого вкуса!

Так кого же в конце концов нашел тайный советник? На ком, как говорят карточные гадалки, успокоилось его сердце? Об этом и поведем речь.

«Дитя природы» – Христиана

Покинув Шарлотту фон Штейн, Гёте уехал в Италию и там повстречался с некоей римской вдовушкой, которая щедро одарила немецкого поэта своими ненасытными ласками. Об этом он поведал в письме к своему «другу» Шарлотте, а та в ответ написала ему, что он стал чрезмерно «чувственным». Именно в состоянии обостренной чувственности Гёте вернулся обратно в Веймар и здесь повстречал Христиану, свою судьбу.

Молодая девушка Христиана Вульпиус (иногда ее именуют Христиной) работала на фабрике Бертуха, изготовлявшей искусственные цветы. Семья была большая и без средств, билась в тисках нужды, а тут еще брату грозила потеря места, и он упросил Христиану доставить Гёте письмо с просьбой помочь ему сохранить работу или найти что-то новое: тайный советник Гёте имел вес и авторитет в Веймаре. С этим письмом и отправилась Христиана в парк Ульм, где и встретила с Гёте.

«Это была прелестная, приветливая и прилежная девушка, – пишет в своих воспоминаниях актриса Каролина Ягеман, жившая по соседству с Христианой. – На ее круглом, как яблоко, свежем личике сверкали карие глазки, а слегка вздернутые красные, как вишни, губки свидетельствовали о том, что она любит смеяться, у нее были прекрасные белые зубы, пышные каштановые локоны обрамляли лоб».

Христиана и Гёте встретились, она отдала ему письмо, он посмотрел на зардевшуюся девушку, и она ему явно понравилась, как и он ей – статный красавец и к тому же знатный и богатый человек, что еще нужно бедной девушке?! Короче, в тот же день все и свершилось:

небеса скрепили их союз. Не случайно, что они всегда отмечали день 12 июля – день соединения горячих сердец и жарких тел.

Некоторые строфы в «Римских элегиях» Гёте несомненно посвящены Христиане. «Милая, каешься ли ты, что сдалась так скоро? Не кайся: помыслом дерзким, поверь, я не принижу тебя» – так автобиографично начинается третья элегия.

Веймар кипел и клокотал. Точнее, кипели и клокотали дамы из высшего веймарского общества: Шарлотта фон Штейн, Шарлотта фон Шиллер и Каролина Гердер. Последняя в крайнем возмущении писала: «Он сделал юную Вульпиус своей избранницей, частенько приглашает ее к себе и т. д.». Это многозначительное «и т. д.», подразумевало бог знает что – какие-то неслыханные оргии. Никаких оргий не было. Просто Гёте нашел то, что давно, очевидно, искал: простую и милую женщину, которая без всяких затей отдается ему душой и телом, не требуя ничего взамен и не выставляя никаких условий. Она естественна и проста – дитя природы, как сразу окрестил ее поэт.

Гёте вначале не думал жениться на Христиане. Сначала ему было с ней хорошо только в постели, но в дальнейшем он нашел в ней и массу других достоинств. В быту она была нежна, хлопотлива, заботлива, создала для Гёте душевный комфорт, а для него это было самым главным. От нее веяло покоем и гармонией, хотя она и не разбиралась в литературе и искусстве.

25 декабря 1789 года на свет появляется первое дитя их любви – Август. В июле 1790 года, за месяц до своего 41-летия, Гёте пишет в письме: «Я женился, но без торжественной церемонии». И опять взрыв негодования в обществе: мало того что выбрал себе неровню, еще и женился на ней почти тайно! Но Гёте не до пересудов. Начинается война с революционной Францией, в которой ему приходится принимать участие. Христиана остается дома одна, их соединяют только письма.

Гёте пишет на прекрасном немецком литературном языке, она – на каком-то смешном родном тюрингском диалекте, да еще с немалыми ошибками. В письмах Христиана вся открыта, называет вещи своими именами, откровенно пишет о том, чего ей недостает в своем одиночестве. Такие признания не шокируют Гёте, напротив, он им тихо радуется и ласково называет Христиану «эротиконом». Под ее влиянием поэт пишет и печатает некоторые элегии с явным сексуальным подтекстом. И опять Веймар негодует: как же так можно, стихи Гёте напоминают бордель!

А время катит и катит свои годы, как море катит волны. В 1791 году у Христианы рождается мертвый ребенок, в 1793-м появляется на свет девочка, которая умирает через две недели, в 1795-м – мальчик, но умирает спустя три недели, в 1802 году на свет появляется опять девочка, но ей суждено прожить лишь несколько дней. Мать Гёте, фрау Айа, скорбит, что не может «оповестить всех о рождении внучонка».

14 октября 1806 года происходит еще одно событие: в дом врываются французские солдаты-мародеры, и Христиана, не раздумывая, хватается за пистолет и защищает Гёте. Пьяные солдаты вынуждены покинуть дом.

Через пять дней, 19 октября 1806 года, они официально вступают в брак. Восемнадцать лет были «женаты без церемонии», и вот наконец свершилось венчание в ризнице церкви Святого Иакова. На следующий день они вместе демонстративно появляются в салоне Иоганны Шопенгауэр, которая говорит своему сыну – философу Артуру Шопенгауэру: «Думаю, раз уж Гёте дал ей свою фамилию, то и мы можем предложить ей чашку чаю».

Деваться некуда, и веймарское общество скрепя сердце приняло в свои ряды «госпожу тайную советницу», чему Христиана была безмерно рада. К тому же у нее новое увлечение: танцы. В 1808 году с разрешения и одобрения Гёте она отправилась на курорт Даухштадт и оттуда регулярно посылала мужу отчеты. Вот один из них:

«После обеда мы отправились на аллею, где ожидали господин Ноститц и другие, чтобы проводить нас на танцы. Там было просто прелестно. Я танцевала все, что здесь танцуют, и тотчас же протерла свои новые туфли до дыр. Протанцевала три дня кряду, и теперь меня отсюда не выгонишь. Вчера, как я потом узнала, один граф вознамерился было «затанцевать» меня в кадрили доупаду, ведь темп в ней довольно быстрый. Но я нисколько не устала; здесь обо мне много говорят, и все из-за танцев, и мне кажется, что графини немного дуются на меня, но не подают виду. После бала мне пришлось переодеться: я была мокрая, как будто вышла из ванны...»

Ну разве не «дитя природы»?..

И приписка в конце письма: «Прощай и люби меня по-прежнему. Здесь, среди множества людей, нет ни одного мужчины, способного сравниться с тобой; когда узнаешь их поближе, никто не достоин уважения».

Примечательно, что пишет Гёте в ответ на это, полное милого вздора, письмо: «Пришли мне с ближайшей оказией твои последние новые, до дыр протанцованные туфли, о которых ты мне писала. Мне хочется иметь хоть что-нибудь твое, чтобы я смог прижать к моему сердцу».

Возникает вопрос: сохранили ли супруги верность друг другу? Флирт был несомненно. «Мой бреславец, которому я строю глазки, – пишет все с того же курорта Христиана, – так врядился, что на него приятно посмотреть, танцует он тоже превосходно».

Реакция Гёте: «Твои глазки, вижу, зашли излишне далеко, смотри, чтобы они не стали глазищами».

Гёте не очень суров потому, что он сам себе позволяет кое-что. Осенью 1811 года в Веймаре появляется 26-летняя Беттина фон Арним, демоническая женщина с безудержными фантазиями. Она буквально бросается Гёте на шею. Гёте 62 года, и ему, разумеется, льстит любовь молодой женщины. Христиана все видит и переживает молча, но взрывается, когда Беттина слишком явно демонстрирует свое интеллектуальное превосходство, чтобы ее окончательно унижить. Разразился скандал, и, конечно, Христиана не искала особо тонких дипломатических выражений, чем доставила дополнительную радость своим недоброжелательницам. «Толстая половина Гёте, – так выразилась о Христиане одна из веймарских дам, – повела себя так, как мы и предсказывали».

Однако здоровье Христианы постепенно начинает разрушаться. Не только недоброжелательницы, но и многие биографы Гёте отмечают, что в последние годы она пристрастилась к вину (от нее несло вином, как от открытой сорокаведерной бочки, как злобно написал один из биографов), и вполне возможно, именно вино сгубило ее в конечном счете. Она умирала тяжело, в судорогах и мучениях.

В день ее смерти, 6 июня 1816, года, Гёте, которому шел 67-й год, записал: «... Пустота и мертвая тишина во мне вокруг меня».

Великий лирик ощущал глубокое отвращение к смерти во всех ее видах. Когда умирал кто-то из близкого окружения, он сказывался больным и ложился в постель. Никогда не участвовал в похоронах, не хотел и слышать о посмертных масках. «Смерть – плохой портретист», – говорил он. Можно, конечно, за это осуждать его, но можно и понять: это был способ самосохранения, скорбь его раздавливала.

Гёте не было, когда умирала Христиана, не было его и на ее похоронах. Христиана умерла в горьком одиночестве. Но одиноким ощутил себя и поэт, написавший в заветной тетради: «... ушло, что в жизни было мило». Когда-то, введя ее в веймарские салоны, он сказал примечательную фразу: «Представляю вам мою жену и свидетельствую, что с тех пор, как она впервые вошла в мой дом, я обязан ей только счастьем».

Тогда его никто не понял и все недоумевали: как так? Поклонник «вечно женственного» выбрал себе в спутницы жизни вот это смазливое, но малообразованное существо?

Однако в Христиане Гёте нашел именно то, что искал, – еще раз повторим этот довод. Недавно он писал: «Часто я сочинял стихи, лежа в ее объятиях, и легко отбивал такт гекзаметра указательным пальцем на ее спине».

Ах, Иоганн Вольфганг, а может быть, и ниже? Хотя в этом случае такт гекзаметра явно бы нарушился... Но вот Христианы не стало, и что же дальше?..

Любовь с «улыбкою прощальной»

После смерти жены Гёте прожил 16 лет. Это не был, говоря словами Пушкина, «закат печальный». Великий олимпиец не мог жить без женщин, без их участия, обожания, без их любви. Он был слишком велик, чтобы женщины не замечали его, наоборот, они льнули к нему. Слава притягательна, как мед, и Гёте была приятна ее сладость.

Кого отмечают биографы поэта? Веймарскую актрису Корону Шрётер, скромную девушку Минну Герцлиб, которая питала настоящую страсть к Гёте, и такую, что родственники, опасаясь за ее здоровье, изолировали Минну от Гёте, отправив ее в далекий пансион. Следует вспомнить и очаровательную Марианну, жену банкира Виллемера. Во время разлуки Гёте писал ей: «Сердце мое жаждет тебе открыться. Я ничего не в состоянии делать, как только любить тебя в полной тишине...» Она отвечала ему теми же признаниями, и их переписка длилась до самой смерти Гёте.

И, наконец, последняя любовь – Ульрика фон Левенцов. Уже 75 лет от роду Гёте, как юноша, влюбился в 18-летнюю Ульрику, очаровательное и юное создание. Самое удивительное то, что Ульрика ответила взаимностью. И это всех шокировало: что любит старик юную деву – понятно, но что она полюбила человека, который ей годится не то что в отцы, а в дедушки, этого никто понять не мог. Между тем Ульрика полюбила старика Гёте искренней, пылкой любовью. Когда их разлучили, Ульрика была безутешна. Она ни за кого не вышла замуж, прожила долгую жизнь (умерла в 96 лет), в течение которой сохраняла в сердце память о Гёте.

Получив отказ, Гёте тоже был безутешен. И, как всегда, нашел утешение в поэзии. Как отмечает Стефан Цвейг, «немецкая поэзия не знала с тех пор более блистательного часа, чем тот, когда мощное чувство мощным потоком хлынуло в бессмертные стихи».

Новелла Цвейга об этом называется «Мариенбадская элегия». Эта тема затронула и Юрия Нагибина. В рассказе «О ты, последняя любовь!..» он писал:

«Пророчество Гёте сбылось – она так никогда и не вышла замуж; на могильной плите почти столетней старухи было выбито: «Фрейлейн Левенцов». В женихах не было недостатка, иным удавалось затронуть ее сердце, другим – разум, понимавший, что пора наконец сделать выбор и зажечь естественной и полноценной женской жизнью. Но что-то всякий раз мешало, останавливало у последней черты. Быть может, память о старике с огненными глазами. Но кто знает?..»

«Старик с огненными глазами» перешел 82-летний рубеж и шел к 83-летнему, но на полпути умер. Это произошло 22 марта 1832 года. Видимая причина: простуда. Простуженный, он сидел в кресле, попросил вина с водой. Потом неожиданно вскрикнул: «Больше света!» И умолк навеки. Легкая смерть. Некоторые биографы пишут другое: болезнь его была тяжелой, хоть и короткой. А теперь снова вернемся к последней любви старого Гёте, к юной Ульрике. Ситуация неординарная, и она вдохновила многих поэтов на размышления о любви, когда можно любить, а когда нельзя.

Всё то, что Гёте петь любовь заставило
На рубеже восьмидесяти лет, —
Как исключенье, подтверждает правило, —

А правила без исключения нет

Так посчитал Александр Межиров.

Поэт Серебряного века Михаил Кузмин в 1916 году написал стихотворение «Гёте» и в нем нарисовал такой образ великого олимпийца:

Я не брошу метафоре:
«Ты – выдумка дикаря Патагонца»,
Когда на памяти, в придворном шлафоре
По Веймару разгуливало солнце.
Лучи свои спрятало в лысину
И скромно назвалось Geheimrath'om,
Но ведь из сердца не выкинуть,
Что он был лучезарным и великим братом.
Кому же и быть тайным советником,
Как не старому Вольфгангу Гёте?
Спрятавшись за орешником,
На него почтительно указывают дети.
Конечно, слабость: старческий розариум,
Под семидесятилетним плащом Лизетта,
Но всё настоящее в немецкой жизни – лишь комментариум,
Может быть, к одной только строке поэта.

Лизетта... Ульрика... что-то юное и благоухающее... ступенька к ушедшей молодости... жажда возрождения... и ясное понимание, что это всего лишь иллюзия... возможно лишь то, что возможно, а это... И как писал Петр Вегин в стихотворении «Любовь старого Гёте»:

Кончено, милая, кончено.
Судьбу не перехитрить.
Ты мне годишься в дочери —
как мне тебя любить?

Имя твое многоточием
я замену в стихах...
Но я не помню – как дочек
держат отцы на руках.

Небезошибочно Время.
Я не могу быть отцом.
Но молит она на коленях:
«Останься моим певцом!»

Он и остался. Отсюда и «Мариенбадская элегия».

Финальный и несколько скандальный аккорд

О Гёте существует множество книг, но в основном апологетических. И в этой связи весьма любопытна оценка великого олимпийца, которую дал Фридрих Энгельс. Он отмечает большую противоречивость немецкого поэта и мыслителя:

«Так, Гёте то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер».

Писателя Леонида Жуховицкого, когда он был в Веймаре и задал заместителю директора национального музея Гёте стереотипный вопрос «Кто ваш любимый немецкий поэт?», весьма удивил ответ: «Клейст... Гёльдерлин...»

– А Гёте? – не унимался Жуховицкий. Ответ был следующий:

– Нет. Поэт не должен идти на компромисс. Он должен жить как Клейст, как Гёльдерлин, как Шиллер...

Вот так. Всем великим и кандидатам в великие выпадала горькая судьба: безвестность вначале, материальная нужда, насмешки и подножки коллег, борьба с сильными мира сего, малые гонорары и большие долги и в конце жизни – полное или частичное забвение. Ничего подобного Гёте не испытал. Если исключить несколько несчастных увлечений в молодые годы, то он счастливчик, да и только. А счастья без компромиссов не бывает.

Что касается высказывания Энгельса, то, на мой взгляд, каждый человек, а тем более великий, должен быть разнообразным и многогранным и свободно перетекать из одного состояния в другое, в зависимости от ситуации и жизненных обстоятельств, настроения и, разумеется, возраста. Неизменны лишь мраморные изваяния. А Иоганн Вольфганг Гёте – вечно живой и с высоты своего Олимпа обращается к нам:

Друзья мои, простимся!
В чаще темной
Меж диких скал один останусь я.
Но вы идите смело в мир огромный,
В великолепии, в роскошь бытия!..

Что ж, остается заметить, что Гёте любил и ценил всю эту «роскошь бытия» с его великолепной природой, достижениями искусства, с чисто человеческими переживаниями – радостью и болью, наслаждениями и страданиями, со всем спектром жизни.

В 1997 году на международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне вызвала сенсацию новая биография Гёте «Die Liebdosungen des Tigers» («Любовные связи Тигра»). Отличие этой биографии от всех написанных за последние два века – в том, что она насквозь эротическая. В ней «роскошь бытия» и наслаждения расширены за все мыслимые пределы. Автор этой книги Карл Хуго Пруйс считает, что Гёте был невероятным донжуаном, за что получил от своих друзей прозвище Тигр. До этой книги считалось, что платонический опыт любви у Гёте преобладал над плотским, сексуальным. Пруйс доказывает совершенно обратное. Мало того, утверждает, что Гёте был не чужд и гомосексуальности.

Книга «Любовные связи Тигра» произвела эффект разорвавшейся бомбы. На книжной ярмарке появились надписи: «Goethe auch?!» – «И Гёте тоже?!»

Что получается? Потомки готовы содрать последние одеяния с великих людей, со своих былых кумиров и идиологов и показать их в самом неприглядном виде, со всеми пороками и язвами. Это относится не только к Гёте, но и к нашему обожаемому Пушкину. Сегодня ни одно биографическое описание не обходится без эротики. Без нее пресно и скучно читать.

Время требует сильных наркотических грез. «Я б хотел забыться и заснуть!..» Кто это сказал? Лермонтов. Не суть важно. Наверное, что-нибудь подобное есть и у Гёте.

Своеобразным продолжением «Любовных связей Тигра» служит публикация в «Независимой газете» от 28 ноября 2000 года. Статья посвящена легенде о русских потомках Гёте в Кирове, т. е. Вятке, и называется она «Великое родство».

Суть такова. Молодой Гёте в начале своей карьеры в Веймаре, как мы уже отмечали выше, увлекся Шарлоттой фон Штейн, которая была (или оставалась долгое время) холодной и недоступной. Гёте писал ей: «...Я не успокоюсь, покуда вы... не постараетесь на будущее изменить свои сестринские помыслы, недоступные для других чувств...»

Пожар страсти надо было как-то тушить, и Гёте обратил внимание на очаровательную Генриетту, жену некоего камер-ревизора Трейтера. Сохранилась в Вятке (как она туда попала, об этом чуть позже) визитная карточка:

«Госпожа супруга камер-ревизора Трейтера почтительнейше приглашается на воскресенье 22 октября к чаю и ужину. Гёте».

В августе 1781 года камер-ревизор Трейтер находился на седьмом небе: родился наследник. Со временем выяснилось, что сын Иоганн (его назвали Иоганном – уж не в честь ли Иоганна Вольфганга Гёте?) удивительным образом похож на веймарского чиновника и поэта Гёте. Какие страсти разыгрались по этому поводу в доме Трейтера, нам неизвестно, но факт остается фактом: сын Иоганн (по всей вероятности, сын Гёте и Генриетты Трейтер) неисповедимыми путями попал в... да, вы догадались куда, в Россию. Он оказался в Петербурге, был крещен и стал называться Василием Васильевичем Трейтером.

В Петербурге он женился на баронессе Елене фон Цеймерн, потом еще трижды обзаводился женами (увы, все они по разным причинам покидали белый свет), и в итоге на руках Василия Васильевича Трейтера оказалось девять его детей. Девять внуков и внучек великого Гёте!

Небезынтересно то, что все потомки Гёте-Трейтеров были одаренными людьми и успешно трудились в различных областях: в музыке, медицине, педагогике, науке. Кстати, среди нынешних потомков следует упомянуть композитора Андрея Петрова и академика Евгения Велихова – в них течет пусть маленькая, но все же доля заповедной немецкой крови. И как жаль, что об этом я узнал тогда, когда моя книга «5-й пункт, или Коктейль «Россия»» уже была написана и вышла из печати.

Праправнучка Гёте Елена Павловна Столбова долгие годы преподавала в Вятском политехническом институте. Вышла на пенсию и бережно хранит семейные реликвии, передаваемые по наследству. Среди них и визитная карточка-приглашение Гёте, и вышитый бисером бумажник с портретами немецкого гения и его мимолетной любовницы Генриетты Трейтер, и портрет самого Гёте. Портрет Иоганна Вольфганга хранится под стеклом в старом буфете. И если перевести взгляд с портрета на хозяйку квартиры Екатерину Павловну, то, как отмечал корреспондент «Независимой газеты», можно вздрогнуть: одно и то же лицо.

Так что Гёте судьба щедро оделила дарами, даже родственниками в России.

Нам, далеким его потомкам и читателям, в конце концов не столь уж важно, каким был великий олимпиец в частной жизни, по ком он вздыхал и кого любил (хотя, конечно, это тоже интересно, что уж тут лукавить), главное – творчество Гёте. В 1832 году, откликаясь на его смерть, Евгений Баратынский сказал о нем:

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,

В одном беспредельном нашел ей предел.

Писатель и политик

Бенджамин Дизраэли – и золотое перо, и золотая голова. Наверняка он входит в первую сотню самых знаменитых политиков мира. И, конечно, в славную когорту «Знаменитые евреи».

Бенджамин Дизраэли родился 21 декабря 1804 года в Лондоне. Англичанин? Можно ответить так: и англичанин тоже. Хотя его предки – испанские евреи, бежавшие в Англию от ужасов инквизиции.

Отбивая одну из антисемитских атак, Дизраэли однажды сказал: «Да, я еврей, и когда предки моего достойного оппонента были дикарями на никому не известном острове, мои предки были священниками в храме Соломона».

Отец Бенджамина Айзек Дизраэли был известным английским историком и эссеистом. В 13 лет Бен по воле отца был крещен, хотя сам отец так и не крестился. И еще любопытный штрих: Бенджамин не учился ни в элитных школах, ни в университетах. Только семей-

ное воспитание и настойчивое самообразование. А в итоге вырос человек исключительно образованный и честолюбивый. Его честолюбие явно превышало возможности еврейского происхождения, весьма скромного положения в обществе и более чем скромных финансов. Но честолюбие било через край.

Будучи юношей, Дизраэли пытался разбогатеть, играя на бирже. Не получилось. Тогда он бросился в журналистику и вынашивал идею создания крупной общенациональной английской газеты. И тоже не вышло. Тогда он отправился в путешествие по странам Средиземноморья: себя показать и на чужую жизнь посмотреть. На Мальте Бенджамин поразил многих, разгуливая в невероятных белых шароварах с цветным поясом, и половина города в удивлении и восхищении следовала за ним. Одежда – один из способов привлечь к себе внимание, и этим способом умело пользовался Дизраэли. Именно он придумал и поныне популярный в мире смокинг. Любил щеголять в жилете канареечного цвета, щедро усыпанном золотыми цепочками. А тросточка? Он обожал гулять с ними, утром с одной, вечером – с другой, вечерней тросточкой. Выглядело это не нарочито, а весьма изящно. И все кругом удивлялись и ахали...

Однако не тросточка принесла популярность Дизраэли, а его перо. В 20 лет он стал писателем и написал роман «Вивиан Грей», в котором вывел самого себя в качестве главного героя. Затем вышли романы «Генриетта Темпл», «Контарини Флеминг» – не шедевры, но все же настоящие романы. Впоследствии Дизраэли перешел к романам политического звучания, осуждал господство буржуазии и интересы партии вигов, использовал свои романы для пропаганды программы «Молодая Англия». Один из романов – «Конингсби» (1844) – взбудоражил общество: в нем была яростная критика буржуазного общества, обрекающего народ на нищету. В другом романе «Сибилла, или Две нации» (1845) писатель ярко показал разделение страны на два враждебных лагеря – на имущих и неимущих, на богатых и бедных. Еще один из крупных политических романов «Танкред» появился в 1847 году, после чего Дизраэли временно оставил литературу и полностью переключился на политику.

В политике Дизраэли чувствовал себя как рыба в воде, он был искусен, как дипломат, красноречив, как оратор. И имел неплохое политическое чутье. Плюс огромная работоспособность, ну, и как мотор – тщеславие. И все же гладким его вхождение в политическую элиту не назовешь: он четырежды терпел поражение на парламентских выборах. Падал. Вставал. И вновь бросался в бой и, наконец, в 1837 году, в возрасте 33 лет Дизраэли был избран в палату общин от партии тори.

На одном из литературных «суаре» Дизраэли представили влиятельному лорду Мельбурну. Тот спросил, кем Дизраэли хотел бы быть. Ответ ошаршил лорда:

– Хочу быть премьер-министром Англии.

Член правительства, лорд Мельбурн объяснил Дизраэли всю несбыточность таких замыслов:

– У вас нет никаких шансов. Все организовано и решено... Вы должны выбросить из головы эту глупую идею.

Действительно, Дизраэли не был аристократом. Не имел особых связей наверху. Да к тому же еще и еврей, – нулевые шансы для премьерского кресла. Но есть твердый характер. Есть железная воля. Есть властолюбие. То самое властолюбие, которое английский философ XVII века Томас Гоббс ставил на первое место в ряду обуевающих человечество страстей. И только смерть прерывает страсть властолюбия, короче, лорд Мельбурн недооценил молодого Дизраэли, у которого, кстати, был девиз: ничего не объяснять и на что не пенять, меньше рефлексий и больше дела. И вперед! Напролом, как танк, именно так действовал Дизраэли после того, как в 1841 году возглавил группу партии тори под многообещающим названием «Молодая Англия».

Справедливости ради следует отметить, что Дизраэли в его карьере помогла и удачная женитьба. Вдова крупного бизнесмена Мария Энн стала женой Дизраэли. Сначала их связывало совместное участие в парламентских выборах, а затем и настоящая любовь. Мэри Энн была на 12 лет старше Дизраэли, к тому же не блистала никакой красотой, но обладала большими средствами и добрым и отзывчивым сердцем. Деньги и доброта – замечательное подспорье. Мэри Энн без памяти влюбилась в молодого Дизраэли и стала его верным секретарем и помощником в его политической карьере. Обоим подругам жена Дизраэли хвалилась и успехами своего мужа, и его красотой: «О, если бы вы видели моего Диззи в ванной!..» Диззи, наверное, был хорош.

Но самое удивительное то, что Дизраэли оказался хорошим семьянином и искренно любил свою жену. Именно ей он посвятил роман «Чибилла»: «Посвящаю это произведение женщине, скромный характер и благородный дух которой заставляют ее сочувствовать всем страдающим, приятный голос которой меня часто ободрял, а хороший вкус и правильное суждение руководили этими страницами, – самому строгому критику, но самой совершенной жене».

Мэри Энн умерла 15 ноября 1872 года. Дизраэли подвел итог их совместной жизни: «В течение 30 лет, проведенных с нею, я не скучал ни одной минуты».

Согласитесь, что подобное мало кто скажет. И в то же время Дизраэли принадлежит такой афоризм: «Я всегда полагал, что каждая женщина должна быть замужем. Но не один мужчина не должен жениться». Но это, конечно, из разряда парадоксов Бенджамина Дизраэли.

В 1852 году Дизраэли впервые стал министром финансов и лидером палаты общин. Министром финансов он назначался еще много раз. В 1868 году, будучи лидером консервативной партии, Дизраэли занял пост премьер-министра, – исполнилась его голубая мечта! Но при этом он с печалью заявил: «Я вскарабкался на верхушку намыленного столба», – он точно знал цену своему успеху. И этот премьерский пост Дизраэли занимал еще в 1874–1880 годах, когда ему было уже далеко за 70 лет. Друзья поздравляли его с успехом, на что он ответил устало: «Да, но он пришел слишком поздно».

Но тем не менее Дизраэли уверенной рукой вел Англию к победам. Он даже добился расширения империи. Его усилиями королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Со своей стороны Виктория пожаловала своему любимцу премьеру титул графа, и он стал лордом Биконсфилдом.

Когда я писал этот материал, в голове у меня крутились строчки:

Неужели в самом деле
Интересен Дизраэли?

Для советских историков Дизраэли был интересен и опасен. В энциклопедическом словаре (1953) он представлен как «английский реакционный деятель», который проводил «экспансионистскую внешнюю политику»: аннексировал Египет, препятствовал освобождению славянских народов на Балканах, злейший враг России и т. д. В том же словаре Дизраэли очернен и как писатель: мол, «эпигон реакционного романтизма». Старая история: кто не с нами – тот против нас.

До сих пор кое-кому не дают покоя результаты Берлинского конгресса, который состоялся 130 лет тому назад и открылся 13 июля 1878 года. Там Дизраэли сумел в связке с «железным канцлером» Бисмарком добиться существенных уступок со стороны России. Дизраэли с триумфом возвратился в Лондон и торжественно объявил собравшейся толпе перед резиденцией на Даунинг-стрит, 10: «Я привез почетный мир». Это была вершина политической

карьеры Дизраэли. Королева наградила его высшим орденом – «Орденом Подвязки», учрежденным короле Эдуардом III в далеком 1348 году.

Доволен был и Бисмарк, в кабинете которого после Берлинского конгресса появился третий портрет и всем гостям хозяин объяснял: «Это мой государь... это моя жена... а это мой друг Дизраэли...» А в России по поводу достигнутых соглашений царило уныние, и руководитель российской делегации Горчаков вынужден был доложить российскому императору: «Берлинский трактат есть самая черная страница в моей служебной карьере».

Королева Виктория благоволила к Дизраэли, а он верно ей служил и всегда живописно докладывал ей о всех политических событиях в стране и мире. Как писатель, он всегда находил интересные сравнения и метафоры, приводил интересные детали и пикантные подробности встреч. А еще Дизраэли умел льстить королеве: «Я живу только для Вас и работаю только для Вас, и без Вас все будет потеряно». Когда Дизраэли упрекали в откровенной лести, он отвечал: «Меня называют льстецом. И это верно. Все любят лести. Но когда дело касается королей, то здесь вы должны льстить, не стесняясь». Но Дизраэли в отличие от многих придворных льстил не грубо, а весьма изящно (опять же писатель!).

Дизраэли был не просто льстецом, но еще и человеком, хорошо знающим психологию отношений между людьми. И советовал: «Говорите человеку о нем самом, и он будет слушать вас часами». Разве это не правда? И еще: «Если вы хотите завоевать человека, позвольте ему победить себя в споре». О, тонкое наблюдение!..

Многие годы главным политическим противником Дизраэли был Уильям Гладстон. Гладстон и победил на выборах 1880 года, и заставил тем самым Дизраэли уйти в отставку. По поводу своего врага Дизраэли сказал немало ехидных слов. Вот его ответ на вопрос, какая разница между несчастьем и бедствием, Дизраэли ответил: «Если Гладстон свалился в Темзу – это несчастье. Но если бы кто-нибудь бросился его спасать, это было бы уже бедствием...»

21 апреля 1880 года Дизраэли провел последнее заседание своего кабинета. «Что бы ни говорили философы, – написал он чуть позднее, – но существуют такие вещи, как везение и удача... Шесть плохих урожаев один за другим, каждый последующий хуже предыдущего, явились причиной моего свержения. Как Наполеона, меня сломила стихия...»

Уйдя в отставку, Дизраэли снова взялся за перо и написал роман «Эндимион», за который он получил солидный гонорар – 10 тыс. фунтов и смог купить себе дом в фешенебельном районе. С новым рвением он взялся за очередной роман «Фэльконет», но закончить его не смог. Роман оборван на тридцатой странице. Жесткая простуда прервала работу над произведением, а тут еще и застарелая астма ожила, – и Дизраэли стало совсем худо, встревоженная королева послала больному Дизраэли букетики его любимых цветов – подснежники. В ощущении своего конца Дизраэли сказал: «Я предпочел бы еще пожить, но я не боюсь смерти».

19 апреля 1881 года Бенджамин Дизраэли скончался в возрасте 76 лет. Он захоронен вместе с женой. Память о Дизраэли очень чтима в Англии – он много сделал для величия империи. 19 апреля отмечается в стране как «День подснежника» – любимого цветка Дизраэли. И еще создана «Лига подснежника», Дизраэли продемонстрировал для всех англичан пример, чего можно достичь благодаря упорству, не будучи аристократом. По его стопам пошла и Маргарэт Тэтчер, дочь лавочника.

Бенджамин Дизраэли был не только замечательным политиком и крепким романистом, но еще и примечательным мыслителем, оставив в наследство человечеству много здравых наблюдений и советов. Приведем некоторые из них:

– У того, кто в 16 лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерваторм к 60, нет головы.

– Дипломатия – это профессиональная ложь! Но она должна быть в глазах общества выглядеть respectableнее и убедительнее правды.

– То, что называют общественным мнением, скорее заслуживает имя общественных чувств.

– Справедливость – это правда в действии.

Лично мне нравятся многие афористичные высказывания Дизраэли. Я согласен с ним, что «насколько легче быть критичным, чем правдивым». Стараюсь следовать чисто психоаналитическому совету писателя. «Не позволяйте вашим мыслям концентрироваться на том, чего вы хотите, но чего вы не получили; всегда фиксируйте ваш мозг на том, чего вы добились». Как полезно!..

И самый мой любимый дизраэлевский совет: «Когда я хочу прочесть хорошую книгу, я сажусь и пишу ее».

Мне захотелось пообщаться с интересным человеком, я выбрал Бенджамина Дизраэли и не прогадал.

Денди в арестантской робе

*Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги
хорошо написанные или написанные плохо. Вот и все.*
Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея

*Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плед, цветной жилет...
Твой муж – презрительный эстет.*
Александр Блок. Встречной, 2 июня 1908

В литературе есть немало трагических имен. Одно из них – Оскар Уайльд. Его трагедия в том, что он преступил Закон. Проигнорировал Мораль. И это произошло в викторианской Англии, где фарисейство было возведено в традицию. А коли так, то вчерашний кумир общества был немедленно подвергнут остракизму: осужден и изгнан. Уже после его смерти российский поэт Константин Бальмонт побывал в Англии и поинтересовался у одного английского ученого: «Вам нравятся произведения Оскара Уайльда?» Собеседник уклонился от ответа и перевел разговор на другую тему: «Вам удобно здесь, в Оксфорде?»

Так в чем же провинился Оскар Уайльд? Как долгие годы писала наша стыдливая советская пресса, писатель попал в тюрьму «по обвинению в безнравственности». Сегодня стыда уже нет, и пишут просто: по обвинению в гомосексуализме. Из «голубых», значит! –

фыркнет кто-то. Но какое значение имеет «цвет» писателя, если он талантлив и его книги доставляют читателям превеликое удовольствие? Не будем отвечать напрямую на этот, в сущности, риторический вопрос и лучше вкратце расскажем о жизненном пути писателя.

Оскар Уайльд родился 16 октября 1854 года в Ирландии, в Дублине, в семье... Вот именно: как важно знать, в какой семье родился человек и что окружало его с первых шагов! Ведь детство не только отбрасывает отсвет на всю дальнейшую жизнь, но и подчас определяет ее.

Отец Оскара, доктор Уильям Уайльд, был знаменитым хирургом и специалистом по ушным болезням. В этом незаурядном человеке бушевала неистовая энергия. Мало того, что он с рвением отдавался работе, у него еще хватало времени и сил на женщин и вино. Однажды он был даже обвинен одной из своих пациенток в попытке изнасилования, однако в ходе судебного разбирательства отделался всего лишь штрафом.

Если отец Оскара был неумно – даже неумеренно – энергичным, то мать, леди Джейн Франческа Уайльд, – чересчур восторженной и эмоциональной. И не случайно, ведь она занималась сочинительством. И все ее писания отдавали театральной риторичностью, напыщенностью. Разброс ее творчества огромный: от лирических стихов до революционных прокламаций. В ее характере странно сочетались экзальтация и практичная находчивость, романтизм и юмор, чисто английский – тонкий и саркастический.

Как написал в своем этюде об Оскаре Уайльде Корней Чуковский: «В таком неискреннем воздухе, среди фальшивых улыбок, супружеских измен, преувеличенных жестов, театральных поз и театральных слов – растет этот пухлый, избалованный мальчик, Оскар».

Уже с детства им владела жажда выделиться из круга товарищей. В 12 лет по воскресеньям он щеголяет в цилиндре на своих девических кудрях – надменный и независимо гордый. Естественно, один его вид воспринимался сверстниками как вызов. Однажды за подобный «выпендрей» Оскар был избит. И что? Он пожаловался матери? Ничего подобного. Придя домой основательно помятым и украшенным синяками, молвил лишь:

– Какой удивительный вид отсюда с холма!

Чуковский отмечает, что у Оскара Уайльда, как и у его матери, «была тысяча разных талантов, но не было одного: таланта искренности». Поза для этого человека была второй натурой. Он жаждал прослыть оригинальным, быть не похожим ни на кого. Он постоянно стремился к эпатажу. А через него – к успеху, к популярности, к славе. И все это сопровождалось презрением к толпе, к ее серости и заурядности.

Один из многочисленных афоризмов Уайльда (а у него есть сотни, тысячи блестящих и парадоксальных выражений) гласит: «Только два сорта людей по-настоящему интересны – те, кто знает о жизни все решительно, и те, кто ничего о ней не знает». То есть основную массу людей, всю преобладающую «середку» писатель как бы выключил из сферы своих интересов. Опасная позиция. Впрочем, это признавал и он сам: «Гораздо безопаснее ничем не отличаться от других. В этом мире остаются в барыше глупцы и уроды». Они, если развивать эту мысль дальше, – вне человеческой зависти, а следовательно, их жизненному существованию людская злоба не грозит.

Ах, эти уайльдовские парадоксы: натянуть мысль как тетиву лука и выпустить стрелу, которая попадает в самую точку. И если не убивает, то по крайней мере больно жалит.

Для Оскара Уайльда центр мироздания – он сам. И он не скрывал этого, утверждая, что «любовь к самому себе – это единственный роман, длящийся пожизненно».

Современники писателя в девятнадцатом веке и наши с вами в двадцатом непременно бубнили и бубнят с удручающим пафосом о своей любви к народу, ко всему человечеству, а вот Оскар Уайльд честно признавался, что он – эгоист, эгоцентрик. И признавался в этом с обескураживающей улыбкой. «Люди не эгоистичные всегда бесцветны, – утверждал он. – В них не хватает индивидуальности».

В 1871 году Оскар получил высшее отличие на выпускных экзаменах в школе Портора и право поступить стипендиатом в дублинский Тринити-колледж. За три года учебы в колледже он завоевал много призов на конкурсах сочинений по античной литературе, в том числе стипендию из фонда поощрения научных исследований и золотую медаль имени Беркли за работу о греческих классиках.

Да, это был очень одаренный юноша. В 1874 году 20-летний Оскар Уайльд добился высшего академического успеха – стипендии в оксфордском колледже Магдалины. Учился он всегда замечательно, но это не приносило ему полного удовлетворения, он вечно был недоволен собой. 3 марта 1877 года Оскар сообщает в письме к своему бывшему соученику Уильяму Уорду:

«В понедельник экзаменуюсь на «Ирландию». Господи боже мой, как беспутно я проводил жизнь! Я оглядываюсь назад, на эти недели и месяцы сумасбродства, пустой болтовни и полнейшей праздности, с таким горьким чувством, что теряю веру в себя. Я до смешного легко сбиваюсь с пути. Так вот, я бездельничал и не получу стипендии, а потом буду страшно переживать... Я ничего не делаю, только сочиняю сонеты и кропаю стихи...»

Все обошлось благополучно. Поэзия нисколько не помешала учебе, и 28 ноября 1879 года 25-летний Оскар Уайльд получил степень бакалавра искусств. Знания приобретены, а дальше Уайльд занялся шлифовкой собственной индивидуальности: живя в основном в Лондоне, он учился пленять общество как собеседник и рассказчик, развивая свои эстетические вкусы.

Высший свет всегда был для него притягательной целью, но как проникнуть туда, будучи провинциалом и не имея никакого аристократического титула? Оскар Уайльд решил эту задачу – и не за счет интенсивного труда (он гнул спину как критик-фельетонист в лондонских газетах), не за счет творчества (первый сборник стихотворений, изданный им за свои деньги, почти не удостоился внимания рецензентов). Пропуск в политические и литературные салоны сначала Англии, а потом Америки дал ему замечательный устный дар рассказчика.

Своей знакомой миссис Льюис писатель сообщает в 1882 году из Нью-Йорка:

«...Даже у Диккенса не было такой многочисленной и такой замечательной аудитории, какая собралась у меня в зале. Меня вызывали, мне аплодировали, и теперь со мной обращаются как с наследным принцем. Несколько «Гарри Тириттов» исполняют обязанности моих придворных секретарей. Один день-деньской раздает поклонникам мои автографы, другой принимает цветы, которые и впрямь приносят через каждые десять минут. А третий, у которого волосы похожи на мои, обязан посылать свои собственные локоны мириадам городских дев, в результате чего он скоро лишится шевелюры.

Бывая в обществе, я становлюсь на самое почетное место в гостиной и по два часа пропускаю мимо себя очередь желающих быть представленными. Я благосклонно киваю и время от времени удостаиваю кого-нибудь из них царственным замечанием, которое завтра появляется во всех газетах. Когда я захожу в театр, директор ведет меня к моему месту при зажженных свечах, и публика встает. Вчера мне пришлось уйти через служебный вход: так велика была толпа. Зная, как я люблю добродетельно оставаться в тени, Вы можете сами судить, сколь неприятна мне устроенная вокруг меня шумиха; говорят, со мною носятся больше, чем с Сарой Бернар...»

Оскар Уайльд лукавил: вся эта помпа доставляла ему истинное удовольствие. Так чем он так пленил публику? Слово Корнею Чуковскому:

«За столом, усыпанным фиалками, за бокалами шампанского, в освещенных огромных залах – в Бостоне, в Париже или в Лондоне, по-французски, по-английски он рассказывал детские сказки, притчи, легенды, повести, драмы, – и великосветские люди рыдали как дети,

слушая его импровизации. Он гений разговора, беседы. Не то чтобы «оратор» или «рассказчик», а именно повествователь, собеседник».

Биограф писателя Роберт Шерард свидетельствует: «В истории всего человечества не было такого собеседника. Он говорил – и все, кто внимал ему, изумлялись, почему же весь мир не внимает ему».

Если следовать биографической канве, то часть заработанных денег в Америке Уайльд потратил на то, чтобы пожить в Париже. Там он познакомился с Верленом и Виктором Гюго, с Малларме, Золя, Дега, Эдмоном де Гонкуром и Альфонсом Доде. Уайльд сделал себе волнистую прическу, как у Нерона на бюсте в Лувре, и стал одеваться по последней парижской моде. «Оскар первого периода умер», – провозгласил он. Еще бы! Оскар Уайльд перешел на положение «Шехерезады великосветских салонов», как назвал его Корней Чуковский, тоже замечательный сказочник.

Итак, искрящийся каскад красноречия, блеск и фейерверк ума: отточенные фразы, афоризмы, парадоксы, блестящие сравнения, тонкие наблюдения, необычные метафоры, остроумные эскапады. И венчает все это дендизм, поднятый Уайльдом на недостижимую высоту; внешность, прическа, одежда, аксессуары – все продумано и все вызывает неоднозначную реакцию, так как выбивается из общего ряда, обжигает новизной.

«Тщательно подобранная бутоньерка эффективнее чистоты и невинности», – изрекает Уайльд. «Красиво завязанный галстук – первый в жизни серьезный шаг», – наставляет он учеников, а у него всегда были ученики. Он учил их, как носить жилеты, подбирать цветы и, самое главное, поклоняться красоте. «Апостол эстетизма» – таково было в английском обществе официальное звание Оскара Уайльда, так величали его газеты, именно это пристрастие писателя вышучивали юмористы.

Красота и наслаждение – вот чему он поклонялся. Вот что было для него божеством «Живите! – декларировал он в «Портрете Дориана Грея». – Живите той чудесной жизнью, что скрыта в нас. Ничего не упускайте, вечно ищите все новых ощущений! Ничего не бойтесь! Новый гедонизм – вот что нужно нашему поколению».

Он и сам пытался именно так построить свою жизнь. «Я рожден для антиномий. Я – один из тех, кто создан для исключений, а не для правил», – высказывался он позднее, подводя итоги прошедших лет. «Раньше в моем сердце всегда была весна – без конца и без края. Моя натура была родственна радости. Я наполнял свою жизнь наслаждением до краев, как наполняют чашу с вином до самого края, – писал он в просторном письме лорду Альфонсу Дугласу из Реддингской тюрьмы в январе – марте 1897 года. – Теперь я смотрю на жизнь совсем с другой стороны, и подчас мне невероятно трудно далее представить себе, что такое счастье...»

Но это писал Уайльд, когда, как говорится, грянул гром, а до того он был весь счастье и весь весна. Как тут не вспомнить нашего Бальмонта:

Я весь – весна, когда пою,
Я – светлый бог, когда целую!

Свое упоение жизнью, свой гедонизм Оскар Уайльд сочетал – надо отдать ему должное – с упорным трудом: писал он много, азартно, без передышки, совершенствуя свой стиль в различных жанрах. И не вымучивал тексты, как многие сочинители, а создавал их легко, играючи, опьяняясь от высоты полета собственной фантазии.

Своими романом «Портрет Дориана Грея», пьесами «Веер леди Уиндермир», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным», «Саломея», сказками, рассказами, статьями Уайльд добился признания в обществе как блестящий литератор. Пьесы его шли с успехом на сцене, романами зачитывались, уайльдовские афоризмы и парадоксы были в ходу, как народные

пословицы и поговорки. Он был на высоте положения и мог себе позволить на премьере «Веера леди Уиндермир», имевшей аншлаги, бросить аудитории: «Я так рад, леди и джентльмены, что вам понравилась моя пьеса. Мне кажется, что вы расцениваете ее достоинства столь же высоко, как я сам». В восторге публика «скушала» и этот эксцентричный пассаж Уайльда.

Уайльд – в моде, он овеян славой, а стало быть, при деньгах. Все это давало ему возможность вести почти роскошный образ жизни, устраивать приемы и кутежи, в которых он себя постоянно утверждал как остролов, мастер эпатажа и глашатай эстетизма.

Человек светский до мозга костей, Оскар Уайльд большую часть своей жизни провел в окружении друзей и поклонников, среди женщин и юношей. В какой-то степени он был «гуляка праздный», как и его отец, но только более утонченный и рафинированный. К женщинам он относился весьма своеобразно и считал, что «женщины никогда не бывают гениями. Это декоративный пол». Но если они настоящие личности, как, скажем, Сара Бернар, и красивы, как Элен Терри, то он готов воздать им должное.

Как ни странно, Оскар Уайльд был женат. Он женился на Констанции (Констанс) Ллойд. Многие считали, что сделал он это из-за денег. Маловероятно: в нем жил эстет, но не прагматик.

Свою будущую жену Констанс Мэри Ллойд (1857–1898) Уайльд встретил в Лондоне в 1881 году. Их обручение произошло в Дублине двумя годами позже. В январе 1884 года Уайльд пишет в письме американскому скульптору Уолдо Стори:

«Да, мой дорогой Уолдино, да! Изумительно, конечно, – это было необходимо... Итак, мы венчаемся в апреле, а затем едем в Париж и, может быть, в Рим... Будет ли приятен Рим в мае? Я хочу сказать, будете ли там ты с миссис Уолдо, папа римский, полотно Перуджино? Если да, мы приедем.

Ее зовут Констанс, и это юное, чрезвычайно серьезное и загадочное создание... само совершенство... она твердо знает, что я – величайший поэт, так что с литературой у нее все в порядке; кроме того, я объяснил ей, что ты – величайший скульптор, завершив тем самым ее художественное образование.

Мы, конечно, безумно влюблены. Почти все время после нашей помолвки мне пришлось разъезжать по провинциям, «цивилизуя» их при помощи своих замечательных лекций, но мы дважды в день шлем друг другу телеграммы... я подаю мои послания с самым суровым лицом и стараюсь выглядеть так, как если бы слово «любовь» означало зашифрованный приказ: «скупайте акции «Гранд Транкс», а слово «любимая» – «распродайте по номиналу»... Дорогой Уолдо, я совершенно счастлив и надеюсь, что ты и миссис Уолдо полюбите мою жену...»

В другом письме Уайльд рисует портрет Констанс как настоящий поэт и поклонник красоты: «...я женюсь на юной красавице, этакой серьезной, изящной, маленькой Артемиде с глазами-фиалками, копной вьющихся каштановых волос, под тяжестью которой ее головка клонится, как цветок, и чудесными, словно точеными из слоновой кости, пальчиками, которые извлекают из рояля музыку столь нежную, что, заслушавшись, смолкают птицы...»

По всей вероятности, Оскар Уайльд любил свою жену, но, правда, не единственной любовью. Достаточно вспомнить одну все объясняющую фразу, вложенную в уста главного героя «Портрета»: «Поверхностными людьми я считаю как раз тех, кто любит только раз в жизни. Их так называемая верность, постоянство – лишь летаргия привычки или отсутствие воображения».

О, чего-чего, а воображения у Уайльда было более чем достаточно. Даже в избытке. И тут напрашивается еще одна цитата – из пьесы «Как важно быть серьезным» («легкомысленной комедии для серьезных людей» – так сам Уайльд определил ее жанр). Вот диалог между двумя героями:

Джек: Я люблю Гвендолен. Я и в город вернулся, чтобы сделать ей предложение.

Алджернон: Ты же говорил – чтобы развлечься... А ведь это дело.

Джек: В тебе нет ни капли романтики.

Алджернон: Не нахожу никакой романтики в предложении. Быть влюбленным – это действительно романтично. Но предложить руку и сердце? Предложение могут принять. Да и обычно и принимают. Тогда прощай очарование. Суть романтики в неопределенности. Если мне суждено жениться, я, конечно, постараюсь позабыть, что я женат.

Джек: Ну, в этом я не сомневаюсь, дружище...

И «дружище» вскоре позабыл, что он женат. Он изменил с другой? Нет, дело обстоит не столь просто. Мы уже отмечали, что Уайльд поклонялся красоте. Красивые юноши, подобные богу Аполлону, всегда привлекали его к себе. Одним из первых его пленил студент Роберт Росс, племянник канадского губернатора. Затем в его «списке» появился Джон Грей. Притяжение было взаимным: Оскара Уайльда к юношам притягивала их красота, а они сходили с ума от его интеллекта. Здесь приходит на память один из уайльдовских афоризмов: «Единственный способ отделаться от искушения – это поддаться ему».

Но вот что странно. В молодости Уайльд был однозначно гетеросексуалом. Гомосексуализм его даже шокировал. Первой любовью была Флорри Бэлкум, однако она предпочла другого мужчину, Брэма Стокера, автора «Дракулы». Неудачной оказалась и попытка ухаживать за красавицей актрисой Лилли Лангтри. Были и другие увлечения. Кроме того, Уайльд пользовался услугами проституток. Однажды вечером он объявил своему другу Роберту Шерарду, что его зовут страсти, и отправился на улицу, чтобы их заглушить. На следующее утро он сказал Шерарду: «Какие же мы все же животные, Роберт». Когда Шерард сказал, что очень опасался, как бы Уайльда не ограбили, тот ответил: «Крошкам отдают все, что есть в этот момент в карманах».

До сих пор неясно, что именно заставило Уайльда стать гомосексуалистом. По одной из версий, до встречи с Констанс он болел сифилисом, затем, перед женитьбой, его залечил. Однако через два года он обнаружил рецидивы болезни, прекратил все сексуальные отношения с женой, стал прибегать к услугам лиц мужского пола. Но возможна и другая версия: Оскар Уайльд родился уже с наследственным предрасположением к гомосексуальности, и в какой-то момент это выявилось сполна.

Не будем перечислять мужские связи Оскара Уайльда, для его судьбы важен был лишь один роман с белокурым красавцем по кличке Бози. На его беду, Бози был сыном маркиза Куинсберри, представителем высшего света Англии. В один из дней 1891 года лорд Альфред Брюс Дуглас, то есть Бози, пришел к знаменитому автору «Портрета Дориана Грея» в гости на Тайн-стрит.

Любовь Оскара Уайльда к Бози затмила его любовь к Констанс. Вот одно из писем, написанное им в январе 1893 года и адресованное молодому лорду:

«Любимый мой мальчик, твой сонет прелестен, и просто чудо, что эти твои алые, как лепестки розы, губы созданы для музыки пения в неменьшей степени, чем для безумия поцелуев. Твоя стройная золотистая душа живет между страстью и поэзией. Я знаю: в эпоху греков ты был бы Гиацинтом, которого так безумно любил Аполлон...»

И подпись в конце письма: «С неумирающей любовью, вечно твой Оскар».

Вопросы есть? Вопросов нет: все и так ясно о характере их любви, типичная гомосексуальная любовь, но с изысканным литературным налетом.

Еще одно письмо. Апрель 1894 года.

«Дорогой мой мальчик, только что пришла телеграмма от тебя; было радостью получить ее, но я так скучаю по тебе. Веселый, золотистый и грациозный юноша уехал – и все люди мне опротивели, они такие скучные. К тому же я скитаюсь в пурпурных долинах отчаяния, и с неба не сыплются золотые монеты, чтобы развеять мою печаль. В Лондоне жизнь очень опасна: по ночам рыщут судебные приставы с исполнительными листами, под утро режут кредиторы, а адвокаты болеют бешенством и кусают людей...»

Но даже тогда, когда слепая любовь к Бози привела Оскара Уайльда к краху, и он ожидал решения суда, – даже тогда его чувства нисколько не изменились к белокурому красавцу. 20 мая 1895 года Оскар Уайльд писал лорду Альфреду Дугласу:

«Моя прелестная роза, мой нежный цветок, моя лилейная лилия, наверное, тюрьмой предстоит мне проверить могущество любви. Мне предстоит узнать, смогу ли я силой своей любви к тебе превратить горькую воду в сладкую. Бывали у меня минуты, когда я полагал, что благоразумнее будет расстаться. А! То были минуты слабости и безумия. Теперь я вижу, что это искалечило бы мне жизнь, погубило бы мое искусство, порвало бы музыкальные струны, создающие совершенную гармонию души. Даже забрызганный грязью, я стану восхвалять тебя, из глубочайших бездн я стану взывать к тебе. Ты будешь со мною в моем одиночестве. Я полон решимости не восставать против судьбы и принимать каждую ее несправедливость, лишь бы остаться верным любви; претерпеть всякое бесчестие, уготованное моему телу, лишь бы всегда хранить в душе твой образ. Для меня ты весь, от шелковистых волос до изящных ступней, – воплощенное совершенство... Ты для меня то же, что мудрость для философа и Бог для праведника. Сохранить тебя в моей душе – вот цель той муки, которую люди называют жизнью. О, любимый мой, самый дорогой на свете, белый нарцисс на нескошенном лугу...»

Прервемся на секунду, чтобы перевести дух. От возмущения. По крайней мере лично меня возмущает это письмо, возмущает тем, что оно обращено к мужчине, а не к женщине. О, как бы это чудесно звучало, если бы было обращено к Констанс или к какой-либо другой женщине, а не к этому его Бози!

«Люби меня всегда, люби меня всегда, – страстно взывал Уайльд в том же письме. – Ты высшая, совершенная любовь моей жизни, и другой не может быть».

И концовка:

«О, прелестнейший из всех мальчиков, любимейший из всех любимых, моя душа льнет к твоей душе, моя жизнь – к твоей жизни, и во всех мирах боли и наслаждения ты – мой идеал восторга и радости. Оскар».

Но вернемся к середине мужского романа. В один прекрасный, как пишут романисты, день маркиз Куинсберри застал своего сына Альфреда и Оскара Уайльда в кафе «Ройяль»; глядя на них, не приходилось сомневаться в характере их отношений. Для маркиза это был настоящий удар, тем более что старший сын до этого оказался замешан в гомосексуальной связи и вынужден был застрелиться. Терять второго сына? Нет! Этого нельзя допустить! И маркиз пишет Альфреду записку следующего содержания: «Ваше поведение доказывает, что между вами действительно существует эта мерзкая, отвратительная связь. За всю свою жизнь я не видел ничего более ужасного. Если дойдет до скандала, я в упор застрелю мистера Уайльда. Твой негодующий отец».

Естественно, разгорелся скандал.

Лучшим выходом для Уайльда был бы окончательный разрыв с Бози и отъезд из Англии. Но он не сделал ни того, ни другого. Не покинул Лондон и не вышел из огненного круга своей страсти. Друзья говорили, что он «просто сумасшедший», поступая таким образом. На что у него нашелся прекрасный ответ: «Я вполне согласен, что все гениальные люди безумны, но вы забываете, что все нормальные люди идиоты».

Оскар Уайльд еще более усугубил свое положение, когда по совету своего любовника вступил в выяснение отношений с маркизом Куинсберри (надо заметить, что Бози отца ненавидел). Дело кончилось для Уайльда оскорблением. Как эстет, как денди, наконец как поэт, он не смог ответить каким-то радикальным действием, и вся эта история попала в судебные инстанции. Маркиз Куинсберри объявил Уайльда «содомитом». 6 апреля 1895 года Уайльду было предъявлено обвинение в нарушении норм общественной морали. Стало быть, суд. Ответчик наивно ожидал гуманного решения, а вместо него получил жестокую кару.

Процесс был громким. Пуританское английское общество получило прекрасную возможность посчитаться с человеком, который многие годы «задирает» приличных буржуа, развенчивал их мнимые добродетели и вообще раздражал их своей чрезмерной язвительностью.

25 мая 1895 года, оглашая приговор, судья сказал:

– Преступление, которое вы совершили, настолько ужасно, что я с трудом удерживаюсь, чтобы не выразить все те чувства, которые испытывал бы при этом любой честный человек, присутствующий при унижительном разбирательстве.

Что за разбирательство? Дело в том, что маркизу, то бишь истцу, ничего не стоило с помощью частных детективов набрать «компромат» против Уайльда, и все представшие перед судом одиннадцать юношей дружно дали показания о том, что на стезю порока их вывел не кто иной, как Оскар Уайльд. Что именно он – их совратитель.

Уайльду дали максимальный по тем временам и законам срок: два года тюрьмы. Во дворе суда собралась толпа, которая по случаю приговора устроила хороводную пляску с хохотом и пением. Когда Уайльда вместе с другими осужденными перевозили из Лондона в небольшой городок Реддинг, находящийся по соседству с Оксфордом, городом его юности, кто-то из зевак в толпе, окружившей арестантов, узнал писателя и плюнул ему в лицо.

Поверженный кумир! От любви до ненависти – всего полшага. Сразу перед Уайльдом разверзлась пустота. Друзья покинули его. Поклонники его таланта разом замолчали. Жена ушла от него еще до начала процесса. Скрытые враги, ликуя, перешли в лагерь врагов открытых. В театрах перестали ставить его пьесы. Книготорговцы сжигали его книги. Каждый норовил заклеить позором своего бывшего кумира.

Для писателя началась совсем другая жизнь. Однако он не жаловался ни на кого, никого не обвинял, он остался верен себе и мужественно и смиренно отбыл свой срок заключения, весь этот двухлетний ад, и все – «за чрезмерность мечты», как выразился Бальмонт. Хотя, конечно, иногда отчаяние перехлестывало через край. В одну из таких минут он писал лорду Альфреду:

«После страшного приговора, когда на мне уже была тюремная одежда и за мной захлопнулись тюремные ворота, я сидел среди развалин моей прекрасной жизни, раздавленный тоской, скованный страхом, ошеломленный болью. Но я не хотел ненавидеть тебя. Ежедневно я твердил себе: «Надо и сегодня сберечь любовь в моем сердце, иначе как проживу я этот день?» Я напоминал себе, что по крайней мере ты не желал мне зла. Я заставлял себя думать, что ты только наугад натянул лук, а стрела пронзила Короля сквозь щель в броне. Я чувствовал, что несправедливо взвешивать твою вину на одних весах даже с самыми мелкими моими горестями, самыми незначительными потерями. Я решил, что буду и на тебя смотреть как на страдальца. Я заставил себя поверить, что наконец-то пелена спала с твоих давно ослепших глаз. Я часто с болью представлял себе, в каком ужасе ты смотришь на страшное дело рук своих. Бывало, что даже в эти мрачные дни, самые мрачные дни моей жизни, мне от всей души хотелось утешить тебя. Вот до чего я был уверен, что ты наконец понял свою вину...»

Но Бози ничего не понял, и Оскар Уайльд никак не хотел этого замечать. Больше всего он страшился крушения мифа их любви. Однако Бози был на свободе и продолжал пользо-

ваться всеми благами жизни, а Уайльд был их начисто лишен. Условия содержания в тюрьме были ужасными. Эстет и денди был одет в грязную и рваную одежду, в лохмотья, которые отнюдь не выглядели живописными. Прибавьте к этому плохое и скудное питание. Отвратительные запахи... Но еще горше были моральные муки.

В «Балладе Редингской тюрьмы» Оскар Уайльд писал:

...Но вот настиг решетки свет.
По стенам их гоня,
Вцепились прутья в потолок
Над койкой у меня:
Опять зажег жестокий бог
Над миром пламя дня...

И в сердце каждого из нас
Надежда умерла...
И оставалось только ждать,
Что знак нам будет дан,
Мы смолкли, словно берега,
Одетые в туман,
Но в каждом сердце глухо бил
Безумец барабан...

Примечательно, что бывший эгоцентрик не пишет о своих индивидуальных страданиях, не выпячивает свое «я», а все растворяет в слове «мы».

Тюремная исповедь озаглавлена словами католической молитвы «*De profundis Clamavi*» («Из бездны взываю...» – *лат.*). Уайльд не оправдывал себя, с горечью констатировал, что «гениальности часто сопутствуют страшные извращения страстей и желаний». Эволюция во взглядах: раньше «наслаждения», теперь – «извращения».

В тюрьме Уайльд начал терять слух и зрение. Он пережил минуты страшного отчаяния: «Ужас смерти, который я здесь испытываю, меркнет перед ужасом жизни». За несколько месяцев до того, как покинуть Редингскую тюрьму, он писал Роберту Россу: «Даже если я выберусь из этой отвратительной ямы, меня ждет жизнь парии – жизнь в бесчестье, нужде и всеобщем презрении».

Оскар Уайльд вышел на свободу больным, сломленным и опустошенным человеком. Он понимал, что в Англии ему нет места, и начинается трехгодичное скитание по Европе. Отверженный попытался найти пристанище на Капри, куда сбежал после скандала молодой лорд Альфред. Он искал участия и тепла, но Бози в основном интересовали лишь деньги. Еще в тюрьме Уайльд получил от него письмо, в котором были такие слова: «Когда вы не на пьедестале, вы никому не интересны...» Ну, а вышедший из тюрьмы Уайльд был еще дальше от пьедестала.

Жена оставила Уайльду деньги, но при условии, что он не будет докучать ни ей, ни двум их детям – сыновьям Сирилу и Вивиану. Но «откупные» кончились, опять же Бози помог их быстро промотать. Закончила жизненный свой путь и Констанс. Она умерла в Генуе. Когда Уайльд пришел на ее могилу, то с горечью прочитал на надгробной плите не свою фамилию, а ее девичью: Ллойд. Это означало, что она навечно отреклась от своего непутевого мужа.

В начале весны 1899 года Уайльд сообщает Роберту Россу о своем посещении кладбища в Генуе: «...Невыносимо тяжело было увидеть ее имя, высеченное на камне, – фамилия, данная ей мною, конечно, не упомянута, просто «Констанс-Мэри, дочь Хораса Ллойда,

адвоката» и строфа из «Откровения». Я положил на могилу букет цветов. Я был потрясен до глубины души – но меня не оставляло сознание бесполезности всех сожалений. Ничто не могло произойти иначе, и жизнь – страшная вещь...»

Да, «жизнь – страшная вещь». Оскар Уайльд практически потерял все. Остались только воспоминания, тоска и одиночество. И еще – нищета. «Трагедия моей жизни стала безобразной, – писал он Андре Жиду. – Страдания можно, пожалуй, даже должно терпеть, но бедность, нищета – вот что страшно. Это пятнает душу».

Однажды Уайльд подошел к оперной певице Нелли Мельба, с которой когда-то был знаком и которую прозвал «королевой весны». От былой славы и красоты писателя ничего не осталось, и она его не узнала. Тогда Уайльд решил напомнить о себе: «Я Оскар Уайльд, и я собираюсь сделать ужасную вещь – попросить у вас денег». Вот в какую бездну был низвергнут некогда кумир и идол публики.

Одно время писатель живет в заброшенной деревушке под именем Себастьяна Мельмота, отверженный и всеми забытый. Затем перебирается в Париж, в Латинский квартал. В письме к друзьям (к оставшимся друзьям) он бодрится: «Во Франции я нашел восхитительное убежище, приняли меня с симпатией, могу сказать, радушно. Эта страна стала матерью для всех современных художников, она всегда утешает, а порой и исцеляет строптивых сыновей...»

Однако Уайльд никак не исцелился от своей горячей привязанности к лорду Альфреду. 23 сентября 1897 года в письме к Реджинальдо Тернеру Оскар Уайльд пишет:

«Роман мой, конечно, трагичен, но от этого он не перестает быть романом, и Бози любит меня страстно, любит так, как он никого больше не любит и не полюбит никогда, и без него моя жизнь была бы кошмаром...»

Нет, положительно Оскар Уайльд никак не мог избавиться от своей навязчивой иллюзии – якобы любви Бози. В марте 1898 года он писал Россу:

«Четыре месяца Бози бомбардировал меня письмами, предлагая мне «кров». Он обещал мне любовь, признательность, заботу, обещал, что я не буду нуждаться ни в чем. Наконец я сдался; но, встретившись с ним в Эксе по дороге в Неаполь, я увидел, что у него нет ни денег, ни планов и что он начисто забыл все свои обещания. Он вообразил, будто я в состоянии добывать деньги для нас обоих. Я действительно добыл 120 фунтов. На них Бози жил, не зная забот. Но когда я потребовал с него его долю, он тут же сделался ужасен, зол, низок и скуп во всем, что не касалось его собственных удовольствий, и, когда мои деньги кончились, он уехал...»

Так и хочется воскликнуть: и это любовь?!

Все чаще в письмах Уайльда мелькают выражения «как жестока жизнь», «я очень несчастен». Здоровье его совсем расшатано. В конце февраля 1900 года он пишет Роберту Россу: «Я очень болен, и врач экспериментирует надо мной, как только может. Мое горло – раскаленная топка, голова – кипящий котел, нервы – клубок ядовитых змей...»

Осенью того же года Уайльду стало совсем худо. 20 ноября 1900 года он пишет свое последнее письмо, которое заканчивается строчкой: «Очень надеюсь получить от тебя 150 фунтов, которые ты мне должен». Письмо адресовано Фрэнку Харрису.

В последние дни писатель очень исхудал, тяжело дышал и был мертвенно-бледен. В час пятьдесят минут пополудни 30 ноября 1900 года Оскар Уайльд умер (он скончался в возрасте 46 лет, а Констанс умерла в 40).

Смерть наступила в Париже в третьеразрядном отеле «Эльзас» (до этого он жил в «Отеле де ла Пляж» и «Ницца»). Отель помещался на улице Изящных Искусств, что само по себе символично. Умер Уайльд в нищете и забвении. Похоронили великого парадоксалиста и остроумца на кладбище в Баньо на временном участке (опять же эти проклятые деньги!). Провожали в последний путь всего 7 человек. Венков, правда, было больше: 24. Один из них

принадлежал хозяину отеля, который не читал книг покойного и не знал его как писателя – просто относился к нему с сочувствием. Хозяин отеля украсил гроб изделием из бисера с трогательной надписью: «A mon locataire» («Моему жильцу» – франц.).

В 1909 году останки писателя перенесли на престижное кладбище Пер-Лашез. На надгробье выбиты строки самого Уайльда:

Чужие слезы отдадутся
Тому, чья жизнь – беда,
О нем отверженные плачут,
А скорбь их – навсегда.

Сразу после смерти Оскара Уайльда началась его посмертная слава. Он снова стал велик и любим.

Оскара Уайльда простила даже католическая церковь. В ноябре 2000 года, к 100-летию со дня смерти писателя, во влиятельном иезуитском журнале «La Civilita Каттолика» появилась статья, в которой ему отдается должное за обращение к духовной жизни. По словам преподобного Антонио Спарадо, время, которое Уайльд провел за решеткой, стало решающим для писателя. Он, несомненно, обратился к Богу, хотя в момент смерти, замечает Антонио Спарадо, и был в полусознательном состоянии.

После своей смерти великие нужны всем. При жизни они могут быть гонимы, но, покинув ее, способны служить любым идеям.

Вот, пожалуй, и все о парадоксальной жизни Оскара Уайльда. Добавим еще одно определение, которое дал Константин Бальмонт: «Оскар Уайльд напоминает красивую и страшную орхидею. Можно говорить, что орхидея – ядовитый и чувственный цветок, но это цветок, он красив, он цветет, он радуется».

А теперь о «голубизне».

Как изменилось время! В конце XIX века Оскара Уайльда пригвоздили к позорному столбу. Британский истеблишмент отринул писателя и проклял. А в конце XX века – осенью 1994 года – в Италии вышел художественный фильм Кристиана де Сика «Мужчины, мужчины, мужчины», посвященный феномену гомосексуализма. И никакого скандала, лишь интерес к теме. Да и то слабый: подумаешь, чем удивили!..

Весной 1998 года на Бродвее сразу шли две постановки, посвященные Оскару Уайльду: «Поцелуй Иуды» английского драматурга Дэвида Хейра и пьеса Мозеса Кауфмана «Грязная непристойность: три тяжбы Оскара Уайльда». В кинотеатрах демонстрировался фильм Брайана Гилберта «Уайльд». Центральный эпизод – окончательно сломленный писатель, сжавшись, равнодушно наблюдает из угла гостиничного номера постельную сцену, в которой участвует лорд Альфред Дуглас и его более молодой любовник. Сцена эта – чисто режиссерская фантазия, и она вызвала небольшой скандал в Великобритании. Смысл скандала: это уж чересчур!

Следует упомянуть и вышедшую в 1995 году книгу Пола Рассела «100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок», которую на следующий год, сгорая от нетерпения, перевели и издали в России. Оскар Уайльд в ней представлен третьим по значимости персонажем после Сократа и Сафо. Вообще тема гомосексуализма стала чуть ли не постоянной на страницах российских газет и журналов и уже выглядит несколько будничной. Называются разные цифры гомосексуалистов, «врожденных» и «приобретенных», – цифра эта колеблется от одного до четырнадцати процентов. Так что «голубизна» – дело житейское. Необычно лишь то, какие всплески чувств выбрасывают подчас эти отношения.

И в заключение слова Оскара Уайльда: «Порок – единственная красочность, сохранившаяся в нашей жизни».

Однако за эту «красочность» сам он заплатил слишком высокую цену. Просто опередил свое время. Ныне порок стоит значительно дешевле.

30 ноября 2000 года исполнилось 100 лет со дня смерти Оскара Уайльда. Уайльдисты, поклонники писателя, устремились на кладбище Пер Лашез, чтобы воздать дань своему поверженному некогда кумиру. Свой восторг они выражают сочинением различных граффити, цитируют и самого Уайльда. А еще их привлекает нагой ангел на могиле писателя – работы Якоба Эпштейна. Поклонницы и поклонники обычно целуют нагого ангела, отчего он приобрел красноватый оттенок от губной помады.

«Граффити, нанесенные фломастерами и маркерами, сводятся с камня вполне успешно, как, впрочем, и процарапанные надписи. Но губная помада содержит животные жиры, которые впитываются в поверхность, и скульптуре ничто уже не сможет помочь», – с огорчением говорит внук писателя Мерлин Холланд, проживающий во Франции, и призывает посетителей Пер Лашез бережнее относиться к памяти своего великого деда.

А что говорила героиня писателя, старая герцогиня Бервик?

– Какой вы ужасный циник! Приходите к нам завтра обедать!

Цинизм и парадоксы Оскара Уайльда ныне особенно в цене.

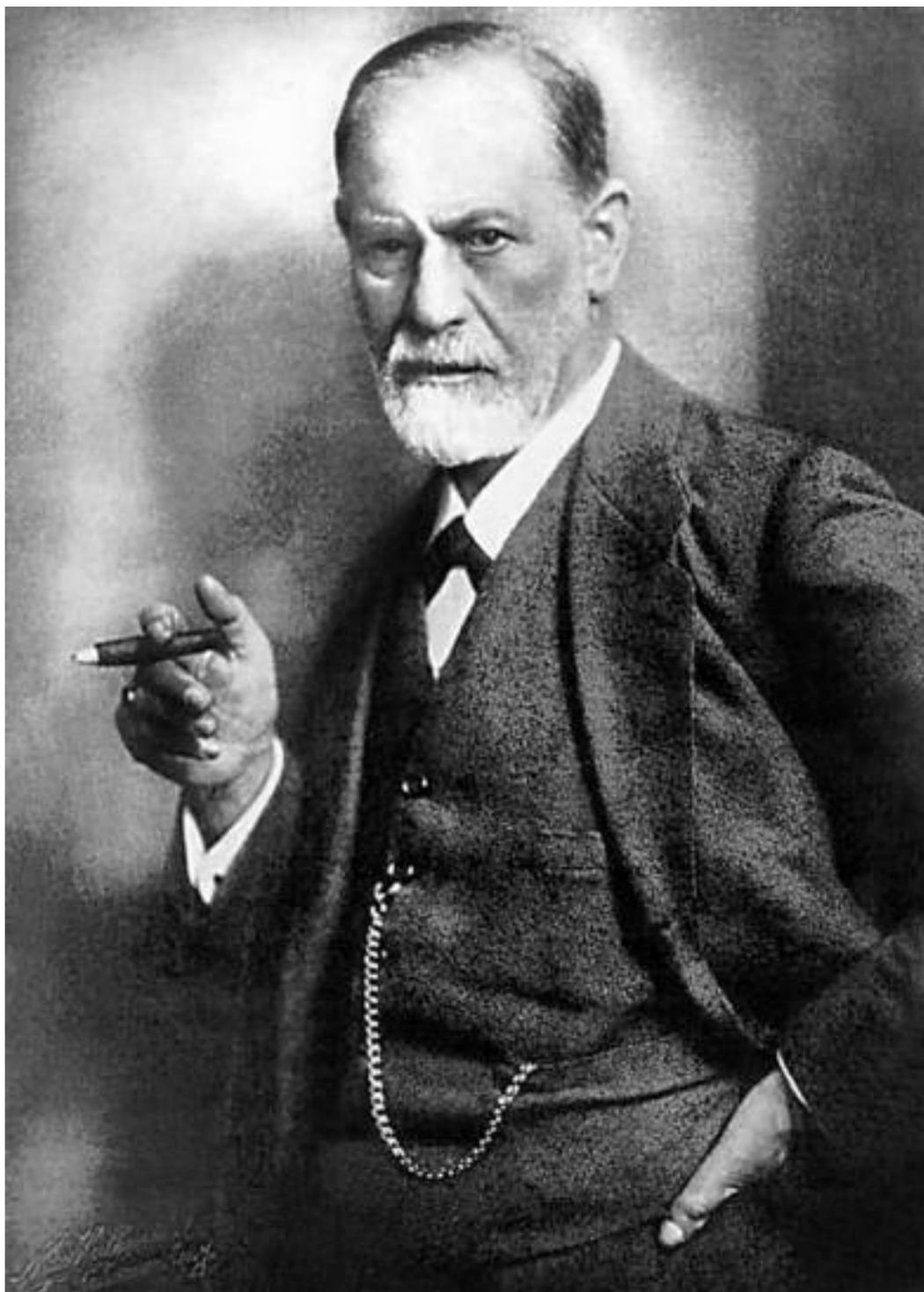
Апостол сексуальной революции

*Читаю Фрейда – без увлечения.
Корней Чуковский. Дневник, 27 июня 1924*

Я призналась, что меня раздражает фрейдизм, что я во Фрейда не верю.

– Не скажите. Я многого не понимала бы и до сих пор в Николае Николаевиче, если бы не Фрейд. Николай Николаевич (Пунин – муж Ахматовой. – Ю. Б.) всегда стремится воспроизвести ту же сексуальную обстановку, какая была в его детстве: мачеха, угнетающая ребенка...

Лидия Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой». Запись от 9 август 1939

Славу и ненависть он познал при жизни. Его возносили до небес и поносили последними словами. Его боготворили в США и жгли его книги в Германии. Доктор Зигмунд Фрейд подарил миру психоанализ. «Эдипов комплекс» – основа его учения – прочно вошел в американскую лексику, почти как выражение «диктатура пролетариата» в советскую. Западная мода – непременно посещать психоаналитика, чтобы разобраться в своих комплексах и стрессах, – перекечевала нынче к нам. Пациент (пациентка) ложится на кушетку, и сидящий рядом специалист-фрейдист начинает задавать каверзные вопросы, что, мол, и как. Льется бессвязный поток воспоминаний. Психоаналитик копается в нем, пытаясь установить причинно-следственную связь. И дает советы. Кому-то это помогает, кому-то нет. Но платить за консультации надо непременно.

Новый взгляд Фрейда на человеческую психику и мотивацию поведения повлек за собой пересмотр традиционных представлений об антропологии, морали, социологии, религии, мифологии, общественной жизни, культуре, литературе и искусстве. Практически вся современная литература пронизана идеями фрейдизма: сексуальный инстинкт, сексуальная энергия, которой Фрейд дал название «либидо», «сублимация» и другие расхожие ныне термины. Фрейд ввел два краеугольных понятия: Я и Оно. Оно – это бессознательная сфера влечений. Я – сфера сознательного, регулируемого. Между ними происходит постоянное противостояние, которое и вызывает психическое расстройство. Табу и прочие общественные запреты в области морали деформируют естественное состояние человека. Совокупность подавленных инстинктов, неосознанных влечений, то есть «либидо» по Фрейду, давит на психику человека и сублимируется (или более понятно: проявляется) самым различным способом. У маньяка – в насилии и убийстве, у поэта, скажем, у Александра Блока, – в творчестве. Его сексуальная энергия отчеканивалась в лирических строках.

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...

В связи со 100-летием издания книги Фрейда «Толкование сновидений» (1900) Михаил Золотоносов писал в «Московских новостях»: «Главное, что сделал Фрейд, – предложил способ преодоления старинного и неразрешимого дуализма «души» и «тела», дуализма духовного и телесного (соматического). Он представил Тело как источник психических переживаний и объяснил соматические недуги травмами в психике. По большому счету, Фрейд реабилитировал Тело, его потребности и позывы. То, что считалось безнравственным, под влиянием Фрейда стало пониматься как естественное. Секс пугал, поэтому в XIX веке с ним пытались бороться, укрощая специальной диетой, хирургическим вмешательством, обертыванием в мокрые простыни, связыванием и настойчивой, антисексуальной пропагандой.

Но пришел Фрейд и избавил человечество от одного из его главных страхов. Психологический анализ Фрейда снял запреты, которые тяготели над психикой людей, над их высказываниями, над их собственной духовной жизнью». В качестве маленькой иллюстрации строки из стихотворения «Сирена» поэта дальнего зарубежья Николая Щеголева:

Сидит – поджатые колени,
Большие лунные глаза, —
Оцепенелая сирена,
Как затаенная гроза...

Ни высказать, ни проявить себя. И вдруг человек получил возможность говорить о том, что считал преступным желанием.

По сути, благодаря Фрейду – как отмечал Стефан Цвейг – свершилась целая революция в моральной сфере, которая связана с реабилитацией не просто плоти, но либидо и удовольствия как такового. Понятие греха, существовавшее даже в секуляризованной культуре, существенно модернизировалось после экспансии фрейдизма.

А можно сказать и по-другому. До Фрейда сексуальность была, как правило, скрыта, затемнена, завуалирована. А после Фрейда она вышла на авансцену – яркая, бесстыжая, кричащая о своих желаниях, с голыми коленками и выставленными грудями напоказ. И все вокруг приобрело сексуальную окраску. Безвинное помешивание чайной ложечкой в стакане чая стало восприниматься как имитация полового акта, вязание – как символическое замеще-

ние того же соития. Автомобиль уже воспринимается как чисто фаллический образ, бороздящий лоно пространства. И даже Вавилонская башня (ну и небоскребы со шпилями) превратилась в символ эротического желания мужчины дотянуться до Бога. Сексизм победно зашагал по планете.

В язвительном памфлете «Что всякий должен знать»? (1931) Владимир Набоков писал: «Господа, вы ничего не разберете в пестрой ткани жизни, если вы не усвоите одного: жизнью правит пол. Перо, которым пишет возлюбленной или должнику, представляет собой мужское начало, а почтовый ящик, куда письмо опускаем, – начало женское. Вот как следует мыслить обиходную жизнь... Куда ни кинем глаза или взгляд – всюду половое начало...»

Западная мысль давно осваивает и развивает наследие Фрейда, у него тысячи последователей и учеников. А вот в России доктору Фрейду не повезло. Точнее сказать, вначале психоанализ встретили «на ура». Его адептом в России стал врач Николай Осипов, учившийся в университетах Германии и Швейцарии. Он стал активным разносчиком «фрейдовой инфекции» – идей психоанализа. Осипов считал, что Россия – благодатная почва, на которой произрастает удивительный материал для психоанализа, особенно в среде творческой интеллигенции. Разве сложные и запутанные отношения Блока, Любви Менделеевой и Андрея Белого – не фрейдизм в его чистом виде? А все поэты-символисты, бредущие в лабиринтах снов, оговорок и догадок, – разве они не идеальные пациенты для специалистов по психоанализу?

Короче, до 30-х годов внимание к Фрейду было огромным, им интересовался один из вождей Октября Лев Троцкий, потом Троцкого разоблачили как врага и предателя революции, а заодно – выкинули и Фрейда. «Наполеон неврозов», как именовали Фрейда, не вписался в марксизм-ленинизм и был заклеен как «продажный буржуазный идеолог».

Сегодня любопытно читать, как писали о Фрейде и его идеях в недавние советские времена: «Фрейдизм возник как отражение идей буржуазии, находящейся в полном моральном упадке, и в наши дни он служит подтверждением сексуальной распущенности, разврата, порнографии, морального разложения, распространившихся в капиталистических странах... Больше, чем любая другая теория, фрейдизм питает собой атмосферу морального разложения, которая все усиливается в империалистических странах».

Сам доктор Фрейд именовался не иначе как жидомасон, и, как заметил писатель Юрий Поляков: «Лишь совсем недавно наши соотечественники узнали, что Фрейд – это не ругательство, а имя великого ученого». Все это неудивительно. Труды Фрейда почти 60 лет не издавались на русском языке. Сегодня они хлынули потоком на прилавки книжных магазинов. Совсем недавно появился еще один – «Жизнь и творчество Зигмунда Фрейда». Его автор – английский профессор-медик Эрнест Джонс, ученик и сподвижник Фрейда, член венского Комитета психоаналитиков. Трехтомник Джонса издан в 1954 году, к нам дошел всего лишь однотомник и спустя 43 года.

В наши дни о Фрейде охотно пишут газеты и журналы. Развившиеся неврозы и стрессы, что ли, тому причиной? Так или иначе, Зигмунд Фрейд ныне модный автор, кстати, в 1930 году он был удостоен премии Гёте по литературе. Фрейд – не только ученый, но и литератор, точнее сказать, ученый с литературными способностями.

Ну а теперь самое время рассказать немного о нем самом.

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в небольшом чешском городе Пршиборе, который в ту пору именовался Фрейбургом и входил в состав Австро-Венгерской империи. Семья была еврейской, отец, Якоб Фрейд, торговал тканями, дома говорили по-немецки. Мальчика любили, еще бы: ему предсказали великое будущее, и пророчество это сбылось. Особую привязанность маленький Зигмунд испытывал к матери, Амалии Фрейд. Вообще детство его было безоблачным. «Счастливым ребенком из Фрейбурга» – так вспоминал о себе Фрейд в зрелые годы.

В 1859 году семья переехала в Лейпциг, а затем в Вену. В лицее он был первым учеником. Еще в детстве Зигмунд обнаружил в себе тягу к знаниям и практически всю жизнь учился, постигая все новые и новые области знания. Фрейд выучил семь иностранных языков, в том числе и «мертвые» – древнееврейский, древнегреческий и латинский.

В 1873 году Фрейд поступил на медицинский факультет Венского университета. Работал в клиниках Вены, Парижа, Нанси. Вел частную практику. Над его столом висели два любимых девиза: «Работать не философствуя» (из Вольтера) и «В случае сомнения воздерживайся» (из святого Августина).

В 1881 году Фрейд получил степень доктора медицины. С 1902 года он – профессор Венского университета. В 1891 году вместе с Йозефом Брейером выпустил книгу «Исследование истерии», от которой принято вести отсчет истории психоанализа.

В ночь с 23 на 24 июля 1895 года доктору Фрейду приснился сон, вошедший в историю психоанализа под названием «сна об инъекции, сделанной Ирме». Оттолкнувшись от этого сна, ставшего впоследствии историческим, Фрейд занялся отгадкой тайн сновидений. В 1900 году вышла его книга «Толкование сновидений», в которой он проанализировал 43 собственных сна, и эти толкования дали старт дальнейшим исследованиям ученого. Книга вышла сначала тиражом в 600 экземпляров, но в дальнейшем косяком пошли переиздания. После «Толкования сновидений» Фрейд написал еще много книг: «Очерки по теории сексуальности», «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Очерки истории психоанализа», «Тотем и табу», «Моисей и монотеизм» и другие.

В 1938 году после вторжения нацистов в Австрию Зигмунд Фрейд стал узником гетто. Его имущество, издательство и библиотека были конфискованы, книги публично сожжены. Этой акцией руководил сам Геббельс: «Когда я слышу про психоанализ, я хватаюсь за револьвер». Как коммунистам, так и фашистам идеи Фрейда были ненавистны. Четыре сестры ученого погибли в газовых камерах Освенцима. Под огромным нажимом мировой общественности Гитлер согласился выпустить Фрейда в Англию за выкуп в 100 тысяч шиллингов. Их заплатила принцесса Мария Бонапарт, внучка императора, продав два своих замка. Фрейда выпустили на свободу, но к этому времени он уже был смертельно болен: рак гортани. Чтобы прекратить страдания, он добровольно ушел из жизни, попросив лечащего врача сделать спасительную инъекцию. 23 сентября 1939 года, в возрасте 83 лет, доктор Зигмунд Фрейд покинул этот мир, оставив нам свое бессмертное учение и вечные споры о нем.

Фрейд-ученый и Фрейд-человек – далеко не однозначные понятия. Лично его не терзали открытые им комплексы, он не падал в бездну сексуальных томлений. И вообще забавно то, что специалист по сексуальным расстройствам оставался девственником до 30 лет.

В 16 лет Фрейд влюбился в некую Гизеллу Флюс, однако она отвергла любовь будущего светила, чем, возможно, способствовала вытеснению его грешных мыслей в подсознание. Фрейд вообразил себе другую девушку по имени Жизель и грезил о ней. Мечтаниям, ничего большего. Он был собранным и целеустремленным человеком, все ответы на вопросы жизни пытался найти в науке. Короче, ни о каком «сексуальном разгуле» не могло быть и речи. Более того, в своих чувствах он был целомудренным. Встретил еще одну девушку. Полюбил ее. Женится. Заимел детей. И никаких отклонений от норм, впрочем, кое-что все-таки было, но об этом чуть позже.

Свою избранницу – Марту Бернайс из добропорядочной еврейской семьи – он впервые увидел 7 мая 1883 года. Они понравились друг другу и торжественно отпраздновали помолвку, но вот ожидание свадьбы затянулось на несколько лет – не только по вине родственников, но и потому, что сам Фрейд намеревался сначала крепко встать на ноги и разбогатеть, чтобы достойно содержать семью. Доводы понятны, хотя мотивы, возможно, были и другие: в глубине души Фрейд сомневался в себе и в своей невесте. Он хотел видеть в ней не только сексуальную партнершу и мать будущих детей, но и нечто большее. «Мы обед-

нили бы наши взаимоотношения, если бы я видел в тебе только лишь возлюбленную, а не друга», – писал он ей в одном из писем. Писем этих насчитывается более двух тысяч, многие из них позволялось вскрыть лишь после 2000 года. Сын Фрейда Эрнст часть писем издал после смерти родителей под названием «Письма к невесте», как правило, они начинались словами: «Сокровище мое, Мартхен...»

Фрейд писал Марте Бернайс четыре года от помолвки до свадьбы (1882–1886), рано утром и поздно вечером, иногда днем и даже ночью. Писал в лаборатории, в своем кабинете в клинике, в отеле, в гостинице. В этих письмах он разговаривал со своей невестой не только о дружбе и любви, но и о самых различных исторических, философских и бытовых проблемах. И, конечно, о литературе, которую Фрейд блестяще знал, легко цитируя Гёте, Шекспира, Шиллера, Гейне, Лессинга и других классиков. Звучали в письмах и финансовые темы:

«...Ах, если бы ты была здесь со мной, моя маленькая принцесса! Я должен собраться с силами и в течение 14 дней очень ограничить себя в бездумном наслаждении жизнью, чтобы заработать деньги...»

В переписке Фрейд предупреждал свою принцессу-невесту, что главная цель его жизни – врачебно-исследовательская деятельность, ради которой он должен «упорно заниматься наукой», а для этого ему нужен «значительный стимул», верный друг и надежная опора.

Фрейд не ошибся в Марте. Семейная их жизнь в целом удалась, она не была, конечно, идеальной, но вполне прочной. Дети встали на ноги. Дочь Анна пошла по стопам отца и стала известным ученым-психоаналитиком. Пятеро сыновей избрали другие, гуманитарные профессии. Творец психоанализа разбирался в тайниках человеческой души и знал, что именно скрепляет семейные узы: «Мы должны каждый день говорить, что все еще крепко любим друг друга. Это ужасно, когда два любящих сердца не способны найти ни достойной формы, ни времени для ласковых слов. Они как бы берегут эти нежности на случай неожиданной беды, болезни. И тогда сама ситуация вынудит их к этому. Не надо скупиться на нежность. Чем больше тратите ее, тем активнее она восполняется. Если о нежности забывают, то незаметно утрачивается душевная связь, и отношения супругов бывают подобны в таком случае ржавому замку. Вроде бы и есть замок, да на что он годен, если весь заржавел?...» – так думал и говорил Фрейд.

И еще одно высказывание мэтра психоанализа: «Суть того, что мы называем любовью, есть, конечно, то, что обычно называют любовью и что воспевается поэтами, – половая любовь...»

В годы активной переписки Фрейд называл Марту «маленькой принцессой» и писал, что слова «нет» он не переживает. Но время – великий разрушитель любой любви. В 1907 году в гости к Фрейду приехал его коллега Карл Густав Юнг с женой, но, прежде чем принять их, Фрейд извиняющимся тоном сказал: «Я прошу прощения за то, что не могу проявить подлинного гостеприимства. У меня дома ничего нет, кроме старой жены».

Год спустя, в 1908-м, Фрейд грустно писал в одном из писем: «Семейная жизнь перестает давать те наслаждения, которые она обещала сначала...»

Да, семейная жизнь – не ровная дорога. В один из тупиков угодил и сам Зигмунд Фрейд. «Тупиком» оказалась сестра Марты Минна, про которую Фрейд писал, что она похожа на него, что «оба они неуправляемые, страстные и не очень хорошие люди, в отличие от Марты, человека очень положительного». Очевидно, это было написано в минуту какого-то психологического срыва, ибо вся жизнь Фрейда опровергала его утверждение о том, что он – человек «неуправляемый» и «страстный». Минна проявляла активный интерес к психиатрии и этим, наверное, еще более привлекла к себе Фрейда. Судя по всему, у них была интимная связь, более того, Минна забеременела. Но в конечном счете все обошлось: страсть к сестре жены оказалась недолгой, и Минна оставила доктора, к большому облегчению Марты. А сам Зигмунд Фрейд заявил, что отказывается от сексуальной жизни. Неизвестна реакция на это

Марты, но, возможно, такой поворот ее вполне устроил. Все это напоминает известные нам случаи кастрированных котиков, которые не докучают хозяйкам и поэтому особенно любимы ими.

Итак, и у положительного Фрейда был в жизни грешок, всего лишь одна маленькая интрижка, хотя по статусу родоначальника фрейдизма он явно тянул на большее. Жан Поль Сартр, изучавший биографию Фрейда, считал, что друг ученого Вильгельм Флисс сыграл в его жизни отрицательную роль искусителя. В пьесе Сартра коллега великого психоаналитика Мейнарт говорит: «Нормальные люди, Фрейд, вот кто наши враги...»

Да, это так. Но враг сидит и внутри нас. Враг – это тайные желания.

Однажды Фрейд признался Юнгу:

– Я очень плохо сплю, с тех пор, как приехал в Америку. Мне все время снятся проститутки.

– Ну так почему бы тебе не предпринять что-нибудь для решения этой проблемы? – спросил Юнг.

– Но ведь я же женат! – с ужасом воскликнул Фрейд.

В книге французского психоаналитика Лидии Флем подробно рассказано о взаимоотношениях Фрейда с женой, братьями, сестрами и с детьми. Одна лишь цитата: «Став больше родственником, чем учителем, он рассказал нам о том, что загнанное вглубь все время пытается прорваться на поверхность, что то, о чем молчат губы, выдают руки и что лишь сознание может одержать верх над бессознательным».

Еще раз повторим: тайные желания. Человеческие бездны. Это как раз то, что интересовало и нашего Достоевского, который был любимым писателем Фрейда. Фрейд читал его десятилетиями, но однажды изнемог над мрачными страницами русского гения и написал в письме к Рейку: «...при всем моем восхищении Достоевским, его интенсивностью и совершенством, я его не люблю. Это потому, что моя терпимость к патологическим случаям истощается во время анализа».

Бездны Достоевского были глубже и страшнее глубин Фрейда.

Но оставим частную жизнь ученого в покое, а поговорим лучше о значении того, что он сделал. «Первопроходцем будущего» назвал Фрейда Томас Манн. Его высоко ценили такие авторитеты в мировой литературе, как Герман Гессе, Стефан Цвейг, Роберт Музиль... Однако были и противники, среди них, как ни странно, – Владимир Набоков, который называл Фрейда не иначе как «венский шарлатан, мистик и пошляк». Это Набоков пустил в оборот язвительное словечко «либидобелиберда».

Но как не иронизировать, а «либидо» играет свою роль в жизни практически всех людей, порой и роковую. Уже в наше время в архивах австро-венгерской жандармерии был обнаружен документ о покушении на Фрейда в 1925 году. Совершил его земляк, который долго выслеживал ученого и произвел роковой выстрел. Но... ирония или причуда судьбы: жертвой оказался не Зигмунд Фрейд, а некий венский дантист, разительно похожий на ученого. На суде покушавшийся так объяснил свой поступок:

«Не мог я нормально жить, когда прочитал книжонки Зигмунда. Завел он всех нас в тесную комнату подсознания и приковал кандалами комплексов... Гнусная, античеловеческая выдумка этот его психоанализ, а ведь немало судеб испортил! Я решил заступиться за людей».

Можно подумать, что если бы этот антифрейдист убил Зигмунда Фрейда, человечество перестало бы мучиться от тягот своего пола!

Конечно, спокойнее ничего не знать и не ведать. Ни об эресе, ни об «инстинкте смерти» (так Фрейд называл агрессию), но незнание само по себе не исправляет и не облегчает человеческую жизнь. Уже давно она развивается во многом по тем законам, что открыл доктор Фрейд, нравится это кому-то или нет. И не надо забывать о том, что именно Фрейд

предсказал появление в XX веке новых культов, когда на место мифических божеств встанут люди, подобные Гитлеру или Сталину, а миллионы будут им слепо поклоняться.

«Массы никогда не знали жажды истины, – говорил Фрейд. – Они требуют иллюзий. А тот, кто угадает желание толпы, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять одно и то же».

Так что старик Фрейд был прав – и в любви, и в политике.

«Заповедь» нобелевского лауреата

Миссис Фетли взглянула и содрогнулась. Потом наклонилась к миссис Эшкрофт и поцеловала ее в желтый восковой лоб и в поблекшие серые глаза.

– Ведь муки зачтутся... Зачтутся?

Р. Киплинг. Дом чудес, 1924

Мы обошли всю карту,

Все новые пути,

Нам острова светили,

Которых не найти...

Р. Киплинг. Купцы, 1893

О Киплинге не утихают споры по сей день. Одни называют его великим поэтом, другие считают безнадежно устаревшим. Третьи числят Киплинга всего лишь писателем для подростков, как, скажем, Дефо или Марка Твена. Между тем Редьярд Киплинг – лауреат Нобелевской премии, ее он получил в 42 года – за всю историю этой премии не было среди писателей лауреата моложе, чем он. Это был пик его популярности, далее она пошла на убыль. Особенно несправедливы к Киплингу его соотечественники – англичане. «Киплинг променял славу поэта на славу политика», – презрительно бросил Честертон. Для многих рядовых англичан Киплинг – колонизатор, солдафон, всего лишь солдат Британской империи.

В России избранные рассказы Киплинга вышли впервые в 1908 году. Издавали его и в первые годы советской власти: сказки в переводах Корнея Чуковского, стихи – в переводах

Самуила Маршака. Затем произошел поворот в отношении к Кипплингу, и в 1936 году о нем писали уже так: «Творчество Кипплинга усиленно пропагандируется и поднимается на щит».

Женщины, лошади, власть и война.

А уж про солдатскую правду, пожалуй, никто лучше Кипплинга и не написал:

«Эй, Томми, так тебя и сяк, катись, и черт с тобой!»
Но он – «защитник родины», когда выходит в бой.
Да, Томми, так его и сяк, не раз уже учен,
И Томми вовсе не дурак, он знает, что почем!..

«Талант его неистощим, язык точен и богат, выдумка его полна правдоподобия; обширные поразительные знания, вырванные из подлинной жизни, во множестве горят и сверкают на страницах его книг...» – так писал о Кипплинге Константин Паустовский.

«Кипплинг не был интеллектуалом, – отзывался о нем английский литературный критик Мартин Симур-Смит, – он написал немало (и наговорил еще больше) чепухи, а порой он просто рылся в помойных ямах; но не было в новейшей литературе другого писателя, у которого можно было бы найти столь глубокие и разнообразные суждения о природе вдохновения и об ответственности художника».

Кипплинг жестко смотрел на современный ему жесткий и жестокий мир, где война – неперемное условие жизни людей. Борьба за выживание. Борьба за превосходство. Мир, в котором все иерархизировано и все подчинено дьявольской системе подчинения слабого сильному. В рассказе «Слуга его величества» на вопрос, умны ли животные, как люди, следует ответ:

«– Они слушаются, как люди. Мул, лошадь, слон или вол, каждый повинуется своему погонщику; погонщик – сержанту, сержант – поручику, поручик – капитану, капитан – майору, майор – полковнику, полковник – командующему тремя полками, командующий – генералу, который подчиняется вице-королю, а тот – слуга ее величества. Вот как делается у нас».

А у нас?.. Но оставим риторические вопросы и расскажем немного о самом Кипплинге. Его родители – художник и скульптор Локвуд Кипплинг и голубоглазая жена Алис – были романтической парой и назвали сына по имени озера Редьярд в графстве Стаффордшир, где они решили связать свои судьбы. Джозеф Редьярд Кипплинг родился 30 декабря 1865 года в Бомбее. В Индию родители отправились затем, что в Англии им не очень везло, а Индия представлялась страной больших возможностей и сказочных приключений.

Свое детство Редди провел в обществе сестры Трико и трех собак-терьеров Боги и Тоби и пекинеса Чанга. В 1871 году 6-летний Редди был отправлен в Англию, где он провел несколько лет в семье капитана Холлоуэя, который научил робкого и застенчивого мальчика морским песням, морскому жаргону и крепким ругательствам. Однако это не придало юному Кипплингу мужества, он оставался хилым и неуклюжим подростком, который не мог попасть по мячу теннисной ракеткой. Книжкой и очкарик, он тем не менее не сломался, выстоял и, более того, принял «закон стаи». Его одноклассники вспоминали, что юный Редди отличался «такими блестящими способностями и таким цинизмом, что окружающие его от всей души ненавидели».

В 16 лет Кипплинг вернулся в Индию, к родителям, и был принят в местный Лахорский клуб, но и здесь отличался своим независимым и почти наглым поведением. Это характерная черта Кипплинга как человека и как писателя – переступать общепринятые рамки, нарушать всевозможные табу и запреты. Он был подлинным разрушителем социальных, расовых и религиозных перегородок. И вместе с тем сам тяготел к закрытым обществам (клуб, кружок,

полк или стая в широком смысле) и к возникающим в них особым сигналам и шифрам, а также питал интерес к разного рода рубежам и границам. Эти рубежи Киплинг любил не только защищать, но и пересекать. «По дороге в Мандалай...»

Денег на университет не было, и университетом для 16-летнего Киплинга стала местная газета. Редьярд Киплинг бесстрашно вступил на журналистскую тропу. Сначала он приобрел всеиндийскую славу, а к 25 годам – всеанглийскую. Параллельно с журналистикой Киплинг начинает свою писательскую деятельность.

Любопытно, как был напечатан первый рассказ Киплинга. Редактор газеты был в отпуске, и, воспользовавшись этим обстоятельством, Киплинг «тиснул» свой рассказ «Ворота 100 печалей» об умирающем курильщике опиума. Это было в 1884 году.

Сначала индийские газеты, потом английские. Рассказы, стихи, в которых Киплинг выступал в роли бунтаря, бросал вызов властям и общепринятым понятиям. Разрушителем всяческих табу он и вошел в большую литературу. Короче, литературную славу он приобрел, а вот мужской славы, славы покорителя женщин у Киплинга не было. Его первая любовь Фло Гарранд откровенно смеялась над ним. И когда другая девушка, Каролин Балестье, оказала ему знаки внимания, Киплинг не мог устоять. Он сделал предложение, женился на ней, вызвав немалое удивление у своих друзей. Так, Генри Джеймс сказал: «Это не женщина, а мужик в юбке». И действительно, в доме командовала именно Кэрри, а отнюдь не «железный Редьярд» (в своем творчестве он был именно железным, а вот в быту, увы, совсем другим), Кэрри распорядилась и командовала всем в доме и даже заставила своего знаменитого мужа перебраться из Англии в Америку.

В 1899 году Киплинг тяжело заболел, одновременно заболела и одна из дочерей, Джозефин. Кэрри предпочла ухаживать за мужем, сосредоточив на нем все свое внимание. Но когда Джозефин умерла, Кэрри сочла себя ее убийцей, а Киплинга – соучастником преступления. Нет, в личной жизни Редьярд Киплинг был далеко не счастливым человеком.

Вернувшись в Англию, Киплинг купил мрачный особняк XVII века, дом-крепость в Сассексе, и жил там почти отшельником, отклоняя большинство приглашений на всяческие светские церемонии и встречи. Он страдал бессонницей. Его одолевали приступы нервного плача. Но тем не менее внутри, в душе, Киплинг оставался крепким и негниваемым человеком, истинным солдатом британской короны. Своим пером он боролся с врагами Англии. В период англо-бурской войны его милитаристские призывы шокировали очень многих. В круг его друзей входили премьер Джоозеф Чемберлен, генерал Сесил Джон Родс и другие «ястребы».

Этот внутренний позыв к действию, к «подвигам, доблести, славе» (как выстраивал подобный ряд наш Александр Блок) привел к тому, что Киплинг заставил своего хилого сына Джона вступить в действующий полк и отправиться на арену Первой мировой войны. В первом же бою Джон Киплинг был ранен в голову и погиб. Редьярд испытал двойственное чувство: как отец – печаль утраты, как поэт – гордость за сына-воина, погибшего в бою. Все, как в творчестве:

Огнями мысы не зажглись,
И банки не видны,
Мы безнадежно отделись
Слепой игре войны.

Сам Киплинг скончался в Лондоне 18 января 1936 года в возрасте 70 лет. Характерно, что на похороны не пришел ни один видный писатель, зато были премьер-министр, генерал и адмирал.

После смерти Киплинга стал наблюдаться взрыв интереса к его творчеству. Как написал английский поэт Огден:

Время всем на удивленье
Киплингу дало прощенье...

Простили многие. Только не жена. Она сожгла записные книжки писателя, содержавшие, кроме дневниковых записей, наброски его творческих замыслов и незаконченные произведения, которые так и не были опубликованы. Более того, она потратила немалые суммы на то, чтобы выкупить у различных адресатов письма Киплинга, которые также были преданы огню. Таким образом, супруга Киплинга стала основоположницей традиции сжигания писательского архива.

Чего она страшилась? Может, американских увлечений мужа? В одном из уцелевших писем Киплинг писал: «Помимо всего прочего, я безнадежно влюблен приблизительно в восемь американских девиц. Каждая представлялась мне верхом совершенства, пока в комнату не входила следующая... Девушки Америки затмевают всех. Они умны и любят поговорить...»

Этого боялась Кэрри: что есть женщины и умнее ее? Но ведь Киплинг писал и нечто иное:

Пусть сердце, полно сокровищ, идет с кораблем ко дну,
Довольно продажных женщин, я хочу обнимать одну!
Буду пить из родного колодца, целовать любимый рот,
Подруга юности рядом, а других пусть черт поберет!

В мечтах, в грезах, сновидениях Киплинг хотел превратиться в бирманца – «оберну тело двадцатью ярдами настоящего королевского шелка, изготовленного в Мандалео, и буду курить сигареты одну за другой... и гулять с девушкой цвета миндаля, которая тоже будет смеяться и шутить...»

Но это все лирика, не очень характерная для него, человека жесткого и интровертированного, эгоцентричного и высокомерного. Джордж Оруэлл писал о Киплинге: «Вот уже пять литературных поколений прогрессивной интеллигенции презирает его, но теперь подавляющее большинство этих интеллигентов забыто, а Киплинг все еще с нами».

Действительно, с нами. Не будем говорить об истинных любителях поэзии и хорошей прозы. И о детях, которые обожают сказки Киплинга про «Кошку, гуляющую сама по себе», про «Краба, который играл с морем», про любопытного Слопенка, пятнистого Леопарда, про Маугли и Рикки-Тикки-Тави. Все это любимо и все это читаемо. Но даже далекие от изящной словесности политики любят цитировать крылатые слова Киплинга о том, что

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.

Правда, политики-патриоты при этом интерпретируют слова Киплинга в том смысле, что мы – Восток и начхать нам на Запад. Запад – это наш враг. Но не будем об этом. Лучше ответим на вопрос, а есть ли в творчестве Киплинга русский след? Да, есть. В 1918 году Киплинг написал стихотворение «Россия – пацифистам». Он адресовал его западной интеллигенции, не поддержавшей Белогвардейское движение. Киплинг резко критиковал Октябрьскую революцию, повлекшую за собой голод, террор и разруху. Вот это стихотворение в переводе Ксении Атаровой:

Бог в помощь, мирные мужи, поклон вам и привет!
Но только из-за ваших забав – от мертвых прохода нет!
Войска мертвы, дома мертвы, селенья пали в прах...
Бог в помощь, буйные мужи, к чему бы этот знак?

Припев.

Ройте окоп для усталой толпы —
Ей земли иной не сыскать.
Прилечь отдохнуть – вот венец мечты.
А кто еще хотел бы, друзья,
В такой траншее поспать?

Бог в помощь, кроткие мужи, а ну, с пути долой!
Мы роём яму для страны – с Британию длиной.
Держава, слава и почет, и доблесть наша, и мощь —
Лелеяли мы их триста лет – в триста дней все спустили прочь!

Припев.

Масла в огонь – для прозябшей толпы,
Что дрожит у обочин и шпал!
Отогреться быстрее – вот венец мечты.
А кого бы еще в огонь, друзья,
Чтоб ярче костер запылал?

Бог в помощь, мудрые мужи, покойных всем вам снов!
Но не осталось от страны ни звука, ни следов —
Лишь только звук рыданий да сполохи огней,
Да след еле заметный втоптаных в грязь людей.

Припев.

Хлеба скорей – для голодной толпы!
Неужели ей век голодать!
Накормить – коль идут под ярмо, как скоты.
А кто еще на попятный, друзья,
За подачку – кто отступать?

Бог в помощь, буйные мужи, удачи вам в делах!
Как удалось так быстро вам страну повергнуть в прах?
Чтоб с сева и до жатвы – лишь месяцев за пять —
Оружие, ищущую надежду, честь, даже имя – все потерять!

Припев.

А ну, спускай ногами вперед!
Землей забросаем – и двинемся прочь!
Вот и схоронили страну и народ.
А кому б еще вам помочь, друзья,
Кому еще падать помочь?

Мрачное стихотворение. Эта мрачность усиливается воспоминаниями – войной в Чечне, многочисленными взрывами домов и гибелью атомной подлодки «Курск».

Вперед, погружаясь носом, котлы погасив, холодна...
В обшивку пустого трюма глухо плещет волна,
Журча, клопоча, качая, спокойна, темна и зла,
Врывается в люки... Все выше... Переборка сдала!
Слышишь? Все затопило, от носа и до кормы.
Ты не видывал смерти, Дикки? Учись, как уходим мы!

Это концовка стихотворения «Мэри Глостер» (1894). А вот и про высшее руководство:

Начальники наши горды
И пока что держат бразды.

(«Стелленбос»)

Все персонажи Киплинга – отчаянные игроки на арене Вселенской бойни. Это концепция Киплинга. Существует хаос, стихия страстей, зла и несправедливости. И чтобы все это преодолеть, надо действовать по определенным правилам Игры, каждый должен следовать закону своей «стаи» (своей социальной группы) и защищать определенные ценности. Помните знаменитое: «Несите бремя белых...» Или: «Вставай! Иди на бой! В ворота Гунн стучится...»

Да, Киплинг защищал колониальную Англию, но при этом воспевал мужество маленьких людей, их готовность выполнить до конца свой долг, играть по правилам, хотя они и тяжелы:

День-ночь, день-ночь – мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь – все по той же Африке,
(Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих сапог!) —
Отпуска нет на войне!..

Если убрать милитаристский налет, то это можно прочесть и как необходимость ставить определенные цели и неуклонно к ним идти «день-ночь», не обращая внимания на «пыль от шагающих сапог». Ибо только так можно добиться какого-то результата. В противном случае – неразбериха, хаос или, как говорил один коммунистический вождь, «разброд и шатание».

Баллады Киплинга – гимн мужеству, самоотречению, долгу.

В 1910 году в «Америкэн мэгэзин» появилось программное стихотворение «If». Его переводили многие поэты и переводчики. Лучший, классический перевод принадлежит Михаилу Лозинскому. Слово «if» («если») он перевел как «Заповедь».

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянувшей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушной и мудрей других.

У

мей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена, и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело.
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь, как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Увы, мы живем не по «Заповеди» Киплинга. У нас если победа, то гром, и шум, и ликование на всю страну. Если поражение – то крик и стенанья несусветные, голова посыпается пеплом и слезы в три ручья. Надо быть сдержаннее. Скромнее. Мудрее. А главное, это обращение к каждому из нас:

Наполни смыслом каждое мгновенье.

И тогда бремя России не покажется таким уж тяжелым.

Поэты

*Первый, кто сравнил женщину с цветком, был великим поэтом,
но уже второй был олухом.*

Генрих Гейне

*Стихотворение есть растянутое колебание между звуком и
смыслом.*

Поль Валери

*Я получил блаженное наследство
Чужих певцов блуждающие сны...*

Осип Мандельштам

Поэт-гладиатор

«Поэт-гладиатор» – так назвал Генриха Гейне Иннокентий Анненский. Коммунистические вожди считали его поэтом-революционером. В 1918 году в Москве в Нарышкинском сквере большевики поставили памятник Гейне. Какой-то чахоточный господин с бородой сидел в кресле, а у ног, лапаясь, примостилась полуголая баба с распущенными космами – не то Лорелея, не то Муза. Памятник был сделан из какой-то белой дряни и внутри пуст. «Зимой 1921 года, – вспоминает Владислав Ходасевич, – я проходил мимо него. У Гейне нос был совсем черный, а у Лорелей отбили зад».

И тем не менее советская власть продолжала любить и издавать Гейне, игнорируя самую суть творчества поэта: не социализм он любил с коммунизмом, а только свободу, свободу личности, которая активно подавлялась в Стране Советов.

В предисловии к книге «Лютеция» Гейне писал: «Действительно, только с отвращением и ужасом я думаю о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут власти, грубыми руками беспощадно разрушат они все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разобьют все те фантастические игрушки и безделушки искусства, которые так любил поэт; они уничтожат мои лавровые рожи и будут сажать там картофель; лилии, которые не трудились и не пряли, а все же одевались так, как не одевался и царь Соломон в славе своей, будут вырваны из почвы общества, если только не захотят взять в руки веретено; розы, эти праздные невесты соловьев, подвергнутся такой же участи; соловьи, эти бесполезные певцы, будут изгнаны, и – увы! – из моей «Книги песен» бакалейный торговец будет делать фунтики, в которые будут сыпать кофе или нюхательный табак для старух будущего. Увы! Все это я предвижу, и несказанная печаль овладевает мной при

мысли, что победоносный пролетариат угрожает гибелью моим стихам, которые исчезнут вместе с романтическим старым миром...»

Поэты всегда пророки. И из нового российского мира стали изгонять «соловьев, этих бесполезных певцов» – Анну Ахматову, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама и многих других. Мыслителей посадили на «философский пароход» и изгнали из родины. Все это предвидел Гейне.

«Последний сказочный король романтизма» – так однажды назвал себя Генрих Гейне. И он же установил, что великая мировая трещина проходит через сердце поэта. А мир полон зла и несовершенства.

Почему под ношей крестной
Весь в крови влачится правый?
Почему везде бесчестный
Встречен почестью и славой? —

спрашивал Гейне, повторяя вопрос древнейших египетских и шумерских текстов: почему дурным хорошо, а хорошим дурно? И вместе с тем Гейне не отрицал действительность, не мазал ее сплошной черной краской. Он отчетливо видел в океане мирового зла отдельные островки умиротворения и радости. В «Книге ЛеГран» он писал:

«Мир так приятно запутан: это – сон опьяневшего бога, потихоньку, а la francaise, ушедшего из компании бражничающих богов и уснувшего на уединенной звезде. Он и сам не знает, что творит все, что видит во сне, и сновидения эти безумно пестры или разумно гармоничны; Илиада, Платон, Марафонская битва, Моисей, Венера Медицейская, Страсбургский собор, Французская революция, Гегель, пароход и т. д. – лишь отдельные хорошие мысли этой сонной божьей грезы».

В этом ряду, возможно, удивляет французская революция, но это дань юности поэта. В зрелом возрасте Гейне осуждал революцию и предупреждал об опасности новых Робеспьеров. Да, Генрих Гейне частенько выступал в роли пламенного публициста, но все же главное в его творческом наследии – поэзия. Самое время рассказать о ней. Но, как справедливо написала Марина Цветаева: «Кто может рассказать о поэтическом пути (беру самых великих и бесспорных лириков) Гейне, Байрона, Шелли, Верлена, Лермонтова? Они заполнили мир своими чувствами, воплями, вздохами и видениями, залили его своими слезами, зажгли со всех четырех сторон своим негодованием...»

Так что никакого литературоведения. Единственно следует отметить, что Гейне обладал поистине неисчерпаемой фантазией, в нем причудливо сочетался сатирик и лирик, он блистательно чередовал, а то и соединял серьезную аналитику с иронией и юмором, всегда был остроумен и любил парадоксы. Был ли он счастлив в жизни? Сопутствовал ли ему успех? На этот счет чисто гейневские строки:

Удача – резвая плутовка:
Нигде подолгу не сидит;
Тебя потреплет по головке
И, быстро чмокнув, прочь спешит.

Несчастье – дама много строже:
Тебя к груди, любя, прижмет,
Усядется к тебе на ложе
И не спеша вязать начнет.

Очень кратко, конспективно о жизни Генриха Гейне. В семье его называли Гарри. Родился он 13 декабря 1797 года в Дюссельдорфе в еврейской семье мелкого торговца мануфактурными товарами. Наибольшее влияние в детстве на него оказали мать, Бетти Гейне, и дядя, Симон Гельдерн. С их подачи он полюбил сказки, легенды и страшные истории с привидениями. Первые книги, которые произвели впечатление на маленького Гарри, – «Дон Кихот» и «Путешествие Гулливера». Мать всячески развивала задатки сына и мечтала о военной карьере с «самыми золотыми погонями». Но золотопогонником Генрих Гейне не стал. Когда ему было 15 лет, отец отвез его во Франкфурт и определил к делу, на бакалейный склад. Однако в силу своего характера и творческой фантазии Гейне никак не мог работать бакалейщиком, он открыто ненавидел торгашество и презирал изворотливых евреев-купцов.

И вот новый поворот в судьбе: Генрих Гейне – студент-юрист. Он слушает лекции Августа Шлегеля, и «священный трепет пробегает в его душе». Гейне учился в Бонне, Гёттингене и Берлине. Как свидетельствуют современники, черты лица у молодого Гейне были тонкие, лицо белое с легким румянцем, маленькие усики и постоянное ироническое выражение на губах. Он всем запомнился дерзким острословом и всегда воспринимал действительность насмешливо и критически. Даже после встречи в Веймаре со своим богом – Гёте – Гейне с улыбкой вспоминал, что ему захотелось говорить с классиком исключительно по-гречески, настолько Гёте парил в облаках своего величия.

Гейне получил диплом доктора права, но адвокатом стать не захотел. Предпочтя вольные литературные хлеба, он существовал на гонорары и подачки богатого дяди, банкира Соломона Гейне. В Германии поэт редактировал газеты, писал стихи, выпускал книги и весь кипел от негодования «вследствие господствующей всюду лжи». Но переселиться он мечтал не в пустынную Аравию, к верблюдам, а в шумный, давно уже притягивающий его к себе Париж, где «по крайней мере, – говорил Гейне, – мне не будут колоть глаза тем, что я еврей».

Париж как мечта жизни. Гейне приехал в столицу Франции в мае 1831 года. Здесь он приобрел новых друзей, здесь выпустил «Современные стихотворения», поэму «Германия. Зимняя сказка» и – когда уже был прикован к кровати – скорбно-ироническую книгу «Романсеро». В Париже Гейне вел весьма противоречивую жизнь, братаясь с плебсом в пивных и трактирах, выступая с революционными подстрекательскими речами и оставаясь при этом эстетом, наделенным аристократической брезгливостью ко всему грубому, плебейскому. Противоречивость Гейне проявилась и в борьбе за наследство дяди, банкира-миллионера: благородный Гейне рьяно бился за свои низменные интересы. Но не будем судить его строго как человека, тем более что на его долю выпала ужасная участь: прогрессирующий паралич, почти 8 лет он пролежал не выходя из дома, в «матрасной могиле» на улице Амстердам. Неизбежно приближаясь к концу, будучи парализованным и почти слепым, Гейне проявлял удивительную силу духа и до последнего дня продолжал писать и участвовать в беседах с приходящими к нему друзьями.

За несколько часов до его смерти в комнату к нему проник австрийский поэт Мейснер. Он осведомился, каковы его отношения с Богом. Гейне, улыбаясь, ответил: «Будьте спокойны. Бог простит меня. Это его профессия».

Генрих Гейне умер 17 февраля 1856 года, в возрасте 58 лет. Хоронили его на кладбище Монмартра 20 февраля. За гробом шла горстка людей, но среди них Теофиль Готье и Александр Дюма. Хоронили, согласно его воле, без религиозных обрядов, и на могиле не произносили речей.

«Вместо креста возложите на мою могилу лук и стрелы», – говорил Гейне. Он действительно был бойцом и сам называл себя «храбрым солдатом в войне за освобождение человечества». В стихотворении «Доктрина» Гейне писал:

Стучи в барабан и не бойся,

Целуй маркитантку под стук;
Вся мудрость житейская в этом,
Весь смысл глубочайших наук...

А теперь просто необходимо коснуться темы «маркитанток». С ранних лет Генрих Гейне проявил себя очень влюбчивым. Маленькая Вероника, дочь палача Йозефа, или «красная Зефхен», как звали ее... Большая и безответная любовь к кузине Амалии... Амалия предпочла выйти замуж за другого и превратиться в почтенную мадам Фридендер. А Генриху Гейне оставалось изливать свою сердечную боль в стихах.

Юноша девушку любит,
А ей приглянулся другой;
А этот любит другую,
Назвал своею женой.

За первого встречного замуж
Выходит с досады она;
Юноша бледный тоскует,
Лишился покоя и сна.

Вот старая сказка, что новой
Останется навек;
А с кем она случится,
Тот – конченный человек.

«Конченный человек» все же нашел в Париже (и где? в обувной лавке) свою женщину, 18-летнюю Эжени Миро, которую он назвал Матильдой. Девушку весьма простую и по умственному развитию явно не тянувшую на статус музы поэта. Гейне пытался дать ей образование, но она не смогла учиться. «У нее чудесное сердце, но слабая голова», – говорил Гейне своим друзьям. Она безрассудно тратила деньги и часто взрывалась не по делу, отчего Гейне прозвал ее «домашним Везувием». Почему он выбрал именно ее, остается загадкой. Может быть, потому, что она была веселого нрава, искусной любовницей и преданным другом? Весьма возможно. Когда Гейне окончательно слег и почти не вставал с постели, Матильда превратилась в заботливую и нежную сиделку, самоотверженно ухаживала за больным и как могла утешала его. К тому же она совершенно не ревновала Гейне к его поклонницам, среди которых была и последняя возлюбленная поэта, Камилла Сельдей, маленькая брюнетка с плутовскими глазами по прозвищу «Муха».

Сохранились письма Гейне к «милой, дорогой Mouchette». Вот некоторые отрывки из них:

«...Радуюсь тому, что вскоре увижу тебя и запечатлею поцелуй на твоём милом личике. Ах, эти слова получили бы менее платонический смысл, если бы я еще был человеком. Но, к сожалению, я уже лишь дух; тебе, может быть, это приятно, меня же отнюдь не устраивает... Чувствую себя по-прежнему плохо: ничего, кроме неприятностей, припадков бешеной боли и ярости, вызванных моим безнадежным состоянием. Мертвец, жаждущий самых пылких наслаждений жизнью! Это ужасно! Прости!..»

«...Я был бы так рад видеть тебя, последний цветок моей печальной осени! Безмерно любимое существо!

Остаюсь вечно преданный тебе с глупою нежностью, Г. Г.»

«Дорогая Mousse! Я простонал всю очень дурную ночь и почти теряю мужество. Надеюсь, что завтра услышу над собой твое жужжанье. При этом я сентиментален, как влюбленный мопс...»

Матильда, этот «домашний Везувий» и официальная жена Гейне, любимый ею попугай Кокото и последняя возлюбленная, «Муха» – вот основной круг общения великого поэта. «Не будь у меня жены и попугая, – острит Гейне, – я – Господи, прости мне этот грех! – покончил бы с собою, как римлянин!»

Однажды больного Гейне навестил его старый знакомый Карл Маркс. В этот момент поэта переносили на простыне на кровать, и он заметил слабым голосом: «Видите, дорогой Маркс, дамы все еще носят меня на руках».

Юмор не покидал Гейне даже в тяжелые минуты. Однако паралич производил свое разрушительное дело – рвоты, обмороки, судороги... Последними словами поэта было: «писать... бумагу, карандаш...»

Генрих Гейне испил до дна предназначенную ему судьбой горькую чашу. Остается только утешаться его лирикой, иронией и юмором.

Несколько эпизодов из жизни Гейне.

Однажды у поэта, возвращавшегося из-за границы в Германию, таможенники спросили, не везет ли он запрещенных книг.

– О, очень много! – ответил Гейне.

– Где? – спросили бдительные чиновники.

– Тут, – ответил поэт, указывая на голову.

Гейне был весьма невысокого мнения о всех государственных служащих и говорил: «Существует лишь одна мудрость, и она имеет определенные границы, но глупостей существуют тысячи, и они беспредельны».

И еще одно «однажды». Как-то вечером Гейне и Бальзак прогуливались в Париже по Елисейским Полям. Мимо них прошла очаровательная дама.

– Посмотрите на эту женщину! – воскликнул Бальзак. – Как она держится, какое достоинство во всем теле! Этому нельзя научиться, это врожденное! Держу пари, дорогой друг, что она княгиня!

– Княгиня? – усмеялся Гейне. – Готов поспорить, что это кокотка!

Они поспорили. Навели справки через знакомых, и выяснилось, что оба правы. Дама была действительно княгиня, но и кокотка тоже. Как говорится, едина в двух лицах.

А теперь еще один характерный для Гейне стих:

Как сообщают негры, у льва
Часто от скуки болит голова.
Тогда, чтоб избавиться от припадка,
Мартышку съедает он без остатка.

Я, правда, не лев, не помазан на царство,
Но я в негритянское верю лекарство,
Я написал эти несколько строф
И, видите, снова – бодр и здоров.

Это перевод Вильгельма Левика, а вообще Гейне переводили многие, до советских времен – от Лермонтова до Блока. Ну а после тоже многие.

Из дневника Корнея Чуковского, запись от 21 ноября 1932 года: «...В ГИХЛе выходят мои переводы из Гейне... предисловие написано Шиллером (был такой советский литера-

туровед. – Ю. Б.) – ну топорно, ну тупо, но ничего, а вот примечания Берковского, это черт знает что – наглость и невежество...»

Бывало и так. Но гордились другим: много в СССР издавали и пропагандировали Гейне, в то время как в гитлеровской Германии книги поэта сжигали на кострах. В Советском Союзе даже был свой Генрих Гейне – Михаил Светлов, которого называли «красным», «советским Гейне». Вроде бы похожи лирика, ирония и юмор. Действительно, есть что-то сходное, однако одна существенная разница: степень таланта. Да и масштаб личности не тот. Не случайно известный пародист Александр Архангельский написал довольно-таки язвительную пародию под названием «Лирический сон» с намеком на популярную светловскую «Гренаду»:

Я видел сегодня
Лирический сон
И сном этим странным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопные трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась
И Гейне вошел.
Талантливый малый,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
– Светлову привет!
Я прыгнул с кровати
И шаркнул ногой:
– Садитесь, пожалуйста,
Мой дорогой!
Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,
Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..
Гляжу я на гостя —
Он бел, как стена,
И с ужасом шепчет:

– Спасибо, не на...
Да, Гейне воскликнул:
– Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

Не надо ангажированных стихов. А что касается настоящего искусства, то тут... О статуе Венеры Милосской в Лувре Гейне вспоминал: «Я долго лежал у ее ног и плакал».

Таков был Генрих Гейне. Поэт-гладиатор с нежным сердцем. Во всяком случае, таким он мне представляется. Но возможны сотни других вариантов. К примеру, Наум Коржавин изложил всю жизнь поэта по-своему:

Была эпоха денег,
Был девятнадцатый век.
И жил в Германии Гейне,
Невыдержанный человек.
В партиях не состоявший,
Он как обыватель жил.
Служил он и нашим, и вашим —
И никому не служил.
Был острою злостью просоленным
Его романтический стих.
Династии Гогенцоллернов
Он страшен был, как бунтовщик.
А в эмиграции серой
Ругали его не раз
Отпетые революционеры,
Любители догм и фраз.
Со злобой необыкновенной,
Как явственные грехи,
Догматик считал измены
И лирические стихи.
Но Маркс был творец и гений,
И Маркса не мог оттолкнуть
Продельываемый Гейне
Зигзагообразный путь.
Он лишь улыбался на это
И даже любил. Потому,
Что высшая верность поэта —
Верность себе самому.

Так что жизнь Генриха Гейне или любого гения и всеобщего кумира можно изложить в толстенном научном исследовании, можно в коротком эссе, что я и сделал, а можно и в одном стихотворении. Словом, Гейне в разных вариантах. Выбирайте любого!

И, пожалуй, последнее. Пушкин и Гейне. Соприкасались ли два великих поэта или нет? Лично они знакомы не были, но заочно интересовались друг другом. К тому же они были почти ровесники. Пушкин моложе немецкого собрата менее чем на полтора года. В 1835 году Александр Сергеевич в письме шведско-норвежскому посланнику Густаву Нордингу благодарит его за «любезную контрабанду» – присылку четырех томов собрания сочинений Генриха Гейне, изданных по-французски в Париже в 1834–1835 годах. Эти книги, запрещенные в России, передал Пушкину граф Фикельмон.

Совсем недавно в Институте Генриха Гейне в Дюссельдорфе в его архиве нашли листок с заказом Гейне, который просил прислать ему в Париж из Гамбурга по каталогу Вильгельма Жовьена повести Пушкина во французском переводе. Стало быть, Гейне читал Пушкина, Пушкин – Гейне. Вот вам и пример часто встречающегося «странного сближения».

И легко предположить, что двух великих поэтов одолевали одни и те же «Ночные мысли» (так называется одно из стихотворений Генриха Гейне):

Как вспомню к ночи край родной,
Покоя нет в душе больной...

Свет и тень лорда Байрона

– Я всем сердцем присоединяюсь к тому, что ваше превосходительство говорили о Байроне, – заметил я, – но, как ни велик, как ни замечателен этот поэт, мне все же думается, что развитию человечества он будет способствовать лишь в малой мере.

– Тут я с вами не согласен, – отвечал Гёте. – Байронова отвага, дерзость и грандиозность – разве это не толчок к развитию? Не следует думать, что развитию и совершенствованию способствует только безупречно-чистое и высоконравственное. Все великое формирует человека.

И. П. Эккерман. «Разговоры с Гёте»

С каждым поэтом или писателем мы знакомимся – а затем возвращаемся к ним – в определенном возрасте: с одним в юные годы, с другим – в зрелые или даже поздние. Отсюда и разное восприятие одних и тех же текстов. В молодости мы выискиваем рассуждения о любви, в старости нас привлекают совсем иные мысли – о страдании, о смерти, о вечности.

К Байрону меня приобщила Марина Георгиевна Маркарьянц, учительница английского языка, которая, будучи любительницей литературы, приносила в школу своим люби-

мым ученикам редкие или запретные тогда книги, например Анну Ахматову. Марина Георгиевна устраивала литературные семинары. На одном из них по ее совету я выступил с докладом о творчестве Байрона. Шел 1949 год, и надо было иметь определенную смелость говорить не о Фадееве или Шолохове, а именно о лорде Байроне. Это был мой первый литературоведческий опыт, о качестве которого уже ничего не скажешь: не сохранился. Но, готовясь к выступлению, я начитался Байроном всласть. Он мне нравился. Нравится и теперь.

И как справедливо писал М. Дубинский в книге «Женщины в жизни великих и замечательных людей» (она вышла в 1900 году в Санкт-Петербурге и переиздана уже в наши дни):

«Нет, пожалуй, ни одного великого поэта, который был бы так родственен русскому духу, как Байрон. Это почти русский поэт. Он писал пером Пушкина, водил рукой Лермонтова. Он царил в наших гостиных двадцатых и тридцатых годов, разочарованно зевал под маской Онегина, беспокойно блуждал по Руси под плащом Печорина и с негодованием метал громы устами Чацкого на балу у Фамусова. Он и теперь еще продолжает носиться со своей вечной тоскою по захолустным уголкам нашего обширного отечества, ничего не забыв и ничему не научившись. Даже его отрицательное отношение к своей родине – в какой-то степени наше отношение, потому что мы, как и он, не любим своекорыстной Англии, потому что, прикрывая громкими словами свою ненасытную алчность, она и в нас, как в великом творце Чайльд Гарольда, всегда будила чувство стыда и негодования, которых не заглушить никакими фразами о свободе, труде и цивилизации...»

Ах, этот байронизм! Вечно изводящая тоска. Разъедающая хандра. Гнетущее разочарование. И полнейший дискомфорт в душе. Откуда он? Сам Байрон пытался разобраться в своих эмоциях и записывал в дневнике 5 января 1821 года:

«В чем причина того, что всю мою жизнь я был более или менее ennuye (скучающий – франц. – Ю. Б.)? И что сейчас, пожалуй, даже меньше, чем в двадцать лет, насколько я помню? Не знаю, как ответить на это, но полагаю, что дело в каких-то врожденных свойствах; по этой же причине я просыпаюсь в дурном расположении духа – и так уже много лет. Умеренность в еде и усиленные физические упражнения, к которым я по временам прибегал, почти ничего не изменили. Больше помогала сильная страсть – под ее прямым воздействием я бывал странно возбужден, но не подавлен.

Доза солей вызывает у меня кратковременное опьянение, подобно легкому шампанскому. А вино и другие крепкие напитки делают угрюмым, даже свирепым – но молчаливым, замкнутым и не склонным к ссоре, если со мной не заговаривать. Плавание также вызывает у меня подъем духа, но обычное мое состояние – подавленность, которая усиливается с каждым днем. Это безнадежно; ведь я теперь даже менее ennuye, чем в девятнадцать лет. Закрываю так из того, что мне тогда не нужны были азартная игра, вино или какое-нибудь движение, иначе я чувствовал себя несчастным. Сейчас я научился хандрить спокойно и предпочитаю одиночество любому обществу – кроме общества дамы, которой я служу. Но что-то заставляет меня думать, что я – если доживу до старости – «начну умирать с головы», подобно Свифту. Однако я не так страшусь идиотизма или безумия, как он. Напротив, я считаю, что некоторые спокойные формы их предпочтительнее того, что считается у людей здравым рассудком».

Однако хандра не помешала (а может быть, наоборот, способствовала) Байрону стать титаном периода романтизма в литературе и искусстве. Он был кумиром эпохи, как Наполеон. Наполеон – символ победных войн и умелой организации государства, Байрон – символ литературной и частной жизни. Наполеон навел порядок в Европе, а герои байроновских поэм «Гяур», «Корсар», «Манфред» и «Каин» выступали в роли мятежников, не принимающих этот порядок. Они отвергали любые его утешительные иллюзии и прямо смотрели в «ночной, беззвездный» мрак «железного века».

Нужно мне
Напомнить о тебе, цивилизация!
О битвах, о чуме, о злодеянии
Тиранов, утверждавших славу нации
Мильонами убитых на войне...

Нет, Байрон не принимал мировой порядок тиранов (хотя и преклонялся перед Наполеоном как сильной личностью). Сердце поэта переполнялось страданием, когда он видел, что происходит вокруг, и прежде всего в его любимой Англии. С язвительной иронией изъясняется он в своей любви к родине, перечисляя все ее «блага»:

Налог на нищих, долг национальный,
Свой долг, реформу, оскудевший флот,
Банкротов списки, вой и свист журнальный,
И без свободы множество свобод...

А далее саркастически добавляет:

Клянусь регенту, церкви, королю,
Что даже их, как все и вся, люблю.

Как тут не вспомнить строки Лермонтова «Люблю отчизну я, но странною любовью!..» Параллели слишком явные, хотя Михаил Юрьевич и утверждал: «Нет, я не Байрон, я другой...»

Но вернемся к первоисточнику, то бишь к Байрону, чтобы взглянуть на него с другой стороны. Мы уже сказали вкратце о политических взглядах поэта (вся его жизнь была вызовом обществу), о его вкладе в мировую литературу. Вскользь добавим, что Байрон еще и богоборец, гордец, бунтарь, скептик, храбрец, отличный спортсмен и стрелок, человек щедрый и одновременно скарредный... Но речь поведем не об этом, а исключительно о Байроне как покорителе женских сердец, для которого чувство греха было неведомо.

Наш соотечественник поэт Павел Антокольский записывал о Байроне в дневнике как о благожелательном, добром, спокойном человеке: «Но совсем иное – Байрон и женщины. Это, конечно, обыкновенный Казанова, но с рефлексией...» (28 мая 1964).

Чтобы избежать тоски, сплина, хандры, лорд Байрон прибегал к женщинам как к своеобразному лекарству. Женщины врачевали его скорбный и печальный дух. Сколько их было? «200, хотя эта цифра, возможно, неточна. Я их последнее время перестал считать», – записывал Байрон в своем дневнике в Италии. Многих он не помнил совсем, многим даже посвящал стихи. Эти музы составляли, кстати, целую коллекцию: Лесбия и Каролина, Элиза и Анна, Марион и Мэри, Гарриет и Джесси... Во всех стихотворениях, посвященных своим любовницам-врачевательницам, чародейкам-искусительницам, Байрон романтически страстен.

О, только б огонь этих глаз целовать, —
Я тысячи раз не устал бы желать!
Всегда погружать мои губы в их свет,
В одном поцелуе прошло бы сто лет!
Но разве душа утомится, любя?
Все льнул бы к тебе, целовал бы тебя.
Ничто не могло б губ от губ оторвать:

Мы все б целовались опять и опять.
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке – не стоит труда;
Могу ль изменить? – Никогда, никогда!

Стихотворение называется «Подражание Катулле», написано оно в 1804 году, перевел его на русский Александр Блок. Стихотворение лирическое, отнюдь не эротичное, никаких «Джорджиад» – аналогов пушкинской «Гавриилиады» – Байрон не писал. Но если в поэзии он предпочитал аристократическую сдержанность, то в реальной жизни полигамия была стихией английского гения.

Повышенная сексуальность лорду Байрону, очевидно, передалась с генами, и прежде всего повинен в этом его отец, капитан Джон Байрон. Отчаянный авантюрист и ненасытный гуляка, за что получил прозвище «Бешеный Джон», он даже имел кровосмесительную связь с родной сестрой, но этого уже не выдержал дед поэта, тоже носивший характерное прозвище «Джек Ненастье». Он выгнал сына из дома и лишил его наследства. Отец Байрона отправился во Францию и там нашел богатую любовницу. Из троих детей, родившихся на чужбине, выжила только Аугуста, к этой сводной сестре позднее и вспылал любовью Джордж Байрон. Гены отца?..

Джордж Гордон Байрон появился на свет 22 января 1788 года с искривленной ногой – в результате родовой травмы. Знаменитая хромота Байрона! Ему удалось свести свой изъян почти на нет плаванием и верховой ездой. Но сексуальность!.. К его эротическому воспитанию приложила руку (и не только руку) некая Мей Грей, служившая нянькой в семье поэта. Три года подряд эта юная шотландка залезала в постель к мальчику, чтобы «поиграться его телом». Более того, приглашала его посмотреть, как она занимается сексом со своим очередным любовником. Неудивительно, что, став взрослым, лорд Байрон смело ринулся в пучину любовных страстей.

Когда умер отец, Джордж Гордон оказался единственным наследником: так, в десятилетнем возрасте, он стал лордом и шестым пэром Байроном.

Учился он в привилегированной школе Харроу и Кембриджском университете, науки давались ему легко. Но не занятия заботили юного лорда, а чувственные удовольствия. Через его жилище в Лондоне прошло множество проституток. Буйная плоть требовала буйных любовных игр. Чтобы поддержать свои физические силы, Байрону приходилось прибегать к настойке опия.

А еще попойки с друзьями, оргии на лоне природы... Прямо падший ангел. Но все эти оргиастические увлечения Байрона можно объяснить и еще одной причиной: несчастливой любовью. В юности он был без ума от Мэри Хэворт, но она его отвергла, бросив своей воспитательнице роковую фразу, которую он случайно услышал: «Ты думаешь, мне очень нужен этот хромой мальчик?!» О, если бы она тогда ответила взаимностью на чувства юного лорда, вполне возможно, он удержался бы от распушенности, но этого не произошло. Отказ – и на сердце Байрона осталась незаживающая рана.

Катастрофа, которой закончилась первая любовь, родила, как утверждает Андре Моруа, потребность сентиментальных переживаний, ставших для Байрона необходимостью. «В покое он не мог найти вкуса к жизни. Настроен был услышать голос каждой страсти, если бы только могла она вернуть ему неуловимое чувство собственного существования».

Молодой лорд отправляется в путешествие – подчиняясь зову и романтически мятежных, бунтарских, и чувственных страстей. Португалия, Испания, Греция, Албания... Новые страны – новые женщины. Но не только. В порыве вдохновения он создает свое «Паломни-

чество Чайльд Гарольда», которое приносит ему мировую славу. Первый тираж книги разошелся мгновенно. В Англию Байрон вернулся триумфатором. Хозяйки салонов наперебой стремились заполучить модного автора. Замужние дамы и невесты на выданье млели при одном лишь упоминании его имени.

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным,
В безумной жажде радостей и нег
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан изменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду...

Прочитав «Гарольда», одна из хозяек модного салона леди Каролина Лэмб пожелала увидеть автора. Он был ей представлен. «Это прекрасное бледное лицо – моя судьба», – записала она в дневнике.

Каролина стала любовницей Байрона, причем весьма настырной и ревливой. Она устраивала для него приемы, писала ему письма и сама доставляла их на дом, переодетая пажом или кучером. Вскоре «леди Каро» наскучила поэту, он хотел ее бросить, но это оказалось делом трудным. Потеряв самообладание, она учинила громкий скандал своему возлюбленному, разбила окно и осколками стекла порезала себе руки, заявив присутствующим (а все это происходило на балу), что ее покалечил Байрон. Кстати, об их шумном романе был снят в конце XX века в Великобритании фильм под названием «Леди Каролина Лэмб». Заглавную героиню сыграла Сара Майлз.

Роман леди Каро с Байроном длился семь с половиной месяцев: с 25 марта по 9 ноября 1812 года. Рассказывают, что они встретились много лет спустя. Каролина Лэмб была уже старой и ехала с мужем в экипаже, навстречу им повстречалась траурная процессия. На вопрос мужа Каролины: «Чьи это похороны?» – ему ответили: «Лорда Байрона». Леди Каро не расслышала этих слов, а муж не рискнул их повторить.

Но это произошло много лет спустя. А тогда, после кровавой сцены, имевшей шумный общественный резонанс, Байрону пришлось спешно уехать в Оксфорд, где его утешительницей стала Джейн Элизабет Скотт, 40-летняя жена графа Харли.

В июле 1813 года произошло то, что назревало давно: 25-летний Байрон и 21-летняя Аугуста вступили в кровосмесительную связь. Джордж с детства старался опекать Аугустину и всегда нежно к ней относился. «Помни о том, дорогая сестра, что ты самый близкий мне человек... на свете, не только благодаря узам крови, но и узам чувства».

Платоническая любовь перешла в сексуальные отношения. Позднее Байрон утверждал, что Аугуста отдалась ему скорее из сочувствия, чем из страсти. Для него сестра являлась страшным соблазном, который долго его искушал. Знаток человеческих душ Андре Моруа считает, что Байрону всегда достаточно было только подумать об опасной страсти, чтобы она начала его преследовать. А как заметил кто-то из великих, чтобы избавиться от искушения, надо ему поддаться. И поэт поддался.

Положение сложилось крайне двусмысленное и запутанное. Аугуста была замужем и имела троих детей, а тут еще и «дитя греха»: она родила от Байрона дочь Медору. Продолжать отношения было чрезвычайно опасно, и они в конечном счете расстались. Байрон дарит Аугусте свой портрет, а она в ответ прядь своих волос и письменное признание на французском:

Делить все твои чувства,
Смотреть только твоими глазами,
Слышать только твои советы, жить
Только для тебя – вот мои желания,
Мои намерения, единственная судьба,
Которая может дать мне счастье.

Само собой разумеется, тайну их отношений скрыть не удалось. Как отмечает один из биографов поэта, Байрон никогда не хотел и не умел скрывать свои дела, считая справедливым их судьей только себя. Атмосфера вокруг светского нарушителя морали сгущалась, и тот наконец понял, что стоит перед выбором – либо уехать из Англии, либо жениться и коренным образом изменить жизнь. Женитьба была бы для него сумасшествием, но именно поэтому ему подходила... Его избранницей стала Анабелла Мильбанк. Казалось бы, все прекрасно: молода, хороша собой и богата. К тому же наивна. Анабеллу увлекали больше математика и метафизика, чем сплетни и пересуды вокруг мужа.

Но... ничего хорошего из этого брака не вышло. Байрон не только не любил свою супругу, но и дурно с ней обращался. Жизнь превратилась в кошмар для обоих. Не исправило положения и рождение дочери Ады. Все это происходило еще до разрыва с Аугустой. Отношения брата с сестрой вскоре стали известны Анабелле. Будучи созданием весьма кротким, она была готова примириться с жизнью втроем, но и это не сохранило мира в их семье. «Я была близка к сумасшествию, – писала Анабелла, – но, чтобы не допустить чувства мести, вычеканила в себе другое чувство – романтического прощения».

Все кончилось разводом и разделом имущества. Леди Байрон покинула лондонское жилище на Пикадилли, 13, и с маленькой дочкой отправилась в Кирби. Байрон никогда больше их не видел. Но, покидая Англию, он написал письмо Анабелле: «Я уезжаю, уезжаю далеко, и мы с тобой уже не встретимся ни на этом, ни на том свете... Если со мной что-то случится, будь добра к Аугусте, а если и она к тому времени станет прахом, то к ее детям».

25 апреля 1816 года Джордж Гордон Байрон покидает берега Альбиона.

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило...

Так описывает свое отплытие Байрон в поэме о Чайльд Гарольде.

Вначале он жил в Женеве вместе со своим другом – поэтом Перси Биши Шелли и его молодой женой Мэри. Здесь, оставаясь верным себе, он соблазнил сестру Мэри – Клэр Клэрмонт, которая забеременела от него. И, бросив ее, отправился в Венецию. Нет, положительно Байрон не приносил женщинам счастья. О своих «подвигах» он неизменно писал Аугусте в Англию: «Я испытал столько ненависти, что не худо бы для разнообразия посмотреть, что такое любовь».

В Венеции Байрон прожил с перерывами два года, написав третий акт «Манфреда» и сатирическое произведение «Беппо», которое можно считать предшественником такого шедевра, как «Дон Жуан». Творческие порывы перемежаются у поэта, как обычно, с любовными порывами. Он завел сразу несколько романов с прекрасными итальянками, которые отнюдь не принадлежали к высшему обществу. Байрон не скрывает своих многочисленных связей, ему даже доставляет удовольствие слышать ропот своего сословия. Вызов обществу – это привычное его состояние.

На одном из светских приемов Байрон знакомится с молодой и красивой Терезой Гвиччиоли, дочерью и сестрой известных заговорщиков графов Гамба. «Тициановская блондинка с прекрасными зубами, густыми локонами и чудесной фигурой», Тереза чем-то напоминает ему Аугусту. К тому же она пылкая патриотка, и это импонирует свободолюбивому английскому поэту. Она замужем, но ради Байрона разводится со своим старым мужем. Байрон серьезно подумывает о женитьбе на ней.

«Я люблю тебя, – писал он графине Гвиччиоли 25 августа 1819 года, – и ты любишь меня, по крайней мере так говоришь ты и так действуешь, словно любишь меня, что при всяких обстоятельствах является для меня огромным утешением. Я же не только люблю, я не могу перестать тебя любить...»

Он любит, но не забывает своей Аугусты, которой регулярно сообщает о всех своих сердечных маршрутах и адресатах.

Последнее место действия любовного романа с Терезой – город Пиза, куда ссылают семейство Гамба.

Чем еще занимался в Италии Байрон? Вот одна из записей в дневнике, датированная 17 января 1821 года:

«Ездил по лесу – стрелял – обедал. Получил связку книг из Англии и Ломбардии – английских, итальянских, французских и латинских. До восьми читал, пошел в гости.

Сегодня верхом не ездил, так как почта пришла с опозданием. Читал письма – получил всего две газеты вместо двенадцати, которые ожидал. Поручил Леге написать Галиньяни об этой небрежности и добавил поскрипту. Пообедал.

В восемь собирался выйти из дома. Явился Лега с письмом относительно одного неоплаченного счета из Венеции, который я считал давным-давно оплаченным. Я пришел в такое бешенство, что едва не потерял сознания. С тех пор чувствую себя больным. Поделом мне за мою глупость – но как было не рассердиться на этих мошенников? Впрочем, счет всего на двадцать пять фунтов».

Любопытно, правда? Великий поэт и великий любовник в быту.

Новые отношения с графиней Гвиччиоли зашли в тупик. Она стала надоедать Байрону своей ревностью и сентиментальностью. И еще одно обстоятельство: пока она была замужем и приходилось скрывать свою связь, это волновало Байрона, но как только Тереза оказалась свободной и беспрепятственно доступной, страсть быстро увяла в атмосфере покоя и повседневности. К тому же Байрона увлекла новая идея: свобода Греции.

3 августа 1823 года после долгого и опасного плавания он прибывает в Кефалонию. Здесь разворачивает активную деятельность: набирает добровольческие отряды, лично участвует в строевой подготовке солдат, разрабатывает планы военных действий. Затем переезжает в Миссолонги, поближе к боевым действиям. Вдохновляет. Организует. Участвует.

В день своего 36-летия, 22 января 1824 года, в Миссолонгах, он пишет стихи:

Пора мне стать невозмутимым:
Чужой души уж не смутить;
Но пусть не буду я любимым,
Лишь бы любить!
Мой сад – в желтеющем уборе,
Цветы осыпались давно:
Червь точит грудь, и только горе
Мне суждено...

Байрон чувствует, что конец его близок. «Я должен довести дело греков до конца – или оно меня», – шутит он. Но на самом деле ему не до шуток. Победа, за которую он борется, на самом деле кажется ему призрачной. Психика его расшатана. Здоровье доставляет массу неприятностей. Как следствие неразборчивых связей – гонорей, «проклятие Венеры», как он ее называл.

Короче говоря, Байрон, как и чуть позднее Пушкин, его российский собрат, сам жаждал гибели. Александр Сергеевич нашел ее в дуэли, а Джорджа Гордона Байрона подстерегла злокачественная лихорадка на болотах Миссолонги.

19 апреля 1824 года в возрасте 36 лет и 3 месяцев лорд Байрон скончался. Агония его была мучительной. Умирая, он якобы сказал:

– Думаете, я дорожу жизнью? Вздор! Разве я не взял от нее все возможное и невозможное?

Игорь Северянин поместил Байрона в свой цикл «Медальоны»:

Не только тех он понял сущность стран,
Где он искал – вселенец – Человека,
Не только своего не принял века —
Всех, – требовательный, как Дон Жуан.

Британец, сам клеймящий англичан,
За грека биться, презирая грека,
Решил, поняв, что наилучший лекарь
От жизни – смерть, и стал на грани ран.
Среди аристократок и торговок
Искал внутри хорошеньких головок
Того, что делает людей людьми.

Но женщины для песнопевца воли
Объединились в плоть до Гвиччиоли
В угрозу леди Лэмб: «Remember me».

(1927)

Лорда Байрона хоронили как воина. Гроб был покрыт черным плащом, на крышке лежали шлем, меч и лавровый венок.

Вот и все, пожалуй, о Байроне – поэте-воине, если, конечно, рассказывать коротко. Но он обладал еще и способностью аналитически мыслить, а этой чертой обладают далеко не все поэты и практически никто из воинов.

В дневнике Байрона от 28 января 1821 года есть приписка, имеющая подзаголовок «Еще одна мысль». Интересно с ней познакомиться. Вот она:

«Отчего на вершине всех человеческих стремлений и успехов светских, общественных, любовных, честолюбивых и даже стяжательских – примешиваются некоторое сомнение и печаль – страх перед грядущим – сомнение в настоящем – воспоминания о прошлом, заставляющие предугадывать будущее? (Лучший из предсказателей Будущего – это Прошедшее.) Отчего все это? Не ведаю. Быть может, потому, что на вершине мы более всего подвержены головокружению и что с большой высоты падать страшнее – чем выше, тем ужаснее и величественнее. Мне кажется поэтому, что страх отчасти относится к ощущениям приятным; Надежда, во всяком случае, к ним относится; а разве бывает Надежда без примеси страха где-то в глубине? А что может быть сладостнее Надежды? И если бы не Надежда, где было бы будущее? – в аду. Где находится настоящее, говорить бесполезно, большинство из

нас и без того это знает. Что касается прошедшего – что остается от него в памяти? Обманутые надежды; во всех делах людских мы видим Надежду – Надежду – Надежду. Любого обладания нам хватает на шестнадцать минут, хоть я их и не считал. Откуда бы мы ни начинали, мы знаем, где все должно окончиться. Но что из того, что мы знаем? Люди не становятся от этого ни лучше, ни мудрее. Во время ужасов чумы люди были еще более жестоки и развратны, чем всегда. Тайна сия велика. Я чувствую почти все, но ничего не знаю...»

И еще одна запись из января 1821 года, с изрядной долей печали:

«Течение веков меняет все в мире... За исключением самого человека, который всегда был и будет жалкой тварью. Бесконечное многообразие жизней не ведет ни к чему иному, кроме как к смерти, а бесконечность желаний приводит всего-навсего к разочарованию...»

То есть к байронизму. Ну, что ж, Байрон есть Байрон.

Пусть будет песнь твоя дика. – Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки...

Это «Еврейская мелодия» Байрона в классическом переводе Лермонтова. Словом, «душа моя мрачна». Вам хочется света? Тогда перевернем страницу.

«Цветы зла» вчера и сегодня

Безумье, скарденность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, услаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье – притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.

...Сам Дьявол нас влечет сетями преступленья,
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья...

Шарль Бодлер. Вступление к книге «Цветы зла». Перевод Эллиса

I

Впервые с творчеством Бодлера я познакомился в молодости, в январе 1953 года. То была волнующая пора исканий, метаний и неуверенности в себе. Призыв Бодлера из стихотворения в прозе «Опьянитесь» пришелся весьма кстати:

«Нужно быть всегда в опьянении. В этом все, в этом единственная задача. Чтобы не чувствовать ужасной тяжести Времени, которое ломит ваши плечи и пригибает вас к земле, нужно опьяняться непрерывно. Но чем? Вином, поэзией, добродетелью, – чем хотите, но опьянитесь... Чтобы не быть рабами и мучениками Времени, опьянитесь, опьянитесь без конца! Вином, поэзией или добродетелью, – чем хотите».

Лично Бодлер опьянялся поэзией, наркотиками и любовью. Но так и не смог победить Время. Он, правда, не использовал еще одну возможность – добродетель, но этот искус ему оказался не по плечу. «Он был несчастен, несчастен глубоко – отнюдь не только внешней

судьбой, но и внутренне» (Н. Конрад). «Жил во зле, добро любя» – сказал о нем Горький. Если использовать выражение Гегеля, то Бодлер – классический пример «несчастливого сознания».

Можно сказать иначе: каждый из нас полководец своих сил и возможностей и ведет битву – кто просто, чтобы выжить, кто за достойную жизнь, а кто за славу и деньги. Бодлер тоже вел свои «полки», но вел их неумело и потерпел, по выражению Сартра, «жизненное поражение». В жизни он ничего не добился и ни в чем не преуспел. А в поэзии? Да. Но опять лишь посмертно.

II

Однако отложим оценки и обратимся к краткой канве жизни. Сохранилась любопытная биографическая заметка самого Бодлера. Воспроизведем ее:

«ДЕТСТВО: старая мебель в стиле Людовика XVI, античности. Консульства; постели, общество из восемнадцатого века.

После 1830 года – коллеж в Лионе, тумачи, битвы с учителями и товарищами, тяжкое уныние.

Возвращение в Париж, коллеж; воспитание под руководством отчима (генерала Опики. – Ю. Б.).

ЮНОСТЬ: исключение из коллежа Людовика Великого, история с экзаменом на степень бакалавра.

Путешествие в Пиренеи с отчимом.

Привольная жизнь в Париже, первые литературные связи: Урлиак, Жерар, Бальзак, Ле Вавассер, Делатуш.

Путешествия в Индию: первое приключение, корабль лишается мачт; Маврикий, остров Бурбон, Малабар, Цейлон, Индустан, Капская колония (Кейптаун); блаженные прогулки.

Второе приключение: возвращение на судне без провианта и кораблекрушение.

Возвращение в Париж; новые литературные связи: Сент-Бёв, Гюго, Готье.

Очень долгие и тяжкие усилия заставить какого-нибудь издателя газеты меня понять.

Постоянная тяга с детства ко всем произведениям изобразительного искусства.

Одновременное углубление в философию и в прекрасное в прозе и поэзии; вечная, ежесекундная связь идеала с жизнью».

А теперь раздвинем рамки автобиографической заметки и кое-что расшифруем.

Автор предисловия к изданию книги Бодлера (1993) Георгий Косиков пишет:

«Он родился от «неравного брака», когда 9 апреля 1821 г. (литературная энциклопедия дает иную дату: 17 апреля. – Ю. Б.) Шарль Пьер появился на свет, его отцу, Жозефу Франсуа Бодлеру, было уже 62 года, а матери, Каролине, – 28 лет. Хотя Франсуа Бодлер умер, когда ребенку не исполнилось и 6 лет, тот на всю жизнь сохранил к отцу теплое детское чувство, граничащее с преклонением, и любил вспоминать благородного седовласого старца с красивой тростью в руке, гулявшего с ним по Люксембургскому саду и объяснявшего смысл многочисленных статуй.

Впрочем, психическая травма, полученная Бодлером в детстве, заключалась для него не в раннем сиротстве, а в «предательстве» матери, которая уже на следующий год после смерти мужа решила вступить в новый брак – на этот раз с 39-летним майором Жаком Опиком. Прямой, честный и дисциплинированный, Опик, хотя и не смыслил ничего в изящных искусствах и литературе, все же не был ни грубым солдафоном, ни жестоким человеком, способным притеснять пасынка. И однако Бодлер до самой смерти отчима так и не простил ему того, что он «отнял» у него мать, которая, со своей стороны, совершила повторную «измену»: в 1832 году, когда семье по служебным делам майора пришлось перебраться в

Лион, 11-летнего Шарля и вовсе удалили из дома, отдав в интернат при лионском Королевском коллеже. Обида, ревность и ненависть беспомощного существа, брошенного на произвол судьбы, – вот что привело к возникновению знаменитой «трещины» в душе Шарля Бодлера, чувства оставленности, изводившего его всю жизнь».

Кстати, фамилия «Бодлер» переводится как обоюдоострый нож. И в этом есть некий символ: судьба кромсала сердце Бодлера, а в ответ он кромсал сердца близких. «Совсем еще ребенком, – писал Бодлер, – я питал в своем сердце два противоречивых чувства: ужас жизни и восторг жизни».

«Восторг жизни» – это близость и тепло матери, но она его предала, как считал Бодлер. Приведем выдержку из очерка Сартра о Бодлере:

«Еще вчера он был целиком погружен в исполненную согласия и единодушия жизнь четы, состоявшей из него самого и его матери. И вот эта жизнь отхлынула, словно отлив, оставив его на берегу, как одинокий сухой камень; лишившись всякого оправдания, он со стыдом обнаружил свою сирость, обнаружил, что его существование дано ему «просто так». К чувству бешенства, испытываемому изгнанником, примешивается чувство отлученности. Вспоминая это время, Бодлер писал в «Моем обнаженном сердце»: «С детства – чувство одиночества. Несмотря на родных – и особенно в среде товарищей, – чувство вечной обреченности на одинокую судьбу». Уже тогда он воспринимал свою отторженность как судьбу...»

Сартр приводит свидетельство Жюль Бюиссона, дружившего с поэтом в юности: «Бодлер обладал весьма чувствительной, тонкой, своеобразной и нежной душой, давшей трещину при первом же столкновении с жизнью».

Словом, Бодлер не был бойцом и не хотел им быть. Он жил на содержании семьи. Не удосужился научиться какому-нибудь профессиональному мастерству, ибо считал любое дело, кроме литературы, совершенно ненужным. Уже в зрелые годы он говорил: «Быть полезным человеком всегда казалось мне ужасной гадостью». Особенно возмущали его коммерсанты и коммерция: «Коммерция по сути своей дело сатанинское».

Итак, Бодлер – исключительно поэт. Вольная пташка. Впрочем, еще денди. Он всегда стремился быть денди, безупречно выглядеть «в любое время дня и ночи». Красил волосы. Они у него были длинные, как у женщины. Красил ногти. Любил носить розовые перчатки. Придавал большое значение своей обуви. Здесь следует вспомнить основателя дендизма Джорджа Брэммеля, который, как гласит предание, чистил свои ботинки шампанским. Нет, Бодлер не употреблял шампанское в качестве моющего средства. Но он был истинным денди-фланером, любящим гулять, фланировать по улицам Парижа, превращая свои прогулки в некий перфоманс. Он любил не только наблюдать и подглядывать (а это уже вуайеризм), но и выглядеть яркой фигурой, привлекающей внимание толпы.

Современник рисует такой портрет Бодлера: «Медленными шагами, несколько развинченной, слегка женской походкой Бодлер шел по земляной насыпи Намюрских ворот, старательно обходя грязные места и, если шел дождь, припрыгивая в своих лакированных штиблетах, в которых с удовольствием наблюдал свое отражение. Свежевыбритый, с волнистыми волосами, откинутыми за уши, в безупречно белой рубашке с мягким воротом, видневшимся из-под воротника его длинного плаща, он походил и на священника, и на актера».

Кто-то может усмотреть в этом портрете признаки «голубизны». Странно, что сам Бодлер часто распускал о себе слухи как о гомосексуалисте, хотя, возможно, им совсем и не был. Еще ему нравилось представлять себя тайным агентом полиции, а когда этому верили, он от души веселился.

Очень странным человеком был этот Бодлер. Не любил природу за ее пышность и плодородие. Тяготился солнцем. Больше всего любил сумеречное время дня, подернутое дымкой небо, «белесые дни, теплые и туманные», «юные болезненные тела». Ему нравились все создания, вещи и люди, которые выглядели ущербными. Он тяготел к распаду.

Бодлер – певец сплина, скуки и зачарованной задумчивости. Одно из своих стихотворений он так и назвал – «Задумчивость»:

Остынь, моя Печаль, сдержи больной порыв.
Ты вечера ждала. Он сходит понемногу
И, тенью тихую столицу осенив,
Одним дарует мир, другим несет тревогу.

В тот миг, когда толпа развратная идет
Вкушать раскаянье под плетью наслажденья,
Пускай, моя Печаль, рука твоя ведет
Меня в задумчивый приют уединенья.

Подальше от людей. С померкших облаков
Я вижу образы утраченных годов,
Всплывает над рекой богиня Сожаленья,
Отравленный закат над аркою горит,
И темным саваном с Востока уж летит
Безгорестная Ночь, предвестница Забвенья.

(Пер. С. Андреевского)

Однако вернемся к биографии поэта. После получения степени бакалавра он не стал продолжать образование, предпочтя рассеянный образ жизни: встречи с друзьями, литературные знакомства, ленивое ничегонеделанье, интерес к злачным местам («Ранняя тяга к женщинам, mundi muliebrus, ко всем этим струящимся, мерцающим, благоухающим одежаниям, порождает высшую гениальность», – утверждал Бодлер). Общение с проститутками не прошло даром: осенью 1836 года Бодлер заразился сифилисом, но это обстоятельство ничего не изменило в его жизни.

В 1843 году Бодлеру привалило отцовское наследство (100 тысяч франков), и это дало ему возможность продолжать жизнь скучающего денди, беспечно сорящего деньгами. Обеспокоенные родственники не могли допустить такого мотовства и установили через суд опеку над ним. Все последующие годы после суда Бодлер получал лишь ежемесячное скромное пособие, небольшую ренту, что, естественно, приводило его в бешенство. Во время революции 1848 года он призывал разгневанную толпу «расстрелять генерала Опика!» К тому времени отчим стал генералом.

Кстати, а что делал Бодлер в революционные июньские дни в Париже? Сражался с оружием в руках на баррикадах. Что привело его к бунту? Позднее Бодлер сам попытается дать объяснение своему порыву:

«Мое опьянение в 1848 году. Какой природы было это опьянение? Жажда мести. Природное удовольствие от разрушения. Литературное опьянение; воспоминания о прочитанном».

Это как понимать? Будоражил пример Робеспьера и других бешеных якобинцев? Но так или иначе, никакой подлинной революционности в Бодлере, конечно, не имелось. Было лишь общее неприятие реальности, отвращение к общественным нормам. Невыносимо давила опека. Мучительно не хватало денег. Литература, которой он стал заниматься, не освобождала от внешних и внутренних проблем. В силу всех этих причин Бодлер постоянно находился в тисках тоски, байроновской «мировой скорби».

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?
Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Вы, ангел кротости, знакомы с тайной злостью?
С отравой жгучих слез и яростью без сил?
К вам приводила ночь немая из могил
Мечь, эту черную назойливую гостью?
Вы, ангел кротости, знакомы с тайной злостью?

Вас, ангел свежести, томила лихорадка?
Вам летним вечером, на солнце у больниц,
В глаза бросались ли те пятна желтых лиц,
Где синих губ дрожит мучительная складка?
Вас, ангел свежести, томила лихорадка?

Вы, ангел прелести, теряли счет морщинам?
Угрозы старости уж леденели вас?
Там в нежной глубине влюбленно-синих глаз
Вы не читали снисхождения к сединам?
Вы, ангел прелести, теряли счет морщинам?

О, ангел счастья, и радости, и света!
Бальзама нежных ласк и пламени ланит
Я не прошу у вас, как зябнувший Давид...
Но, если можете, молитесь за поэта
Вы, ангел счастья, и радости, и света!

Это стихотворение Бодлера «Искушение» в переводе Иннокентия Анненского. Замечу попутно, что Бодлера весьма охотно переводили русские поэты. Одним из самых преданных «бодлерианцев» являлся поэт Эллис. Что касается «Искушения», то существует и другой прекрасный перевод – Ревича, последние две строки у него звучат так:

А я прошу у вас лишь благостных молений,
Мой ангел радостный, мой светоносный гений!

III

Каждое время имеет свою литературу. После эпопеи наполеоновских войн и революции 1848 года во Франции установился буржуазный порядок, который принес многим глубокое разочарование. Усиленное развитие капитализма, растущая власть денег... Время накладывало существенный отпечаток на любые человеческие отношения, на мораль и искусство. Все это болезненно переживал Бодлер, «новизна жизни» еще больше усиливала его склонность к ипохондрии. Поэзия для Бодлера стала своеобразным убежищем от суетного потока жизни. «Словесное мастерство, музыкальную и ювелирную точность выражения он возлюбил как средство перечеканить свои печали в произведения искусства и тем самым хоть несколько утолять их» – таково мнение Анатолия Луначарского (бывшего советского нар-

кома можно ругать за что угодно, но он действительно любил искусство – в частности, поэзию – и неплохо разбирался в нем).

Как всякий чувствительный человек, Бодлер тяготел к идеальному. При всем своем внешнем дендизме он мечтал о совершенном устройстве общества, где воплотились бы в жизнь великие принципы свободы и равенства людей, где торжествовала бы гармония труда и искусства. Но, присматриваясь к действительности, изучая историю человеческой цивилизации, Бодлер пришел к выводу, что никакой счастливой Аркадии, страны грез и красоты, быть не может по причине несовершенства самого человека, органических пороков, присущих ему изначально. Не случайно в стихотворении, предваряющем сборник «Цветы зла», Бодлер восклицает:

...Среди чудовищ, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце всех страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,
Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все исступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушение,
Оно поглотит мир одним своим зевком!..

Кто это «оно»? Человеческое «я» и одолевающая его скука.

Как это удивительно переключается с «Записками из подполья» Достоевского: «... Нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен... упрет руки в боки и скажет всем: а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!..»

История общества давала Бодлеру массу печальных примеров, когда кровь человеческая лилась рекою в надуманных войнах, в нелепых конфликтах, из-за непонимания, глупости или личных амбиций сильных мира сего.

Ты, ненависть, живешь по одному закону:
Сколь в глотку ни вливай, а жажды не унять.

(«Бочка ненависти», пер. А. Эфрона)

Иррациональность человеческих поступков, непостижимый размах качелей добра и зла пугали Бодлера.

«Ужас жизни» превалировал над «восторгом». Свои настроения поэт выразил в прекрасном стихотворении «Человек и море»:

Свободный человек! недаром ты влюблен
В могучий океан: души твоей безбрежной
Он – зеркало; как ты, в движеньи вечном он,
Не меньше горечи в твоей груди мятежной.

Как по сердцу тебе в него нырять,
На нем покоить взгляд! В его рыданьях гневных
И диких жалобах так любо узнавать
Родные отзвуки своих невзгод душевных!

Равно загадочны вы оба и темны,
Равно объята вы молчаньем ледовитым.
Кто, море, знает ключ к твоим богатствам скрытым?
Твои, о человек, кто смерит глубины?

И что же? Без конца, не зная утоленья,
Войну вы меж собой ведете искони!
Так любите вы смерть и ужасы резни.
О, братья-близнецы, враги без примиренья!

(Пер. П. Якубовича)

Еще более страшила Бодлера железная поступь прогресса. В черновом отрывке находим такие строки: «Машинное производство так американизирует нас, прогресс в такой степени атрофирует у нас всякую духовность, что никакая кровавая, святотатственная, противоестественная утопия не сможет даже сравниться с результатами этих американизации и прогресса...»

«Прогресс нынешнего времени ведет к тому, – обращался далее Бодлер к современному ему буржуа, – что из всех твоих органов уцелеет лишь пищеварительный тракт! Время это, может быть, совсем близко, кто знает, не наступило ли оно!..»

Американизация, духовность – ну прямо из словаря нынешних российских патриотов, с той лишь разницей, что слово «духовность» понимается по-разному: Бодлером – как достижения мировой культуры, а нашими патриотами-почвенниками – как община и православие, с внутренней изоляцией от всего мира.

Свои опасения по поводу американизации Бодлер высказал в 1855 году, а спустя сто с лишним лет его родина действительно превратилась в вотчину межнациональных корпораций и подверглась интеллектуальному оскотлению. Империализм в области культуры стал интенсивно насаждать в Европе свою розовую мечту о стандартизации и единообразии. «Я не знаю, что такое иностранец», – с гордостью заявил французский политик 1970-годов Жан Жак Серван-Шрейбер. Американская, а точнее, всемирная, культура с ее стандартным набором идей и материальных благ безудержно разливается ныне от берегов Сены до Вислы, и уже докатилась до Волги. Похоже, что «битва против джинсов», по выражению Мишеля Жобера, увы, проиграна.

Бодлер пришел бы в ужас от того, во что вылилось, во что материализовалось его предчувствие: француз и американец в настоящее время читают одни книги, ходят в одинаковых джинсах, слушают одну и ту же музыку, смотрят одни и те же фильмы. Но о кино Бодлер, к счастью для себя, не догадывался, а тем более об Интернете. Его страшила даже такая, казалось бы, безвинная вещь, как фотография.

В статье 1859 года «Современная публика и фотография» Бодлер отмечал, что «неправильно использованное развитие фотографии в значительной мере способствовало, как и вообще всякое материальное развитие, оскудению гения французского народа, уже без того довольно скудного. Поэзия и прогресс – это два честолюбца, ненавидящих друг друга инстинктивной ненавистью... Пусть фотография станет служанкой наук и искусства, но очень покорной служанкой, такой, как печать или стенография, не создающие и не заменяющие литературы. Если же ей позволят... овладеть всем тем, что приобретает ценность потому, что человек вложил в это свою душу, – тогда горе нам...»

С неприязнью относился Бодлер и к газетам.

«Какую газету ни прогляди, за какой угодно день, месяц, год, – непременно наткнешься в каждой строчке на свидетельство самой чудовищной людской испорченности, соседству-

ющее с самым поразительным бахвальством собственной честностью, добротой, милосердием, а также с самыми бесстыдными декларациями касательно прогресса и цивилизации.

Что ни газета, от первой строчки до последней – сплошь нагромождение мерзостей. Войны, кровопролития, кражи, непристойности, истязания, преступления властителей, преступления народов, преступления частных лиц, упоение всеобщей жестокостью.

И вот этим-то омерзительным аперитивом ежеутренне сдабривает свой завтрак цивилизованный человек. В нынешнем мире все сочтется преступлением – газета, стена, лицо человеческое.

Не представляю себе, как можно дотронуться до газеты чистыми руками, не передернувшись от гадливости».

Какое точное современное ощущение! Да, Бодлер – наш современник. Так и хочется обратиться к нему: дай руку, товарищ далекий!.. Но не подал бы. Гордый был человек. Чернь презирал.

Еще одна цитата из книги записок под названием «Мое обнаженное сердце»:

«Вера в прогресс – учение лентяев, учение бельгийцев. Ее можно уподобить расчету человека на то, что порученное ему дело исполнят соседи.

Не может быть прогресса (настоящего, нравственного) нигде, кроме как в человеке и посредством усилий самого человека.

Но мир полон людей, умеющих мыслить только сообща, всем скопом. Отсюда все эти Бельгийские общества.

А еще есть люди, которые умеют веселиться только в стаде. Истинный герой веселится в одиночку.

Вечное превосходство Денди...»

Так что Денди руки не подает. Денди бродит в одиночестве, и все его мысли – об утраченном эдеме:

О, как ты стал далек, утраченный эдем,
Где синий свод небес прозрачен и спокоен,
Где быть счастливыми дано с рожденья всем,
Где каждый, кто любим, любимым быть достоин, —
О, как ты стал далек, утраченный эдем!..

Для чистых радостей открытый детству рай,
Он дальше сказочной Голконды и Китая,
Его не воротить, хоть плачь, хоть заклинай,
На звонкой дудочке серебряной играй, —
Для чистых радостей открытый детству рай.

(Пер. В. Левика)

Так писал Бодлер в стихотворении «Moesta et errabunda» («Грустные и неприкаянные мысли» – лат.)

«Мы скоро в сумраке потонем ледяном», – делает вывод поэт. Апокалипсический мотив звучит в знаменитых строках «Пляски смерти»:

...Скажи, безногая, танцорам слишком рьяным,
Им, тем, кто морщится в присутствии твоём:
«Признайтесь, гордые, что вопреки румянам
Вы чувствуете смерть всем вашим существом.

Вы тоже мертвецы – и свой азарт умерьте!
Увядший Антиной и лысый Ловелас,
Вы все охвачены вселенской пляской смерти.
В неведомую даль она уводит вас.

Беспечно веселясь над Гангом и над Сеной,
Не видят смертные, что наступает срок,
Что дулом гибельным нацелясь в глубь вселенной,
Труба архангела пробила потолок...

(Пер. В. Микушевича)

Бодлер, Кьеркегор, Шопенгауэр, Камю и другие пророки явственно слышали этот предостерегающий трубный звук. Воочию видели не только закат Европы, но и мира.

IV

Бодлер обладал космическим видением. Его отзывчивая душа в унисон звучала со страданиями всех живущих на земле людей. Он постигал сердцем весь этот мир разом. Он чувствовал его пульс. И не мог не понимать всей безысходности человеческой борьбы за счастье. Не умея примириться со вселенским злом, он гневно обращался к небу:

Ты – крышка черная гигантского котла,
Где человечество горит, как груда праха!

(Пер. Эллиса)

И этот образ гигантского котла, прикрытого крышкой-небом, где человечество обречено кипеть без понимания своей высшей цели и без объяснения причин небесной кары, был невыносимо тяжел для поэта.

Бодлер не просит, как Данте, горнего «света», не выпрашивает «покоя», как Мастер у Булгакова. Он хочет просто уйти от неотвязных мыслей об окружающем мире.

«Бывают случаи, когда меня охватывает желание спать до бесконечности, но я как раз и не могу больше спать, ибо мысли никогда меня не покидают», – писал он матери 26 марта 1853 года.

К тебе взываю я, о та, кого люблю я,
Из темной пропасти, где сердце схоронил;
Угрюм мой душный мир, мой горизонт уныл,
Во мраке ужаса, кощунствуя, живу я.
Полгода там царит холодное светило,
Полгода кроет ночь безмолвные поля;
Бледней полярных стран, бесплодная земля
Ни зелени, ни птиц, ни вод не породила...

(Пер. А. Кублицкой-Пиоттух)

Нет ничего страшней жестокости светила,
Что излучает лед. А эта ночь – могила,
Где Хаос погребен! Забыться бы теперь
Тупым, тяжелым сном – как спит в берлоге зверь...

Забыться и забыть и сбросить это бремя,
Покуда свой клубок разматывает время...

(Пер. А. Эфрон)

Это стихотворение, данное в двух разных переводах, называется, как и заупокойная молитва, «De profundis clamavi» («Из бездны взываю» – лат.)

Поэт просит сна. Однако сон – лишь кратковременная передышка, уход в мир приятных иллюзий, но с неизбежным возвращением назад, в горькую действительность. Эта действительность, как палач с секирой, стоит над подушкой. Проснувшись, поэт вынужден видеть

...эту бледную мглу над безлюдьем полей.
Разве только вдвоем, под рыданье метели,
Усыпить свою боль на случайной постели.

(«Туманы и дожди», пер. В. Левика)

V

Итак, боль можно усыпить на случайной постели? Отвечая на этот вопрос, переходим к следующей теме: Бодлер и женщины, отношение поэта к любви, к чувственным наслаждениям, а проще говоря, к сексу.

В пору юности Бодлеру казалось, что для полноты чувств достаточно, чтобы «шел дикий, душный аромат любовный» и чтобы

...бархатное, цвета красных роз,
Как бы звуча безумным юным смехом,
Отброшенное платье пахло мехом...

(«Призрак», пер. В. Левика)

А дальше можно продолжить цитатой из другого бодлеровского стихотворения, «Экзотический аромат»:

Когда, закрыв глаза, я в душный вечер лета
Вдыхаю аромат твоих нагих грудей,
Я вижу пред собой побережия морей,
Залитых яркостью однообразной света!..

(Пер. В. Брюсова)

Страсть, чувственный экстаз представлялись поэту «драгоценней, чем вино».

...Изгиб прильнувших к груди бёдр
Пронзает дрожь изнеможений;
Истомой медленных движений
Ты нежишь свой роскошный одр...
...Склонясь в восторге упоений
К твоим атласным башмачкам,
Я все сложу к твоим ногам:
Мой вещий рок, восторг мой, гений!

Твой свет, твой жар целят меня,
Я знаю счастье в этом мире!
В моей безрадостной Сибири
Ты – вспышка яркого огня!

(«Песнь после полудня», пер. Эллиса)

Если ограничиться только этими строками и не касаться подлинной жизни Бодлера, то возникает ложная картина: поэт – сверхчувственный мужчина, стопроцентный самец, мачо, обожающий секс, понимающий в нем толк, умеющий доставить и себе и женщине истинные наслаждения. Но все это не так. Еще раз обратимся к пространному очерку Сартра:

«...Бодлера подозревали в импотенции. Несомненно лишь то, что физическое обладание, столь близкое к сугубо природному удовольствию, и вправду не слишком его интересовало. О женщине он с презрением говорил, что «она в течке и хочет, чтобы ее ...». Что же до братьев-интеллектуалов, то он утверждал, что «чем больше они отдаются искусству, тем хуже у них с потенцией», – слова, которые вполне можно истолковать как личное признание Бодлера... Говоря попросту, чувственность преобладает в нем над темпераментом. Опьяненный собственными ощущениями, темпераментный человек полностью забывается; Бодлер же не умеет терять над собой контроль. Сам по себе половой акт вызывает у него ужас именно потому, что он природен, брутален, равно как и потому, что его суть заключается в слиянии с Другим. «Совокупляться – значит стремиться к проникновению в другого, а художник никогда не выходит за пределы самого себя». Существуют, впрочем, удовольствия, получаемые на расстоянии, когда, например, можно видеть, осязая женское тело или вдыхать его запах. Вероятно, такими удовольствиями Бодлер по большей части и пробавлялся. Соглядатаем и фетишистом он был именно потому, что пороки как бы смягчали в нем любо-страстие, потому что они позволяли ему обладать возжеланным объектом на расстоянии, так сказать, символически; соглядатай сам ни в чем не участвует; закутавшись по самую шею, он во все глаза смотрит на обнаженное тело, не дотрагиваясь до него, – и вдруг по всему его телу пробегает совершенно непристойная, хотя и сдерживаемая дрожь...»

Прервем цитату и немного переведем дух, ибо для некоторых, возможно, текст Сартра слишком изощрен. Но все же попытаемся его осилить. Итак, дрожь. Но почему? Сартр отвечает: Бодлер «творит зло, и ему это ведомо; ведь, вступая в обладание другим на расстоянии, сам он ему не отдается. В этом смысле не так уж и важно, получал ли Бодлер сексуальное удовлетворение в одиночку (на что кое-кто намекал) или прибегал к тому способу, который с нарочитой грубостью называл: «е...», поскольку, строго говоря, даже в акте соития он все равно остался бы одиночкой, мастурбатором, умея, в сущности, получать наслаждение только от самого факта прегрешения...»

И далее о Бодлере:

«Множество прочих форм зла: предательство, низость, зависть, насилие, скупость, да мало ли что еще, – все это осталось для него совершенно чуждым. Себе он выбрал роскошный аристократический грех».

Бодлеровский грех – эротика, но эротика именно по-бодлеровски. Его сладострастие – это специфическая смесь созерцания и удовольствия. Любви во всем этом нет, она как бы вынесена за скобки, ибо, как признавался Бодлер: «Любовь раздражает тем, что для этого преступления необходим сообщник».

Какая презрительная надменность по отношению к женщине: сообщник! Следует отметить, что мало кто из поэтов так негативно писал о прекрасном поле, как Бодлер:

«Меня всегда удивляло, как это женщинам дозволено входить в церковь. О чем им толковать с Богом?»

«Вечная Венера (каприз, истерия, фантазия) есть одна из соблазнительных личин Дьявола...»

«Женщина не умеет отделить душу от тела. Она примитивна, как животное. Сатирик объяснил бы это тем, что у нее нет ничего, кроме тела» («Мое обнаженное сердце»).

Тем не менее в своих дневниках Бодлер часто возвращается к теме любви: она его занимала. Она его тяготила. Она его мучила, ибо он мечтал о любви и одновременно страшился ее.

«Любовь хочет выйти за пределы самого себя, слиться со своей жертвой, как победитель с побежденным, но все-таки сохранить преимущества завоевателя».

И где-то в соседней записи:

«Любовь очень похожа на пытку или хирургическую операцию. Но эту мысль можно развить в самом безрадостном духе. Даже если оба возлюбленных как нельзя более полны страсти и взаимного желанья, все равно один из двоих окажется равнодушнее и холоднее другого. Он или она, – хирург или палач, а другой – пациент, или жертва. Слышите вздохи, прелюдию к трагедии бесчестья, эти стоны, эти крики, эти хрипы? Кто не издавал их, кто не исторгал их из себя с неудержимой силой? И чем, по-вашему, лучше пытки, чинимые усердными палачами? Эти закотившиеся сомнамбулические глаза, эти мышцы рук и ног, вздувающиеся и каменеющие, словно под воздействием гальванической батареи, – ни опьянение, ни бред, ни опиум в их самых неистовых проявлениях не представят вам столь ужасного, столь поразительного зрелища. А лицо человеческое, созданное, как верил Овидий, чтобы отражать звезды, – это лицо не выражает более ничего, кроме безумной свирепости, или расслабляется, как посмертная маска...»

Ну как вам эта картина страсти? Какими ядовитыми красками она нарисована! Да, страсть искажает лицо, происходят некие низменные метаморфозы – ну и что из того? Страсть – это ведь и полет. Упоение. Высшее наслаждение из всех, что даны человеку создателем. Однако Бодлер видел в любовном слиянии лишь гримасы и стоны. Но это все в теоретических построениях на бумаге. А что было в действительности? В будуаре?..

VI

Как ни презирал Бодлер женщин, без них обойтись он никак не мог. Случайные связи оставим в стороне, обратимся к постоянной подруге поэта, к темпераментной мулатке Жанне Дюваль.

Поначалу связь с содержанкой представлялась Бодлеру вызовом обществу, протестом против мещанской добропорядочности. Чувственный характер отношений с Жанной, ее порочность, склонность к пьянству, вымогательству и к грубым скандалам дополнили переживания, связанные с разочарованием поэта в матери, – так считает Н. Балашов в статье «Легенда и правда о Бодлере».

А вот как излагает биографические вехи Бодлера Георгий Косиков:

«Элегантная внешность и «английские» манеры молодого человека производили впечатление на женщин, однако Бодлер даже не пытался завязать роман с приличной замужней дамой или хотя бы с опрятной гризеткой. Робость, гипертрофированная саморефлексия, неуверенность в себе как в мужчине заставляли его искать партнершу, по отношению к которой он мог бы чувствовать свое полное превосходство и ничем не смущаться. Такой партнершей стала некая Жанна Дюваль, статистка в одном из парижских театриков. Бодлер сошелся с ней весной 1842 года, и в течение 20 лет она оставалась его постоянной любовницей. Хотя «черная Венера» (Жанна была квартиронкой) на самом деле не отличалась ни особенной красотой, ни тем более умом или талантом, хотя она проявляла открытое презрение к литературным занятиям Бодлера, постоянно требовала у него денег и изменяла ему

при любом удобном случае, ее бесстыдная чувственность устраивала Бодлера и тем самым отчасти примиряла с жизнью; кляня Жанну за ее вздорность, нечуткость и злобность, он все же привязался к ней и, во всяком случае, не бросил в беде: когда весной 1859 года Жанну, питавшую излишнее пристрастие к ликерам и винам, разбил паралич, Бодлер продолжал жить с ней под одной крышей и, вероятно, поддерживал материально вплоть до самой своей смерти».

Более чем странную любовницу выбрал себе поэт! И тем не менее она стала его музой, по крайней мере ей он посвятил цикл стихотворений из своего сборника «Цветы зла», для него она была «Нега Азии и Африки зной».

Связь с Жанной длилась долго и вконец измучила поэта.

От поцелуев, от восторгов страстных,
В которых обновляется душа,
Что остается – капля слез напрасных,
Да бледный контур в три карандаша.

(Пер. В. Левика)

Когда рассеивался дурман чувственности и оседал угар страсти, пусть даже фетишистской, поэт оставался наедине с самим собой, с ощущением ужасающей пустоты. Он жаждал общения на высоком языке искусства, поэзии, но такое общение с Жанной было исключено. К тому же она, издеваясь над ним, беспрестанно предавала его с другими. Часто у него возникало желание бросить ее. Растоптать. Унизить. Но, будучи человеком слабым, без настоящего мужского начала, он не мог этого сделать. Более того, он не мог преодолеть своей привязанности к ней. Что оставалось делать? Только одно: яростно низвергать ее в стихах.

Ты на постель свою весь мир бы привлекла,
О женщина, о тварь, как ты от скуки зла!
Чтоб зубы упражнять и в деле быть искусной —
Съесть по сердцу в день – таков девиз твой гнусный.

Зазывные глаза горят, как бар ночной,
Как факелы в руках у черни площадной,
В заемной прелести ища пути к победам,
Но им прямой закон их красоты неведом.

Бездушный инструмент, сосущий кровь вампир,
Ты исцеляешь нас, но как ты губишь мир!..

(Пер. В. Левика)

И в конце стихотворения Бодлер обозначает две противоборствующие стороны: он – мужчина, гений; она – женщина, животное, грязь, но, увы, божественная грязь.

В жизни Бодлера была не одна Жанна Дюваль. В промежутке возникала и Лушетта, женщина с еще более сомнительным поведением, чем Жанна. Результат общения?

С еврейкой бешеной, простертой на постели,
Как подле трупа труп, я в душной темноте
Проснулся и к печальной красоте
От этой – купленной – желанья полетели...

(Пер. В. Левика)

Чисто бодлеровский парадокс: презирать и любить, чувствовать отвращение и тянуться к источнику отвращения, переводить свои чувства на язык поэзии и петь «прелестей твоих заманчивый эдем».

Этот странный переплав чувств возникал у Бодлера постоянно, то с Жанной, то с Лушеттой, то с проституткой Сарой, известной в среде литературной богемы под кличкой Косоглазка. Даже в косоглазии он находил идеал печальной красоты. С мучительной горечью искал Бодлер в женщинах нравственный идеал, не находил его, отчаивался и снова пускался в поиски, но самое смешное и забавное заключалось в том, что он искал не там, где можно было встретить женщину неиспорченную и с возвышенной душой.

...Дай сердцу верить в ложь, дай опьяняться снами;
В тени ресниц твоих позволь дремать часами,
Как в грезах, утопать в зрачках любимых глаз!

В грезах, только в грезах это происходило, а в жизни этого у Бодлера быть не могло. Вот еще одно очередное разочарование: пышнотелая и пышноволосяя артистка Мари Добрен.

Дитя, сестра моя!
Уедем в те края,
Где мы с тобой не разлучиться сможем,
Где для любви – века,
Где даже смерть легка,
В краю желанном, на тебя похожем...
...Там сладострастье, роскошь и покой...

(Пер. Ирины Озеровой)

Стихотворение это называется «Приглашение к путешествию». Но, зная Бодлера, легко можно предположить, что подобное путешествие не состоялось и вообще не могло состояться, ибо практически Бодлер жаждал не любви собственно, а всего лишь так называемых прикосновений. Сартр отмечает, что в письме к Мари Добрен «Бодлер как раз и предвкушает подобное наслаждение: он будет молча вожделеть к ней, окутает ее своим желанием с ног до головы, но сделает это лишь на расстоянии, так что она ничего не почувствует и даже ничего не заметит:

«Вы не можете воспрепятствовать моей мысли блуждать возле ваших прекрасных – о, столь прекрасных! – рук, ваших глаз, в которых сосредоточена вся ваша жизнь, всего вашего обожаемого тела».

Говоря без изыска, все это напоминает какого-нибудь современного застенчивого юношу, который, запершись в ванной комнате, смотрит изображения обнаженных женщин в журнале «Плейбой» и занимается самоудовлетворением. В одиночестве...

Показательна увлеченность Бодлера Аполлонией Сабатье в 1852 году. Бодлеру 31 год, Аполлонии – 30. Она – светская куртизанка и устраивает у себя еженедельные обеды, на которые собираются такие знаменитости из мира литературы, как Александр Дюма-отец, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Гюстав Флобер... Среди них и Бодлер. Аполлония, в отличие от всех женщин Бодлера, не только привлекательна, но и умна, искушена в салонных беседах. И Бодлер, который умел либо незаслуженно презирать, либо незаслуженно обожествлять женщин, вообразил, что г-жа Сабатье – это его Беатриче. И как он поступил?

Затял с ней некую платоническую игру, свою традиционную любовь «издалека», «близость» на расстоянии: писал ей инкогнито письма и стихотворения.

...Игра идет к концу! Добычи жаждет Лета.
Дай у колен твоих склониться головой,
Чтоб я, грустя во тьме о белом зное лета,
Хоть луч почувствовал – последний, но живой.

(Пер. В. Левика)

Бодлер всегда страдал болезненно обостренной чувствительностью. Жаждающий идеального, не признающий никакие компромиссы, склонный к сарказму, мизантропии и эпатажу, он был еще «невыносимее», чем Байрон. Общаться с ним было нелегко. Он делал все возможное, чтобы выглядеть гадким в глазах окружающих, оттолкнуть и отвратить их от себя. Об отношении к женщинам и к любви мы уже говорили. Как тут не вспомнить нашего Александра Сергеевича:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...

Правда, в случае с Бодлером следует сделать поправку: не малодушно, а презрительно и надменно, но это не меняет дела. Обычный человек, хотя и с большими странностями. Однако вернемся к дальнейшим строкам Пушкина: «Но лишь божественный глагол...» И опять поправочка: «божественный глагол» у Бодлера был божественным лишь в звучании, а сатанинским по существу, недаром сам он рядился в тогу «сатанинского поэта». Он был поэтом, который сознательно выращивал «цветы зла».

Любопытно прочитать, к примеру, такие строки из его дневника:

«После загула всегда чувствуешь себя более одиноким, более заброшенным. И нравственно, и физически я всегда ощущал близость бездны – не только бездны сна, но и бездны действия, воспоминания, мечты, желания, печали, раскаяния, красоты, множества и т. д.

С наслаждением и ужасом я пестовал свою истерию. Теперь у меня все время кружится голова, а сегодня, 23 января 1862 года, мне было дано странное предупреждение, я почувствовал, как на меня повеял ветер, поднятый крылом безумия».

Бодлер был склонен к крайним чувственным напряжениям, к пограничному состоянию между покоем и бурей, между ясностью ума и безумием.

VII

Свое отвращение к буржуазному миру Бодлер выразил в книге «Цветы зла» («Les fleurs du mal»). Этот сборник, вначале имевший другое название, «Лесбиянки», поступил в продажу 25 июня 1857 года. В эту «жесткую книгу я вложил все мое сердце, всю мою нежность, всю мою веру (вывернутую), всю мою ненависть», – признавался Бодлер в письме к опекуну 18 февраля 1866 года.

Книга вызвала скандал. Правительство Наполеона III восприняло «Цветы зла» как пощечину. Против Бодлера, как за полгода до этого против Флобера, был затеян судебный процесс.

20 августа 1857 года поэт предстал перед уголовным судом, «приравненный таким образом, – как писал Жак Крепе, – к ворам и эксгибиционистам». Судьи сочли «Цветы зла»

вульгарной порнографией – сочинением, содержащим «непристойные и аморальные места и выражения».

А что Бодлер? Защищался? Отнюдь нет. Он проявил малодушие и трусость, пытаясь доказать суровым гонителям, что-де искусство – это всего лишь «паясничанье» и «жонглерство». Таким образом, свои «Цветы зла» он отдал на поругание судьям. В обвинительном приговоре поэту поставили в вину «грубый и оскорбляющий стыдливость реализм». Его подвергли штрафу в размере 300 франков (смешная сумма по нынешним временам), издателю предложили изъять из сборника 6 стихотворений, среди них «Лесбос» («Мать греческих страстей и прихотей латинских, о Лесбос, родина томительнейших уз...») и «Проклятые женщины»:

Предайся жениху в преступно глупом блюде,
Пусть искушает он тебя наедине;
Свои клейменные поруганные груди
Ты принесешь потом, заплаканная, мне...

Бодлер был ошеломлен приговором. Он не воспринимал ни похвалу («Вы творите новый трепет» – обратился к нему Виктор Гюго), ни хулу и насмешки (в пику Бодлеру был даже выпущен сборник «Цветы добра»). Он еще более стал ненавидеть общество, в котором жил, его ненависть приобрела характер патологической одержимости. «Да здравствует разрушение! – говорил он. – Да здравствует искупление! Да здравствует возмездие! Да здравствует смерть!»

VIII

После выхода в свет «Цветов зла» Бодлер прожил еще 10 лет. Написал он за эти годы совсем немного. После суда он иронически заметил: «Отныне мы станем писать только утешительные книги, доказывающие, что человек от рождения хорош и все люди счастливы». Конечно, в подобный соцреализм Бодлер не впал. Он по-прежнему оставался записным пессимистом, погруженным в бездну своих мрачных фантазий. Об этом свидетельствовали его новые книги: «Салон 1859 года», «Искусственный рай», книга о гашише и опиуме (в ней он отразил личные ощущения наркомана), и, наконец, его второй шедевр – «Стихотворения в прозе».

Силы поэта шли на убыль. Его жизнь превращалась в сплошной кошмар. Внешне он казался старцем. Жак Крепе, первый биограф Бодлера, так описывает его облик: «...какая душераздирающая тоска в темных глазах, какой в них к тому же упорный вызов! Сколько брезгливости в складках, спускающихся от ноздрей, сколько презрения в губах, сжатых, будто чтобы подавить тошноту. Поистине это лик отверженного, принявшего на себя все грехи этого мира».

В начале 1862 года Бодлер стал ощущать последствия сифилиса, полученного в молодости: постоянные головокружения, бессонница, жар, упадок физических и психических сил. Он не в состоянии писать. Среди веселой и нарядной парижской толпы поэт выглядит мрачным угрюмцем, почти мертвецом.

В апреле 1864 года Бодлер уезжает в Бельгию – переменить обстановку и заработать деньги публичными лекциями. Планам не суждено сбыться: Бельгия ему не нравится даже больше, чем Франция, а лекции не приносят ни успеха, ни денег. Неизлечимо больному Бодлеру приходится вести почти нищенский образ жизни, он стремительно приближается к роковому концу.

4 февраля 1866 года в церкви Сен-Лу в Намюре он теряет сознание и падает на каменные плиты. Паралич. Он лишается речи. Дальше – прогрессирующее слабоумие. Его недвижимое тело перевозят в Париж, где процесс умирания растягивается на долгие месяцы. Бодлер не в состоянии понять, что с ним произошло. Проблеск мысли возвращался к нему лишь на какие-то минуты, когда бывшая возлюбленная, мадам Сабатье, приходила играть для него на фортепьяно.

«Моя маленькая дурочка, моя милая возлюбленная подавала мне обед, а я созерцал в открытое окно столовой плавающие замки, которые Бог сооружает из паров, – эти волшебные строения из неосязаемого...» – так начинается одно из стихотворений в прозе Бодлера «Суп и облака».

31 августа 1867 года, в возрасте 46 лет, Шарль Бодлер скончался. Он был похоронен на кладбище Монпарнас, рядом со своим ненавистным отчимом генералом Опиком.

Уже после смерти Бодлера состоялся суд над его сборником «Книга обломков»...

Осенью 1946 года Учредительное собрание Франции кассировало приговор 1857 года по сборнику «Цветы зла». Хотя и с запозданием, были заклеены «церковные, судейские и академические тартюфы». Ярлык порнографа был снят, и Бодлер вернулся в добропорядочную семью мировой литературы.

Несколько слов о том, как писал Бодлер. Он никогда не бывал доволен написанным и постоянно что-то доделывал и переделывал, некоторые из его стихотворений существуют в 10–12 вариантах. Что касается бодлеровского шедевра «Цветы зла», то до сих пор не найден его оригинал – ни первого издания в 1857 году, ни второго 1861 года. Пропал оригинал и последнего издания «Цветов», выправленный автором и дополненный новыми стихотворениями, который был привезен в чемодане из Брюсселя после смерти поэта.

Такая вот несчастная судьба «Цветов зла». То, что известно нам, не всегда соответствует тому, что написал Бодлер. Переписчики рукописи частенько ошибались. Так, в одном из вариантов вместо «tristess de la lime» (печаль луны) выведено «vitesse de la lune» (скорость луны).

Известно выражение: рукописи не горят. Но они иногда бесследно пропадают.

IX

Прошли годы. Отшелушились слухи и нелепицы вокруг имени поэта. Все явственнее проступает подлинный лик Шарля Бодлера. Его эпатажные поступки забылись и стерлись, на первый план вышло творчество, магия бодлеровского стиха. Но и поныне, как верно отмечает Николай Конрад, «Бодлером одни будут увлечены, другие возмущены». Это истинная правда. Не всем по вкусу придут, к примеру, такие безжалостно-точные строки:

Вы помните ли то, что видели мы летом?
Мой ангел, помните ли вы
Ту лошадь дохлую под ярким белым светом,
Среди рыжеющей травы?
Полуистлевшая, она, раскинув ноги,
Подобно девке площадной,
Бесстыдно, брюхом вверх лежала у дороги,
Зловонный выделяя гной...
...Из-за куста на нас, худая, вся в коросте,
Косила сука злой зрачок,
И выжидала миг, чтоб отхватить от кости

И лакомый сожрать кусок.
Но вспомните: и вы, заразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая,
Вы, лучезарный серафим.
И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моления,
Добыча гробовых гостей.
Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты – навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй.

(Пер. В. Левика)

Это стихотворение «Падаль» высоко ценил Флобер. Однако для других оно было литературой «мертвецких, боен и притонов». Жесткие истины, высказанные Бодлером, были и остаются не для уха среднего человека. Мещанин, обыватель, буржуа требует усыпляющих грез. Его радует букет банальных красотей. Уставая от жизни, он хочет забыться и испытать чего-то вкусенького и сладенького, эдакий ликерчик от искусства. А Бодлер тычет его лицом в разлагающуюся падаль и постоянно твердит: «Remember!» («Не забудь!»), Memento mori! («Помни о смерти!»).

Смерть подстерегает каждого из нас. Обычный человек не хочет в это верить. Он убежден, что будет жить вечно, и ему нестерпимо тошно смотреть в глаза реальности. Он предпочитает смотреть в другую сторону, а еще лучше – совсем закрывать глаза. Прятать, как страус, голову в песок.

В «Истории живописи Италии» Стендаль констатировал, что чувство скорби у его современников стало интенсивнее, нежели оно было в античности. Стендаль критиковал тех, кто осуждает изображение полей сражений или больниц как чего-то непоэтического, и призывал осознать, что говорить правду о своем времени – это нередко означает «рассказывать ужасы» (dire des horreurs). Бодлер эту горечь ужасов еще более сгустил. Она ощущается на зубах. Она проникает в глотку. Она разъедает организм. Такова сила бодлеровской горечи.

Сырой, холодный мрак пропитан трупным смрадом.
Дрожу от страха я с гнилым болотом рядом,
И под ногой моей – то жаба, то слизняк...

(«Романтический закат», пер. В. Микушевича)

Бодлер отважно бросается в бездны «подполья» и там зажигает факелы, чтобы яснее лицезреть запрятанные глубоко человеческие язвы и пороки.

В провалах грусти, где ни дна, ни края,
Куда Судьба закинула меня,
Где не мелькнет веселый проблеск дня,
Где правит ночь, хозяйка гробовая,
На черной мгле я живопись творю,
Всегда язвимый богом ядовитым,
И, как гурман с могильным аппетитом,
Свое же сердце к завтраку варю...

(Пер. В. Левика)

Бодлеру чистая радость не в радость, незамутненная красота не в красоту. Для него не существует светлого, гармонического совершенства.

Не стану спорить, ты умна!
Но женщин украшают слезы.
Так будь красива и грустна,
В пейзаже зыбь воды нужна,
И зелень обновляет грозы...

(«Грустный мадригал», пер. В. Левика)

Этот мотив человеческой красоты, обостренной перенесенными страданиями, до Бодлера встречался у Данте, у Китса и других поэтов. Истинный поэт не может наслаждаться личным счастьем, покуда кругом разлито море людских страданий и слез. Куда бы он ни пошел, повсюду его преследует видение Ада. Всюду он встречает юдоль обид и горестей. Повсюду натывается на «бессердечие гранита». «Мы – каждый за себя! Нет ничего святого!» – восклицает Бодлер в «Исповеди». В отличие от поэтов он эстетизирует страдание, оно – альфа и омега бодлеровского существования. Если его нет, то нужно его найти. И находит.

Но сжал ли грудь твою хоть раз
Железный обруч отвращения?.. —

обращается он к ближнему. Поэт верит, что железный обруч сжимает каждого.

Неверие в свет, в мир, в человека, в прогресс и сделало Бодлера роковым поэтом зла, неким Антихристом поэзии. Бодлеровский культ всего извращенного, порочного, искусственного, порожденного городской цивилизацией, его эстетизм и аморализм, – все это оказало значительное влияние на русских символистов: Мережковского, Минского, Анненского, Брюсова, Бальмонта, Сологуба...

А наш современный классик Андрей Вознесенский? Не пошел ли он по стопам Бодлера, когда написал, что:

Видно, душа, как печенка, отбита...
Ну, а пока что – да здравствует бой,
Вам еще взвыть от последней обоймы.
Боль продолжается. Празднуйте боль!
Больно!

Одна только разница: у Бодлера боль непреходящая, как доминанта всей жизни, а у Вознесенского – как некий поэтический каприз лирического настроения: сегодня больно!.. Как пошутил некий критик, Вознесенский организовал целый трест под названием «Главболь».

Х

«Стихи Бодлера, – писал Анатолий Луначарский в первом выпуске советской литературной энциклопедии, – производят впечатление сдерживающего себя, полного достоинства констатирования ужаса жизни. Перед нами поэт, который знает, что жизнь представляет собою мрак и боль, что она сложна, полна бездн. Он не видит перед собою луча света, он не

знает выхода. Но от этого не отчаялся, не расхандрился, напротив, он словно сжал руками свое сердце. Он старается сохранить во всем какое-то высокое спокойствие, стремится как художник доминировать над окружающим. Он не плачет. Он поет мужественную и горькую песню именно потому, что не хочет плакать. Позднее поэты этого упадочного типа совершенно утратили такое равновесие и такую суровую граненность формы...»

Любопытная попытка советизировать Бодлера. Первые большевики вообще преклонялись перед ницшеанским сверхчеловеком. В этом ряду Луначарский числил и Бодлера: мол, ему худо, а он тем не менее «поет мужественную и горькую песню». Но, увы, никаким сверхчеловеком Бодлер не был. Наоборот, он был слабым человеком, увязшим в гипертрофированной рефлексии.

Сартр пишет:

«Исконная поза Бодлера – это поза человека, склонившегося над самим собой. Склонившегося, словно Нарцисс. Его непосредственное сознание само является предметом неотступного и пристального взгляда. Нам, людям обыкновенным, довольно и того, что мы видим дом или дерево; целиком поглощенные их созерцанием, мы не думаем, забываем о самих себе; Бодлер же не способен забыть о себе ни на секунду. Он смотрит и в то же время наблюдает за тем, как он смотрит, наблюдает, чтобы увидеть, как он наблюдает; он созерцает собственное сознание о дереве, о доме...»

И еще выводы Сартра:

«Бодлер – человек, чувствующий себя бездной. Терзаемый гордыней, скукой, головокружением, он видит себя вплоть до самых потаенных душевных глубин: он неповторим, оторван от других людей, не создан, абсурден, безосновен, брошен в полнейшее одиночество, где и несет свою ношу, обречен на то, чтобы самому оправдывать собственное существование, он непрестанно ускользает от самого себя, выскальзывает из собственных пальцев, он погружен в созерцание...»

Дистанция времени позволяет Сартру судить Бодлера со всей строгостью:

«Высказавшись в пользу зла, Бодлер тем самым сделал выбор в пользу собственной виновности. Угрызения совести – вот что позволяет этому грешнику воплотить свою единственность и свою свободу. Чувство виновности не покидало его в течение всей жизни...»

...Этот человек отверг жизненный опыт, никакие внешние воздействия не смогли изменить его, и он ничему не научился... Каким он был в 20 лет, таким мы находим его и на пороге смерти...»

И все же, добавим от себя, понять до конца, каким был Бодлер человеком, задача из самых сложных. Лунный ландшафт его горемычной души еще предстоит изучать многим исследователям.

Поэт, как альбатрос, отважно, без усилия,
Пока он – в небесах, витает в бурной мгле,
Но исполинские, невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

Так перевел концовку стихотворения «Альбатрос» Мережковский. Якубович перевел иначе:

Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, среди шиканья глупцов.

Толпа (глупцы) обломала крылья альбатросу. Он истекал кровью. И эта боль страдания сделала Шарля Бодлера великим поэтом.

СПИВШИЙСЯ БОГ

Я люблю нырять в энциклопедический старый словарь – три черных тома выпуска начала 50-х годов прошлого века. Какие железобетонные формулировки, какие зубодробительные оценки и ярлыки в отношении «врагов» и деятелей Запада. Возьмем интересующего нас Поля Верлена: «французский поэт, декадент. Его поэзия далека от действительности, проникнута меланхолическими и религиозными настроениями». И все – как отрезали: не наш!..

В литературной энциклопедии (1962) помягче, но тоже брошена тень на чуждого поэта, на его «символистские эстетические установки». Вместе с тем приведены слова Брюсова о том, что Верлен обогатил лирику разнообразными оттенками переживаний, сблизил ее с задушевной беседой, придал стиху тонкую музыкальность. О, это уже похвала!..

В июне 1952 года в беседе с Лидией Чуковской Анна Ахматова сказала: «Когда у одного француза спросили, кто лучший поэт Франции, он ответил: «Hugo, hélas» («Конечно, Гюго!» – Ю.В.). Это, разумеется, не соответствует истине: взять хотя бы Верлена, он в 20 раз лучше».

Высказывания соотечественника Верлена, французского писателя Жюль Ренара: «От Верлена не осталось ничего, кроме нашего культа Верлена. Он похож на спившегося бога».

Приведу собственную публикацию о Верлене в газете «Вечерний клуб» от 15 марта 1994 года (интересно вспомнить).

Изысканный и тоскующий

В этом месяце исполняется 150 лет со дня рождения Поля Верлена. Не все знают знаменитого французского поэта, одного из основоположников символизма. Поэтому познакомим читателей вкратце с жизнью и творчеством поэта-символиста.

Верлен родился 30 марта 1844 года в Меце, в семье офицера. По окончании лицея служил чиновником Парижской ратуши, рано начал писать стихи. На первом этапе испытывал влияние Бодлера. Первый сборник «Сатурновские стихотворения» Верлен выпустил в 1866 году. Затем вышли сборники стихов «Галантные празднества» и «Песнь чистой любви».

Примечательный штрих в биографии Верлена: в 1871 году он служил в бюро прессы Парижской коммуны. После поражения коммунаров вынужден был уехать за пределы Франции. Его следующая книга «Романсы без слов» отразила болезненную тоску растерявшегося интеллигента.

Пусть будет прихоть нечиста или невинна,
Порок иль скромная мечта – мне все едино.
Я воплощу любой твой бред, скажи, в чем дело?
– О, дьявол, – я ему в ответ, – все надоело!

Другие моменты из жизни Верлена: ссора с Рембо, заключение как участника Коммуны в тюрьму. В дальнейшем разочарование, пессимизм, нищета, забвение в алкоголе. Он умер 8 января 1896 года в возрасте 51 года, вконец отравленный абсентом. На похоронах кто-то вскрикнул: «Женщины сгубили Верлена!»

Да, он любил женщин, ну и что из того? Прочитаем одно из стихотворений Верлена из его книги «Песня для нее» (1891) в переводе Федора Сологуба:

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой,
Иди себе путем разврата,
Но как лелеют ароматы
От этой плоти, боже мой!

Безумство плоти без предела,
Меня лелеет это тело,
Священнейшая плоть твоя!
Зажженный страстностью твоею,
От этой плоти пламенею,
И, черт возьми, она – моя!

До наших душ нам что за дело!
Над ними мы смеемся смело, —
Моя душа, твоя душа!
Но что нам райская награда!
Здесь, на земле, любить нам надо,
И здесь нам радость хороша.

Но здесь нам надо торопиться,

Недолгим счастьем насладиться,
Самозабвение вкусить.
Люби же, злая баловница,
Как льются воды, свищет птица, —
Вот так и. мы должны любить.

Верлен принадлежал к тому типу поэтов, у которых запрограммирована страсть сжигать самих себя. Тем выше градус горения, тем ярче огонь творчества. Таковы Верлен, Байрон, Высоцкий (да простят меня за такой выстроенный ряд!..) Степан Цвейг писал о Верлене и ему подобных: «Они пропивают, проигрывают, проматывают себя, их сметает внутренний вихрь их существа».

В заключение приведем одно из стихотворений Верлена в переводе Бориса Пастернака, весьма характерное по тональности для творчества французского поэта-символиста:

И в сердце растрava,
И дождик с утра.
Откуда бы, право,
Такая хандра?

О дождик желанный,
Твой шорох – предлог
Душе бесталанной
Всплакнуть под шумок.

Откуда кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего.

Хандра ниоткуда,
На то и хандра,
Когда не от худа
И не от добра.

Пусть хандра. Пусть погодные аномалии. Пусть наследия. Пусть дробящиеся мелкие осколки нашего российского быта. Но мы выживем. Опыт Варлама Шаламова говорит о том, что поэзия может спасти человека в любое трудное время. Поэтому совет: хоть иногда, хоть изредка давайте читать стихи – настоящих Поэтов, в том числе и Поля Верлена. Как говорил Евгений Баратынский: «Болящий дух врачует песнопенье». Все просто. И никаких дополнительных лекарств...

А теперь копнем поглубже

Так было написано в газете. Коротко. Недурненько и вполне литературненько, – скажем в рифму. Но не объемно. Необходимо расширить рамки текста. И заглянуть в верленовские бездны. Вспомнить его гей-повороты, дикарство и пьяные выходы, Именно это привлекает нынешнего читателя: не сделай нам «красиво», как раньше, а нарисуй нам «кроваво». Крутое время – крутые рассказы.

Итак, дополнительные штрихи к биографии Поля Верлена.

Отец поэта был армейским офицером, а мать простой, не очень образованной женщиной. Верлен был единственным ребенком в семье. До появления сына на свет мать его трижды рожала и все три раза дети оказывались мертворожденными. Но Поль выжил и поэтому неудивительно, что мать любила своего единственного сына и всячески баловала его. Верлен до самой своей смерти оставался любимцем матери. Она считала его, и не без основания, слабым, безвольным, безответственным и требующим постоянной опеки.

Чувственность в Верлене проснулась рано. Однако его внешность и постоянная неряшливость не позволяли ему надеяться на ответные чувства, у него было широкое плоское лицо с маленькими глазками, почти спрятанными под густыми бровями, невыразительное и почти уродливое. Он походил на преступника-дегенерата. В школе Верлена всегда дразнили и над ним издевались – «урод, урод!..» Первый биограф поэта – Эдмон Лепететье – писал: «Верлен был вызывающе безобразен. С годами его лицо, странное и ассиметричное, – с горбатым черепом и носом картошкой стало казаться совершенно невыносимым. Но оно излучало блестящий ум в ореоле таланта. К этому звериному лицу привыкаешь, когда оно смеется, и смиряешься с его загробностью, когда он говорит серьезно».

Но, будучи звероподобным, Верлен еще со школьных лет тянулся к ангелоподобным мальчикам из младших классов, предлагая им «горячую дружбу». С юности поэт был бисексуалом: одинаково тянулся как к женщинам, так и к мужчинам. С 17 лет стал пользоваться услугами проституток. И появилась тяга к алкоголю. Его любимым напитком был ядовито-зеленый абсент. Веселая богемная распутная жизнь... В какой-то момент Верлену она надоела. Он встретил удивительно чистую 16-летнюю девушку Матильду Моте и влюбился в нее, а в 1870 году женился на ней. Она восхищалась его стихами, а он пламенел от ее тела. «Я не люблю тебя одетой...» – писал он.

Глядеть на платье мне досадно —
Оно скрывает беспощадно
Все, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхование колен...

Я не знаю французского и не могу воспроизвести, как это звучит в подлиннике, но переводчик Федор Сологуб, сам блестящий поэт, нашел изумительный русский эквивалент: «волхование колен»...

Позднее в своих воспоминаниях Матильда Моте писала, что влюбленным Верлен был таким счастливым, что «он перестал быть уродливым, а я даже вспомнила о сказке «Аленький цветочек», в которой любовь превращает чудовище в принца-красавца». На протяжении всех 10 месяцев, пока они были помолвлены, Верлен оставался преданным и целомудренным, забыл про абсент и писал стихи, прославляющие любовь. Но женитьба и последующая за ней совместная жизнь расставили все по местам. Пелена влюбленности прошла, и супруги предстали друг перед другом в своем истинном облики. Матильда оказалась женщиной пустой и тщеславной, мелкой по своим интересам и не способной понять, что рядом с нею творит поэт. Ну, и Верлен для Матильды оказался вовсе не «принцем» из сказки, а настоящим «чудовищем» в реальной жизни. Он снова стал много пить и у него появились пугающие приступы дикой агрессии, которые, впрочем, чередовались с проявлением искренней нежности: он вдруг как бы прозревал. Однажды в порыве необузданного гнева Верлен попытался поджечь волосы на голове Матильды, а в другой раз в ярости швырнул своего новорожденного сына так, что тот ударился о стену. Но, слава богу, все обошлось без тяжелых последствий.

И все же какое-то время у Верлена была семья (раздоры, ссоры, – а кого их нет?!), он служил, и сохранилась, таким образом, некая буржуазная респектабельность. Но в 1871 году в жизни Верлена появился Артюр Рембо, и все мнимое благополучие полетело в тартарары. Жена не выдержала дружбы-любви своего мужа с Верленом и развелась с ним. Прошло всего лишь 3 года со дня их знакомства. И – финиш.

Верлен и Рембо

Артюр Рембо – еще одна знаменитость французской поэзии, – был на 10 с половиной лет моложе Верлена (родился 20 октября 1854). Он, как и Верлен, тоже был связан с Парижской коммуной и посвятил ей несколько стихотворений: «Нужны ли сердцу моему озера крови...» Рембо писал оригинальные стихи, а еще был преоригинальным человеком: неисправимым хулиганом, жестоким извращенцем и садистом, – гений и злодейство в нем сочетались вполне мирно. Рембо считал, что поэту необходимо испытать все формы любви, страдания и безумия, и только все это может позволить найти поэтическую «истину».

Рембо послал свои стихи Верлену, как мэтру, а в сентябре 1871 года и сам появился в Париже, оборванный, грязный и без гроша в кармане. С появлением Рембо нормальная жизнь Верлена кончилась: все пошло вразнос. Обратимся к книге, вышедшей на Западе, – «Интимная сексуальная жизнь знаменитых людей» (1981):

«Верлен вначале поселил Рембо в доме родственников своей жены, где и сам жил в то время, затем Верлен стал устраивать Рембо в домах своих друзей по очереди. Один из них, музыкант-гомосексуалист привил Рембо любовь к гашишу. День и ночь Верлен и Рембо веселились и пировали. На публике они специально вели себя очень провокационно, оказывая друг другу знаки любви и внимания, наедине Верлен и Рембо проводили «ночи Геркулеса», занимаясь тем, что они сами называли «любовью тигров». Из них двоих Рембо явно был доминирующим партнером, Верлен, который считал себя «женственным» человеком, ищущим любви и защиты, был просто очарован этим «юным Казановой», с его неотразимым сочетанием красоты, гениальности и насилия. Рембо однажды полоснул Верлена ножом, чтобы развлечься и проверить заодно свое могущество над старшим товарищем. Он также постоянно насмехался над «супружеской респектабельностью» Верлена.

В июле 1872 года Верлен оставил семью и уехал из Франции вместе с Рембо. По всей вероятности, мать Верлена оказала им финансовую помощь, поскольку она ревновала Верлена к Матильде. Верлен и Рембо путешествовали почти год. Этот год стал для Верлена самым счастливым в его жизни. Он позже вспоминал этот год «интенсивно, всем своим существом». Сначала они путешествовали по Бельгии, а затем перебрались в Лондон, где стали жить в самых дешевых гостиницах. Иногда они пытались зарабатывать на жизнь, давая уроки французского языка. В основном же они жили на деньги, которые присылала им мать Верлена и которая позже подсчитала, что Рембо обошелся ей в 30 000 франков.

Это был период подъема творческой активности Верлена. Вскоре, впрочем, отношения между ними стали портиться. Они все чаще стали ссориться, поскольку Рембо надоело быть в постоянной зависимости от своего старшего товарища-поэта. Верлен, не в состоянии более выносить накаленной до предела обстановки, внезапно покинул Лондон и уехал в Брюссель в июле 1883 года. Он разослал письма с уведомлением о том, что собирается покончить жизнь самоубийством, всем лицам, которым это могло касаться, включая свою бывшую жену, и стал ждать, кто из них и когда его спасет. Первой примчалась мать Верлена, за которой приехал и весьма агрессивный настроенный Рембо. Во время пьяного эмоционального разбирательства, переросшего в ссору, Верлен схватил пистолет, с помощью которого собирался покончить жизнь самоубийством, и выстрелил в Рембо, ранив его в кисть руки. Рембо обратился за помощью в полицию, опасаясь повторного нападения со стороны

Верлена. Верлен был арестован. Во время медицинского обследования были найдены доказательства его участия в гомосексуальных половых актах. Верлен был приговорен к двум годам тюремного заключения за попытку убийства...»

Прервемся, чтобы перевести дух. Уф! Какие безумные страсти! Вот до чего может довести «Пьяный корабль»! Это хрестоматийное стихотворение под таким названием написал Артюр Рембо до своего появления в Париже:

... Ну, ее если Европа, то пусть она будет,
Как озябшая лужа, грязна и мелка,
Пусть на корточках грустный мальчишка закрутит
Свой бумажный кораблик с крылом мотылька.

Надоела мне зыбь этой медленной влаги,
Паруса караванов, бездомные дни,
Надоели торговые чванные флаги
И на каторжных страшных понтонах огни!

(Перевод Павла Антокольского)

Все надоело! Такое вот было мировосприятие молодого Рембо. А теперь обратимся к книге Пола Рассела «100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок» (1995). Другой ракурс и несколько другая трактовка отношений и событий тех верлено-рембовских лет:

«В Париже Рембо посещал известных поэтов, отпугивая своим поведением всех, кроме Верлена, с которым стал поддерживать любовную связь. К ноябрю 1871 года в прессе появилось немало домыслов об этих взаимоотношениях, и когда однажды Рембо с Верленом появились на одном литературном собрании, шокированная публика вышвырнула их вон. Затем последовал период беспробудного пьянства и шумных скандалов. Между любовниками происходили бесконечные ссоры, расставания и примирения. Кульминация наступила, когда 10 июля 1873 года в Брюсселе Верлен, не помня себя от выпитого, выстрелил в Рембо и попал ему в запястье. Ужаснувшись содеянным, Верлен дал пистолет Рембо, настаивая, чтобы тот убил его. Рембо отказался, и они отправились в больницу, чтобы обработать рану. Однако на улице Верлен затеял новую ссору, вновь вытащил оружие, и Рембо пришлось умолять проходящего полицейского о защите. Артюра Рембо забрали в больницу, а Верлена арестовали. Обвиненный в покушении на убийство, сгоравший от любви поэт был приговорен к двум годам лишения свободы.

За время беспокойной любовной связи с Верленом Рембо создал два своих наиболее значительных произведения: великолепное и ужасное «Одно лето в аду» и абстрактные стихотворения в прозе «Озарения». С художественной точки зрения Верлен был окончательно превзойден. Ганс Майер оценивает развитие отношений между двумя поэтами следующим образом: «Это было именно то, на что Верлен не был способен: сильное и постоянное чувство на фоне скандальных переживаний. Он оставался глупейшим любовником супруга преисподней, и, как «глупейшая девственница», так и не уразумел, почему всему когда-нибудь приходит конец».

Вот так кратко представлены Верлен и Рембо в книге Рассела. А что было дальше? В 1875 году, когда Верлен вышел из тюрьмы, он и Рембо встретились лишь один раз, и пути их разошлись окончательно. Верлен в тоске по утраченному любовнику взялся за публикацию произведений Рембо, а в 1884 году написал о нем книгу «Проклятые поэты».

Что касается Рембо, то он вскоре забросил поэзию и, по словам Майера, покатился «от любви к скандальной славе до скандальной безвестности». Несколько раз посещал Африку, вел какие-то там торговые дела, занимался поставками оружия. Жаркий климат ему был

противопоказан, но он туда возвращался вновь и вновь, как бы стремясь поскорее убить себя. И убил. Скончался 10 ноября 1891 года в Марселе, в возрасте 37 лет. Верлен пережил своего друга-любовника на 5 лет.

Связь, связка Верлен-Рембо до сих пор не дает покоя многим. В 1995 году на экраны вышел фильм бывшей полячки, а ныне «гражданина мира» Агнешки Холланд – «Полное затмение» («Total Eclipse»). В роли Верлена снялся англичанин Томас Тьюлис, а роль Рембо исполнил любимец Голливуда Леонардо ди Каприо. Картина эта не документально-биографическая, а нечто иное, ближе к исследованию. История о том, как энергичный гениально-испорченный юнец-хам-провинциал Рембо совратил (морально и сексуально) гениального, но слабовольного, не способного противостоять ненавистному мелкобуржуазному окружению Верлена.

Кто-то из киноведев посчитал, что праотцом фильма Агнешки Холланд явился... Борис Пастернак, который еще в 1944 году пересказал сюжет (вот и Пастернаку была интересна эта захватывающая история двух знаменитых поэтов): Он (Верлен. – Ю.Б.) запил. Тут судьба послала ему злого гения в виде чудовища одаренности, каким был буян, оригинал и поэт – подросток Артюр Рембо. Он сам на свою голову выкопал этого «начинающего» где-то в Шарлеруа и выписал в Париж. С поселения Рембо у Верленов их нормальная жизнь кончилась. Дальнейшее существование Верлена залито слезами его жены и ребенка. Начались скитания Рембо и Верлена, навсегда оставившего семью, по большим дорогам Франции и Бельгии, совместный запой, полуголодная жизнь в Лондоне на грошовые заработки, драка в Штутгарте, каталажки и больницы. Однажды в Брюсселе после крупной ссоры Верлен выбежал от уходившего от него Рембо, два раза выстрелил по нем вслед, ранил, был арестован и приговорен судом к двухгодичному заключению в тюрьме в Монсе».

Одна и та же история, повторяемая по кругу и напоминающая ритмику знаменитого «Болеро» Мориса Равеля. Кстати, этот французский композитор жил во времена Верлена, хотя и был значительно моложе. Для своих нескольких вокальных произведений Равель выбрал тексты близких ему поэтов, в том числе Поля Верлена.

Но вернемся к фильму «Полное затмение», в нем ярко отражена страсть творческого организма – к самосжиганию. Чтобы поскорее забыться, уйти от проклятой действительности, сжечь себя дотла. Достичь полного затмения...

Верлен, разбитый, усталый, с опустошенным сердцем и высохшим умом, не верил в счастливую зарю человечества. Сын большого века, он с молоком матери всосал в себя пагубную страсть и чрезмерную чувствительность, с каждым годом все ниже опускаясь на дно порока.

Тюрьма и свобода

После бурной жизни Верлен оказался в тюрьме с ее строгим и жестким распорядком дня и ночи. Пришлось подчиниться и смириться. В тюрьме он узнает, что просьба жены о разрешении ей жить отдельно от мужа удовлетворена судом. В порыве отчаяния Верлен зовет к себе священника, просит почитать ему Священное писание и излагает на исповеди все свое грешное прошлое. Для священника эта была страшная исповедь. Сам Верлен признавался, что священник даже спросил его: «Не были ли вы также и с животными?» Исповедь произвела впечатления и на самого Верлена (у Пушкина есть строчки: «Грех алчный гонится за мною по пятам...»), впрочем, не одного Верлена потрясал черный список собственной жизни. Результатом тюремных признаний и размышлений явилось создание цикла стихов «Мудрость» (потом под этим названием вышла книга), в них Верлен предстает перед читателями в образе кающегося грешника. Вот одно стихотворение из «мудрости» в переводе Сологуба:

Я в черные дни
Не жду пробужденья,
Надежда, усни,
Усните, стремленья!

Опускается мгла
На взор и на совесть.
Ни блага, ни зла,
О, грустная повесть!

Под чьей-то рукой
Я – зыбки качанье
В пещере пустой...
Молчанье, молчанье!

Верлен вышел на свободу в январе 1875 года. Его выпустили из тюрьмы за полгода до окончания срока за примерное поведение. Верлен вышел и бросился искать Рембо, но «пьяный корабль» ушел, в 1879 году, когда Верлен работал учителем в провинциальной школе, он познакомился с молодым студентом, который своим расхристанным поведением и, в частности, наглостью напомнил ему Артюра Рембо. Это был крестьянский парень, 19-летний Люсьен Летинуа, который с радостью воспринял знаки внимания и финансовую поддержку 35-летнего поэта.

Верлен рассказывал всем сентиментальную историю о том, что Люсьен является его приемным сыном. Он взял его с собой в Англию и стал платить за его проживание в Лондоне, а сам начал работать преподавателем в графстве Хэмпшир. Но как только Верлен узнал, что его «приемный сын» влюбился в молоденькую англичанку, то сразу примчался в Лондон «спасать» Люсьена. Затем Верлен купил во Франции ферму и поселил там всю семью Люсьена, чтобы они там жили, работали и благоденствовали. Однако эта сельская идиллия закончилась полным банкротством. Вскоре Люсьен ушел в армию, и Верлен стал писать стихи о «красивом бодром солдате». Люсьен Летинуа умер в 1883 году от брюшного тифа. Верлен оплакал его в 24 стихотворениях («Плач по бедному Люсьену Летинуа»). Еще в жизни стареющего Верлена был юный Фредерик-Аугуст Казаль.

Умерла мать Верлена, и он остался, по существу, один как перст. Здоровье его окончательно расшаталось, и Верлен находился на излечении в больнице. Там он повстречался с двумя стареющими проститутками Филоменой Буден и Южени Кранц. Они были некрасивыми, грязными и неряшливыми. По описанию одного из биографов Верлена, они удовлетворяли его сексуальные запросы и стимулировали его мазохизм, ссорясь и ругаясь с ним, а иногда и избивая его. Эти опустившиеся женщины были жадными и требовали, чтобы Верлен писал стихи. Листки со стихами они вырывали у него из рук и тут же бежали их продавать.

Поль Верлен умер 8 января 1896 года, в возрасте 51 года.

Южени (Евгения) была с поэтом, когда он умирал. Она же и руководила похоронами с траурной повязкой вдовы. Затем стала бойко торговать поддельными литературными сувенирами, а пьянство на заработанные на Верлене деньги быстро свело ее в могилу.

Пусть будет прихоть нечиста
или невинна,
Порок иль скромная мечта —

мне все едино...

Запись в дневнике Жюль Ренара: «Похороны Верлена. Верно сказал один академик, похороны возбуждают, вселяют бодрость... Он вскричал: «Женщины сгубили Верлена!» Нет, всё значительно сложнее. Его душа ребенка не вынесла тягот мира.

В дне вчерашнем иль завтрашнем —
Где мы?
Где мы, сердце? В тумане глубоком

Ты провидишь недремлющим оком
Всем поэтам присущую тему.
Умереть бы в печалях, весельях, —
О, любовь! — как часы и мгновенья,
В непрестанном и вечном движенье...
Умереть бы на этих качелях!

Верлен и качался на этих смертельных качелях, от печали к веселью, и до конца смерти, сохранял бессознательную потребность ласки. Но ни ласки, ни счастья по существу не узнал. Оставалось одно: успокоение в смерти. Смерть — «этого единственно ему не хватало», как написал французский писатель-эстет Поль Клодель. И он же:

Старик ушел. Он вернулся туда, откуда его прогнали...
Только голос — то ли женщины, то ли ребенка,
То ли Ангела — «Верлен!» — позвал его из тумана.

(Перевод Ольги Седаковой)

«Верлен» — имя нарицательное. Символ пьяного поэтического бреда и метущегося сердца.

«Дитя с душой чистой и честной» (Жюль Леметр).

«Волнующая непосредственность». «Стоны и крики бедного, безвольного дитя». «Бессознательное существо». «Полузверь-полубог».

По мнению Франсуа Коше, Верлен «навсегда остался ребенком, сохранившим свою детскую душу, всю свежесть чувства».

Из завещания Верлена:

«Мое завещание.
Я не оставляю ничего бедным, потому что я сам бедняк.
Я верю в Бога.

Поль Верлен».

Незадолго до смерти от воспаления легких Верлена избрали «королем поэтов», самым великим из всех живущих во Франции.

На смерть Верлена отозвался Максим Горький в «Самарской газете» статьей «Поль Верлен и декаденты», в ней «Буревестник» отметил «розги, которыми судьба сечет культурные классы Европы» (а в России не секла?). Непосредственно о поэте: «Верлен был яснее и проще своих учеников: в его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуткой и нежной души...» А далее Горький

дал характеристику всем декадентам сразу: «Сначала это были дети, чистые сердцем дети, какими бываем все мы, к сожалению, очень краткое время...» Выросли – и «воплем отчаяния» от ужасной действительности. И как в одной песенке: «Мама, я хочу домой!..»

На рубеже XIX и XX веков Верлен был весьма популярен в России. Его любил переводить Федор Сологуб, находя у французского символиста созвучия со своей душой и судьбой. В дневниках Корнея Чуковского есть запись от 7 мая 1923 года: «Одинокий старичок, неприкаянная сирота, забитый критиками и газетами, недавно переживший катастрофу, утешается саморегистрацией. – Моих переводов из Верлена у меня зарегистрировано семьдесят».

Сам Верлен ничего не регистрировал.

Современник поэта Рене Гиль рассказывал, как застал Верлена за сосредоточенной молитвой, а через несколько минут тот уже весело восседал в плохоньком кафе. А на удивление Гиля ответил в духе героев Достоевского: «В нас, во всех людях, есть два существа, поддерживающие друг друга, но враждебные, ах, как враждебные! – ангел и свинья! Да, решительно свинья!..»

Кстати, о парижских заведениях. Всем туристам непременно посоветуют посетить ресторан «Лепель Анжель» («Ловкий кролик») на улице Соль, где собирались многие знаменитости: Пикассо, Аполлинер и, конечно, Поль Верлен. И еще – кафе «Дё Маго» на площади Сен-Жермен-де-Пре. Здесь частенько сживали Поль Верлен и Артюр Рембо, ну, а позднее – Жан-Ноль Сартр и Симона де Бовуар. Это кафе славится лучшим горячим шоколадом в Париже. Но вряд ли в свое время Верлен и Рембо увлекались шоколадом: они предпочитали что-то горькое и хмельное.

Надо заканчивать повествование о Верлене. Дитя и поэт. Бюрократ и коммунар. Бродяга и иждивенец. Фермер и хулиган. А еще новатор. В стихотворении «Искусство поэзии» Верлен говорил о необходимости переосмыслить роль слова и поэзии, и, конечно, великий саморазрушитель: сознательно разрушал свою телесную оболочку, чтобы высвободить творческую энергию. Кто-то из несведущих в поэзии по-житейски сказал бы: непутевый...

И прислушаемся еще к одному мнению. Авторитета. Эмиль Золя:

«Верлен создавал свои стихи так же, как груша производит свои плоды. Ветер дул, а он шел туда, куда гнал его ветер. Он никогда не хотел чего-либо, никогда не спорил о чем-либо, не обдумывал, не исполнял, никогда он ничего не делал при полной деятельности своего сознания. Можно придумать для него иную среду, можно подвергать его разным влияниям, наделить его совершенно различными точками зрения, и несомненно, что его творчество преобразилось бы и приняло бы другие формы, но он остался бы столь же несомненно рабом своего чувства и гений его придал бы такую же силу песням, которые произвольно срывались бы с его уст. Я хочу сказать, что при такой натуре, вышедшей из равновесия и доступной всяким внешним проявлениям, почва имеет весьма мало значения, так как все в ней растет в полноте неотразимой личности».

Короче, Верлен как «листок, носимый по ветру».

Верлен – трудный поэт для перевода: очень много словесных нюансов. Пожалуй, лучше всех Верлена переводил, чувствуя его звук и ритм, Георгий Шенгели. Он в 1945 году подготовил книгу о Верлене: стихи, примечания. Но ей было суждено храниться в столе переводчика более 50 лет. Книга увидела свет лишь в 1997 году.

У Верлена трудная судьба и после его ухода.

Алхимик слова

Польский поэт, переводчик, сатирик и страстный антифашист Юлиан Тувим жил в трудные времена. Он выжил благодаря лирике и остроумию. Лирика множила его друзей. А шутки разили врагов. Вот лишь одна запись из записной книжки Тувима: «Помни о бедных», – говаривал некий лодзинский фабрикант, – это ничего не стоит». И еще одно знаменитое определение: «Эгоист – тот, кто заботится о себе больше, чем обо мне». Поистине, подобное мог написать человек с золотым пером.

Юлиан Тувим родился в Лодзе, в еврейской семье, 13 сентября 1894 года. Он очень любил Польшу и любил город, в котором родился – Петраковская улица, базар, гостиница «Савой», фабрики и нищие Балуты:

Пусть те восхваляют Сорренто, Крым,
Кто на красоты падох.
А я из Лодзи. И черный дым
Мне был отраден и сладок.

Родился Тувим в мелкобуржуазной интеллигентной семье, которая вечно колеблется между народными чаяниями и вкусами правящей элиты. Вечное неудовлетворение в душе и путанице в голове. Отец был банковский служащий средней руки, человек по характеру методичный, замкнутый и отрешенный. Мать – моложе его на 15 лет – натура более чуткая, нервическая, с идеальными порывами. Сын перенял от отца методичность, а от матери – артистичность натуры, родители жили недружно, дом был неуютен, средств мало, – вот в такой атмосфере формировался будущий поэт.

Поначалу Юлиан увлекся наукой. Хотел быть химиком и алхимиком, но после взрыва в домашней лаборатории переключил свой интерес на марки. Марки как путешествие по миру. Затем наступило «лингвистическое помешательство»: Тувим увлекся «словесной алхимией» и боготворил слово до конца своей жизни. Первым любимым поэтом стал Леопольд Стафф и, как признавался Тувим, в душе всё заклекотало от ритмов. Поэзия стала живой. Стихи выскочили из книг и стали бродить по городу».

После Стаффа Юлиан Тувим влюбился в поэзию Артюра Рембо. Затем его наставниками стали классики Кохановский и Словацкий, из русской поэзии – Пушкин, Блок, позднее – Маяковский. Из прозы на Тувима особое впечатление произвели «Петербургские повести» Гоголя.

В 1916 году Юлиан Тувим поступает на правовой факультет Варшавского университета, затем переводится на филологический, но университетского курса так и не кончил. Бурная литературная жизнь отвлекла его от образования. Свои первые стихи Тувим опубликовал в студенческом журнале. Вскоре вышла первая книга стихов «Подстерегаю бога». В 1920 году выходит вторая – «Пляшущий Сократ», вслед за ней – «Седьмая осень».

Пусть будет ветер, будет гром!
Мы знаем, вихрь, твою замашку, —
Бей окна, рви с меня фуражку!
Гей, красный дом, высокий дом —
Все двери-окна нараспашку!

Дионисийское, вакхическое настроение владело молодым Тувимом. А тут подоспели и политические перемены. Октябрьская революция в России потрясла Польшу. Жизнь завихрилась и забурилась. В Варшаве и Лодзе появились многочисленные литературные кафе и кабаре, и на время Тувим становится эстрадным поэтом. Но истинная поэзия перевешивает эстраду. Горькая действительности превращает Тувима в злого поэта-сатирика.

Ваши слова – как салонные моськи,
А мои – как разъяренные псы!..

Пишет в стихах Тувим, а в воспоминаниях отмечал: «В земле еще лежали неразорванные снаряды 1914 – 1918 годов, а мы уже чуяли и выжидали снаряды Люфтваффе. Под этим перекрестным огнем мы ходили по земле зигзагом, цепляясь за любые «идеи», «течения» и «направления», как пьяный за забор».

В 1924 году в варшавском театре «Новая комедия» была поставлена тувимовская инсценировка повести Гоголя «Шинель». Оказалось, Акакий Акакьевич – это не только забитый маленький русский человек, но и такой же загнанный в угол поляк. Затрагивая социальные язвы общества, Тувим наживал политических врагов и вызывал непонимание друзей. Тувим пытался оправдываться: «Политика не является моей профессией. Она – функция моей совести и темперамента». В случае с Тувимом совесть была беспокойная, а темперамент почти африканский. Еще более темпераментным был его русский друг Владимир Мая-

ковский, которого Тувим с удовольствием переводил на польский. Особенно сильно прозвучало «Облако в штанах», по-польски – «Облак в spodнях».

Маяковский отмечал, что Юлиан Тувим «очень способный, беспокоящийся, волнуемый поэт».

В 1922 году состоялось знакомство с Тувим еще с одним русским – Ильей Эренбургом. Эренбург и Тувим сразу нашли общий язык. «Почти всю жизнь мы прожили в разных мирах и встречались редко, случайно. А вот мало кого я любил так нежно, суеверно, безотчетно, как Юлиана Тувима», – отмечал в своих мемуарах Эренбург. «При первой встрече меня поразила его красота. Ему тогда было 28 лет. Впрочем, красивым он оставался до конца своей жизни. Большое родимое пятно на щеке придавало строго обрисованному лицу трагический характер, а улыбался он печально, почти виновато; порывистые движения сочетались с глубокой застенчивостью».

«Польша не всегда была ласкова к Тувиму, но он всегда любил Польшу», – замечал Эренбург. В 30-е годы Тувим нещадно критиковал народившийся класс буржуа, в его стихах часто звучала тема – круговращение денег:

Из кассы в карманы – круговоротом,
Разменной монетой и крупным банкнотом,
Кривым лабиринтом, кругом и обходом,
По всем направленьям, и сущей и бродом...

Отрицательно относился Тувим к военщине. В стихотворении «К генералам» он писал:

Бомбовержцы, какой вы оставите след,
Хроме дыма, пожаров, увечий!
Но огнями живыми
Через тысячу лет
Наших слов будут рваться картечи!

Так бросьте же притворяться львами,
Смешные люди, на львов не похожие!
Помните: здесь генералы мы сами,
Мы сами, задумчивые прохожие.

Мощная критика обрушилась на Тувима за это стихотворение, его назвали «беспримерным по своей большевистской наглости хулиганским рекордом Тувима». Поэт стоял по другую сторону социальных баррикад, борясь стихом против власти и ее генералов, против богатых и довольных жизнью.

Мой боже, молюсь я жарко,
Мой боже, молюсь я сердечно
За горечь всех оскорбленных,
За дрожь ожидающих тщетно,
За невозвратность мертвых,
За отчаяние одиноких,
За скорбь никому не нужных,
За безнадежно просящих,
За высмеянных, гонимых...

И далее в стихотворении «Литания»: «за выгнанных, обойденных... за слабых, униженных, битых...» Поэт молился «за беды их, за обиды, печали и неудачи».

В сентябре 1939 года гитлеровские войска вступили в Польшу. «Меня выбросило сперва в Париж, потом в Португалию, затем в Рио-де-Жанейро (чудо из чудес), наконец в Нью-Йорк... А должно было забросить в Россию», – писал Тувим в одном из своих писем. Но, может быть, Тувима хранил Господь, что не забросил его в Россию, ибо в этом случае его могла ожидать Катынь.

«В 1944 году Юлиан Тувим написал обращение, озаглавленное «Мы – польские евреи». Вот несколько выдержек из этого блестящего публицистического выступления:

«И сразу я слышу вопрос: «Откуда это мы?» Вопрос в известной степени обоснованный. Мне задавали его евреи, которым я всегда говорил, что я – поляк. Теперь мне будут задавать его поляки, для подавляющего большинства которых я был и остаюсь евреем. Вот ответ тем и другим. Я – поляк, потому что мне нравится быть поляком. Это мое личное дело, и я не обязан давать кому-либо в этом отчет. Я не делю поляков на породистых и непородистых... Я делю поляков, как евреев, как людей любой национальности, на умных и глупых, на честных и бесчестных, на интересных и скучных, на обидчиков и на обиженных, на достойных и недостойных. Я делю также поляков на фашистов и антифашистов... Я мог бы добавить, что в политическом плане я делю поляков на антисемитов и антифашистов, ибо антисемитизм международный язык фашистов... Я – поляк, потому что в Польше родился, вырос, учился, потому что в Польше узнал счастье и горе, потому что из изгнания я хочу во что бы то ни стало вернуться в Польшу, да даже если мне будет в другом месте уготована райская жизнь...»

Сделаем паузу. Наберем снова воздуха и продолжим страстный монолог Юлиана Тувима:

«...Я слышу голоса: «Хорошо. Но если вы – поляк, почему вы пишете «мы – евреи»? Отвечу: «Из-за крови». – «Стало быть, расизм?» – «Нет, отнюдь не расизм. Наоборот. Бывает двоякая кровь: та, что течет в жилах, я та, что течет из жил. Первая – это сок тела, её исследование – дело физиолога. Тот, кто приписывает этой крови какие-либо свойства, помимо физиологических, тот, как мы это видим, превращает города в развалины, убивает миллионы людей и в конце концов обрекает на гибель свой собственный народ. Другая кровь – это та, которую главарь международного фашизма выкачивает из человечества, чтобы доказать превосходство своей крови над моей, над кровью замученных миллионов людей... Кровь евреев (не «еврейская кровь») течет глубокими, широкими ручьями; почерневшие потоки сливаются в бурную, вспененную реку, и в этом новом Иордане я принимаю святое крещение – кровавое, горячее, мученическое братство с евреями... Мы, Шломы, Срули, Мойшки, пархатые, чесночные, мы, со множеством обидных прозвищ, мы показали себя достойными Ахиллов, Ричардов Львиное Сердце и прочих героев... Мы, с ружьями на баррикадах, мы под самолетами, которые бомбили наши убогие дома, мы были солдатами свободы и чести. «Арончик, что же ты не на фронте?» Он был на фронте, милостивые паны, и он погиб за Польшу...»

В эмиграции Юлиан Тувим начал колдовать над огромной поэмой «Цветы Польши» – это нечто среднее между «Евгением Онегиным» Пушкина и «Дон Жуаном» Байрона, своеобразная энциклопедия польской жизни. После возвращения на родину Тувим активно работал, был увлечен театром, выпустил антологию польской поэзии, сборник сатирических произведений «Пером и перышком», много переводил – «Медного всадника» Пушкина, «Горе от ума». Грибоедова, «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, еще Бальмонта, Брюсова, Блока... А еще Тувим проявил себя как детски поэт.

Кто не знает об артисте

Тралиславе Трулялинском!
А живет он в Припевайске,
В переулке Веселинском.
С ним и тётка – Трулялетка,
И дочурка – Трулярюрка,
И сынишка – Трулялишка,
И собачка – Труляляка.
Есть у них еще котёнок,
По прозванию Трулялёнок,
И вдобавок попугай —
Развеселый Труляляй!..

Но из всех жанров главный для Тувима всё же сатира. Его афоризмы, или фразы, пользовались и продолжают пользоваться с большим успехом. К примеру, о женщинах: «Добродетельная девица не гонится за женихами. Где это видано, чтобы мышеловка гналась за мышью?» Или: «Как умны были женщины, если бы обладали всем тем разумом, который мужчины из-за них потеряли». И последний вздох: «Как жаль, что я не знал вас 20 лет тому назад». Ну а 40–50 тем более...

Еще в 20-е годы Юлиан Тувим мечтал поехать в Советский Союз. Он приехал в Москву весной 1948 года и с приступом язвы попал в Боткинскую больницу. А подлечившись, уехал домой, так что в Москве он увидел только номер гостиницы в «Национале» да больничный в Боткинской. В духе своих сатир. Под занавес немного лирики:

А может, снова, дорогая,
В Томашув на день закатиться.
Там та же вьюга золотая
И тишь сентябрьская длится...

В том белом доме, в том покое,
Где мебель сдвинута чужая,
Наш давний спор незавершенный
Должны мы кончить, дорогая.

«Безумья капелька запала в мой тусклый мозг игрою радуг», – как-то заметил о своем творчестве Тувим. Он умер относительно рано, в расцвете сил, не успев закончить «Цветы Польши», в 59 лет – 27 декабря 1953 года.

Давно нет с нами Юлиана Тувима, но его золоченные фразы и шутки продолжают доставлять нам удовольствие. А если вам нездоровится, можно утешаться его мудрым изречением: «Здоровье – только одно, а болезней тысячи». А если повезет не вам, а другому, то и тут на помощь придет Тувим: «Брось счастливирика в воду – и он выплывет с рыбой в зубах».

Ну, и пусть! Ему – рыба. Вам – улыбка. Это тоже неплохо. И спасибо за всё Юлиану Тувиму.

Прозаики

Беседовать с писателями других веков – почти то же, что путешествовать.

Рене Декарт

Писать – значит читать себя самого.

Макс Фриш

Начинаешь писать, чтобы прожить, кончаешь писать, чтобы не умереть.

Карлос Фунтэс

Жизнь чаще похожа на роман, чем наши романы на жизнь.

Жорж Санд

Вечный Дон Кихот

Не так давно Нобелевский комитет в Осло провел опрос среди ведущих писателей мира по поводу лучшего произведения мировой художественной литературы. Лучшим был назван «Дон Кихот». История о «рыцаре печального образа» сумела опередить произведения Достоевского, Шекспира, Толстого и Кафки. А раз так, то давайте вспомним и порассуждаем о Сервантесе и Дон Кихоте.

Сначала об авторе. Неизвестно, когда точно родился Мигель Сервантес де Сааведра, но точно известна дата его крещения – 9 октября 1547 года. В биографии великого писателя много белых пятен. Первый биограф Сервантеса Григорио Маянс, составивший его жизнеописание в начале XVIII века, простодушно заявлял, что обстоятельства жизни Сервантеса достоверно неизвестны. И все же канва жизни Сервантеса представляется такой.

Сервантес родился в городке Алькала-де-Энарес, недалеко от Мадрида. Он был младшим сыном бедной, но знатной семьи идалго. Маленькому Мигелю достались только рассказы деда и отца о былом величии фамилии. «О! бедность, бедность, – восклицает Сервантес в «Дон Кихоте», – к чему ты гнездишься по преимуществу между гидальго и дворянами? К чему ты заставляешь их класть заплату на башмаки свои и на одном и том же камзоле носить пуговицы всякого рода: костяные, шелковые, стеклянные?...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.